www.devec.ru

Развитие и экономика

сентябрь 2011

1

точка зрения

Экономофрения: болезнь века?

миллениум банк зао

Приближаем к цели.
Обслуживание пассажиров на ж/д вокзалах.

www.kbmil.ru

СОДЕРЖАНИЕ

сентябрь 2011 | №1

3 Обращение Учредителей

7 Вопросы анкеты-интервью **«О развитии»** (Анкета **РЭ**)

тема номера

8 С.Н. Белкин, М.Ю. Байдаков
Развитие и ценности

экономика и развитие

46 С.Н. Бабурин, В.М. Симчера
Развитие экономики Русского мира в формате мировой экономики за 1000 лет

62 **Анкета РЭ** – ответы В.Г. Федотовой

64 С.Н. Белкин, М.Ю. Байдаков
Развитие России и мировая финансово-экономическая система

архитектура и развитие

74 А.Н. Белкин
Три фасада ЦУМа

диалоги о развитии

77 Интервью **Вячеслава Лупачева,**
руководителя подразделения Государственного академического Мариинского театра по развитию и реализации инновационных программ

Развитие и экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:
М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Адрес:
129010, г. Москва, Протопоповский переулок, дом 19, стр. 10.
Тел.: +7 (495) 788-98-68
Факс : +7 (495) 788-98-69
www.devec.ru
info@devec.ru

Главный редактор:
С. Белкин
Дизайн, верстка:
О. Фирсов
Редактор-корректор:
Г. Окулова
Секретарь редакции:
М. Петухова

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77- 44936 от 04 мая 2011 г.

Печать:
«Немецкая фабрика печати»
Тираж: 5 000 экз.
Дата выхода в свет: 25/09/2011

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Все права защищены.
Полное или частичное воспроизведение опубликованных в альманахе «Развитие и экономика» статей, фотографий, а также иных материалов возможно только с письменного разрешения редакции, ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, содержащейся в рекламных объявлениях.

Пицунда, 2010 г.

80 Материалы Круглого стола **«Неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды»** в Пицунде

75 Оргкомитет. Участники. Приветствия

84 О.Т. Богомолов. **Роль неэкономических сфер в модернизации экономики**

Секция 1. В поисках идеологии и модели развития: есть ли возможность выбора?

91 О.Н. Дамениа. **В поисках будущего**
95 В.Е. Лепский. **Проблемы становления субъектности человечества и модели развития**
102 В.Г. Федотова. **Можно ли сделать неосознанные компоненты взаимодействия экономики и социальной среды осознанными факторами развития?**
106 Дискуссия

Секция 2. Духовно-нравственные устои и модернизация общественно-экономического устройства

108 Н.Н. Томашевская. **Гуманизация экономической парадигмы в обществе потребления услуг**
110 Ж.Т. Тощенко. **«Кентавр-проблемы» как особый случай противоречия между экономикой и нравственностью**
114 В.М. Симчера. **Физика и метафизика неосознанных рыночных взаимодействий**

Секция 3. Демократия как средство консолидации общества и инструмент развития. Что на очереди дня?

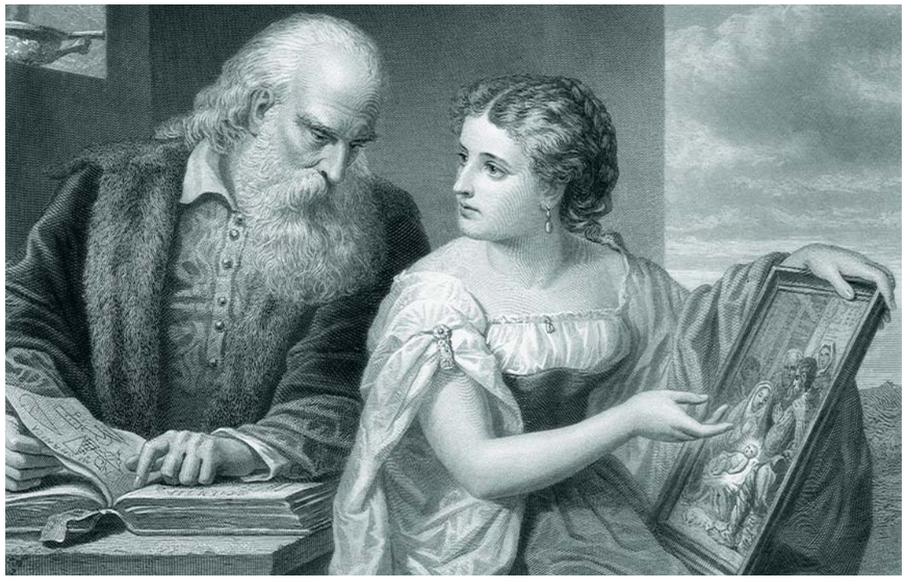
121 Ю.А. Красин. **К новой парадигме политического правления. Демократия, автократия или «неократия»?**
130 А.В. Коврига. **Проблемы развития в условиях глобальной политэкономии знания**
134 З.А. Кучкаров. **Свобода компетентности: ответ на проблему потери управляемости в больших иерархических системах управления**
138 Ю.Г. Павленко. **Межэтнические факторы и экономические аспекты**

Секция 4. Культура и экономика: конфликт, компромисс или содружество?

140 К.Э. Разлогов. **Глобализация культуры – миф или реальность?**
143 К.Э. Разлогов. **Культура и культуры в эпоху интернета**
148 Н.Н. Федотова. **Экономический процесс и изменение идентичности**
150 И.В. Соболева. **Экономика и образование**
152 С.Н. Белкин. **К вопросу о нравственном измерении экономики**

155 Заключительная дискуссия
162 Открытое обращение участников Круглого стола
163 Меморандум

164 **Анкета РЭ** – ответы З.А. Кучкарова



Дэниел Хантингтон. Философия и христианское искусство

Обращение учредителей

Развитие, таким образом, есть не бесхитростное и безмятежное происте-чение, каким оно бывает в органической жизни, а жесткая, яростная рабо-та духа... Оно не сводится к чисто формальным моментам развития вооб-ще, а является достижением определенной содержательной цели.

Гегель. Лекции о всемирной истории

Дорогие друзья!

У вас в руках первый номер альманаха «Развитие и экономика». Может возникнуть вполне естественный вопрос: «А нужно ли еще одно издание? Поток информации и без того огромен. Даже хорошо известные журналы не успеваешь пролистать, а уж по интернет-ресурсам «про экономику» даже вскользь пробежаться невозможно... На что рассчитывают учредители альманаха?».

Эти вопросы мы себе тоже задавали. Поскольку оба учредителя занимались и продолжают заниматься и бизнесом, и общественно-политической деятельностью, и публицистикой, – мы хорошо осознаем проблемы, связанные с продвижением нового издания, с его судьбой в насыщенном информационном поле. Тем не менее, мы видим серьезные основания для формирования издания, ориентированного на тему «развития».

У нас за плечами многолетний опыт организации и проведения международных круглых столов, конференций и форумов, на которых обсуждались различные аспекты общественного развития. В них принимали участие ведущие ученые и эксперты, бизнесмены и политики разных стран. Результаты дискуссий публиковались сборниках докладов, в статьях и интервью. Но, несмотря на это, нас не покидает неудовлетворенность: желаемый общественный резонанс возникает не всегда. Многие высказанные суждения и рекомендации, в том числе отраженные в научных публикациях, остаются внутри узкого круга, в то время как в них нуждается общество и его политическая элита. Кроме того, продолжение дискуссии требует возможности вступать в нее оперативно, а не от конференции к конференции. Наконец, стала очевидной необходимость консолидации интеллектуальных усилий в одном направлении.

Это направление называется «развитие». Тема «развития» – едва ли не самое главное, что следует сегодня обсуждать и над чем раздумывать. Возникает ощущение утраты понимания: что такое развитие и как его отличить от «неразвития». Казалось бы: никто не призывает к регрессу, к деградации, однако именно это мы наблюдаем в реальной жизни. Почему так происходит? Почему сменяющие друг друга подходы и модели, ориентированные вроде бы на развитие («перестройка», «ускорение», «демократизация», «либерализация, «модернизация» и т.д.) не приводят ни к видимому прогрессу в экономике, ни к росту культуры, ни к совершенствованию государственного устройства? Не в том ли дело, что и понятие

обращение учредителей

«развития» трактуется разными политическими силами по-разному, а пути, по которым пытается двигаться страна, не ведут к заявленным целям? Как распознать «подлинное развитие»? Кто и где дал нам сегодня образ развития, опирающийся на конкретику сегодняшних проблем и возможностей России?

Сквозная тема альманаха – развитие: общества, страны, народа, человека, культуры, экономики и т.д. В названии нашего издания два понятия – «развитие» и «экономика», что является одновременно и их соединением, и противопоставлением. Давая жизнь новому изданию, мы хотим предоставить междисциплинарную площадку для всестороннего обсуждения и анализа проблем общественного развития, стать «точкой сборки» для этого направления дискуссии.

В общественно-политической практике развитие общества часто отождествляется с экономическими преобразованиями, в то время

как развитие общества не исчерпывается и во многом даже не определяется развитием экономики. Стремясь к экономическим результатам, к внедрению тех или иных политических, идеологических систем, следует не упускать из виду главное: продолжится ли при этом развитие в целостном смысле слова, что при этом теряется или приобретается в духовной сфере жизни общества и индивидуума. Какова мера допустимых нравственных трансформаций и уступок, на которые общество может и согласно пойти ради достижения определенных экономических параметров? Какова мера приемлемых и неприемлемых изменений структуры экономики, ведущих к изменению занятости населения, спектра профессий и возможностей профессионального роста? Что является неизбежным следствием вовлечения экономики страны в мировой процесс разделения труда, и как к этому надлежащим образом подготовиться? Подобных вопросов множество, и нам представляется важным создать постоянную площадку для их обсуждения.

В названии выделен определенный аспект развития общества: взаимовлияние экономики и общественной среды. Экономика – каким бы содержанием мы ни наполняли это понятие, является предметом колоссальной озабоченности огромных масс людей во всем мире, составляет цель и средство мировой политики, занимает основное место в мировом информационном пространстве, является субъектом, объектом и средой деятельности большинства людей во всем мире. Несмотря на эту особую роль в жизни человека и самоотверженную трату интеллектуальных и материальных ресурсов, экономика доставляет человечеству наибольшее число нерешенных проблем, количество и сложность которых возрастает, а перспективы выглядят драматическими. Поиск «правильной экономики» ведется непрерывно и беспощадно. Не удается найти такую форму и такое содержание экономической жизни общества, которое удовлетворяло бы не то что всех, не то что большинство, но, в сущности, хоть кого-то. Недовольство существующим и тревога за будущее одинаково характерны для всех сегментов общества.

Издание «Развитие и экономика» ориентируется на научное и экспертное сообщество, политиков и деловые круги, деятелей культуры и общественно активных граждан. К сотрудничеству с изданием приглашаются экономисты, философы, социологи, инженеры, психологи, писатели, деятели культуры, политики, представители разных научных направлений и политических взглядов, – словом все, кто готов рассуждать о том, в чем состоит развитие и каким оно должно быть, что есть регресс и что – остановка развития. Мы будем стремиться к расширению аудитории, к вовлечению широких кругов читателей, интересующихся политикой, экономикой, стратегией развития России и мира. В этой связи стилистика и содержание публикаций должны быть ориентированы на доступное изложение обсуждаемых проблем.

Каким мы видим наше издание? – Проще всего образ будущего альманаха раскроется через описание его рубрик.

Философия развития. В этом разделе рассматриваются фундаментальные вопросы, касающиеся развития вообще, общественного развития, проблемы философии экономики.

Что такое общественное развитие? Как отличить «прогресс» от «регресса» и «застой» от «ускорения» с точки зрения развития общества? Достаточно ли экономических критериев для оценки общественного развития?

И именно в ответах на эти вопросы часто происходит водораздел между политиками разных направлений и ориентаций. Вот еще несколько возможных тем для обсуждения в этом разделе:

Экономическое развитие и развитие общества: есть ли противоречие? Консерватизм и развитие. Традиции и развития. Враги развития: кто они? Экономика и хозяйство: два взгляда или две сущности?

Политика и технологии развития. Сейчас в России идет выбор различных подходов, стратегий дальнейшего развития. Часть из них вышла на самый высокий уровень и претендует на государственную стратегию. Полемика и сравнительный анализ этих и иных стратегий на профессиональном, но общедоступном уровне необходимы. Технология развития – это практическое воплощение политики развития. Острыми, актуальными и недостаточно изученными остаются проблемы кризисного управления.

Вот возможные темы для обсуждения и написания статей:

Свобода и модернизация. Управление развитием: что можно, что нужно, а чего нельзя? Демократия и развитие. Модернизация: средство или цель? Организационное оружие как инструмент управления развитием и регрессом. Субъектность и бессубъектность: факторы развития и регресса. Можно ли остановить прогресс?

Управление, самоорганизация и развитие. Применение методов теории систем и нелинейной динамики позволяет глубже взглянуть на суть процессов, происходящих в обществе. Новое научное направление – нелинейная социальная динамика – дает надежду на выработку новой государственно-управленческой парадигмы, соответствующей цели динамического развития общества. Альманах планирует привлекать к дискуссии представителей этого научного направления.

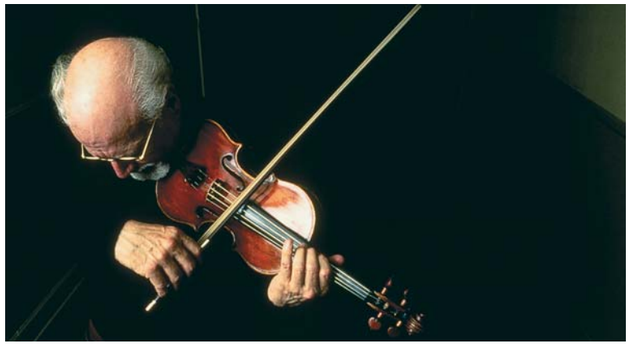
Финансы и развитие. Мировая финансовая система и национальные финансовые системы являются не только важнейшими инструментами экономического развития и его остановки, но и смысловыми, концептуальными сущностями бытия: это мало осознано, и об этом мало говорится. Вот возможные направления дискуссий в этом разделе:

Является ли сложившаяся архитектура мировой финансовой системы фактором всеобщего развития? Инфляция и развитие. Долгосрочные инвестиции – инструмент развития. Безналичная цивилизация как средство и результат развития?

Культура и развитие. Нам кажется, что тема «культура и развитие» стократно важнее темы «экономика и развитие». Во всяком случае, для России это, видимо, так. Потому что именно культура – и не что иное! – является тем, что пока еще объединяет население России в единое целое. Так сложилось исторически. Ни этнический компонент – мы многонациональны, ни религиозный – мы мультиконфессиональны и к тому же весьма и давным-давно светски – не являются основой объединения народа в единое целое и превращения его в нацию. Многонациональная культура и возможность формирования общей позитивной (именно позитивной, а не одной лишь бесконечной истории трагедий народа и власти – это очень важно) истории – дает надежду на то, что мы сможем удержать и развить страну. Если мы раздробим и унизим общую культуру – а это на наших глазах происходит с огромной скоростью – нам не помогут никакие экономические модели. Некоторые возможные направления дискуссий могут быть сформулированы, например, так:

Проект ЮНЕСКО по укреплению связи между культурой и развитием. Традиционная культура и модернизация.

Отдельные сферы культуры могут сформировать самостоятельные рубрики.



Музыка и развитие. Речь не идет о музыковедческом направлении, изучающем становление музыкальных жанров, стилей и т.п. Менее изучены вопросы, близкие к социально-философским аспектам музыки. Например: вот уже 250 лет мир слушает «одного и того же Моцарта», – мы при этом развиваемся? Если «да», то что в нас развивается? А как быть с жанрами современной поп-музыки, такими как рэп или техно, которую любители Моцарта иначе как музыкой для дебилов не назовут? Является в действительности ли подобная музыка социальным «дебилизатором»?

Другой аспект музыкальной культуры: музыка и экономика. Содержание симфонического оркестра стоит дорого, а прибыли оркестр может и не приносить, тем более что круг любителей классики скорее сужается, чем расширяется. Существование таких радиоканалов как «Орфей» полностью зависит от государственного финансирования, использование здесь доходов от рекламы и разрушительно с точки зрения стиля, контекста. Музыка и экономика связаны самым непосредственным образом: есть музыка – в основном это относится к академической музыке, – которую общество

должно содержать, она не может жить и развиваться в условиях рыночной конкуренции, а есть и коммерческая музыка, являющаяся весьма прибыльным бизнесом для своих участников.
Вообще, величайшие образцы мировой музыки очень часто создавались в неблагоприятных исторических условиях. В чем проблема, есть ли в этом закономерность?

Архитектура, развитие, экономика. Архитектура всегда была синтетической сферой деятельности, в ней многое является (может являться, должно являться и т.д.) сферой искусства, многое является сферой реальной экономики, строительства и промышленности, многое является социальной политикой, формированием среды обитания, отвечающей функциональным и эстетическим запросам общества. Архитектура, конкретные окружающие нас здания, как мало что иное, несут на себе печать экономики и политики своего времени. Могут и должны возникнуть рассуждения и параллели на темы: если одни здания хочется охранять, а другие сносить, то не стоит ли приглядеться к особенностям экономик тех эпох и попытаться извлечь из этого уроки?

Литература и развитие, литература и экономика. Есть ли прямая связь между качеством художественной литературы и условиями литературного рынка или нет? Как общество должно (и должно ли) поддерживать развитие некоммерческой литераторы и литературного процесса, не способной поддержать самих себя в условиях рынка? Нужен ли союз писателей?
Подобные рубрики и направления дискуссии ожидаются и в отношении изобразительных искусств, кинематографа, театра, телевидения – всех сторон культурной жизни, ее проблем и перспектив.

IT и развитие. Учитывая исключительную и продолжающую возрастать роль информационных технологий, такая рубрика должна стать одной из постоянных. Процесс становления «информационной цивилизации» нуждается в осмыслении.

Религия и развитие. Это направление дискуссии является одним из самых важных. Человечество входит в постсекулярный мир, наше понимание его особенностей находится в начальной стадии. Мы должны искать не только общий язык друг с другом, но и определить общую платформу ценностей, во имя и на основе которых страна и мир могут продолжить свое развитие. Возможные направления дискуссий весьма разнообразны. Можно навскидку обозначить лишь некоторые:

Ислам и развитие. Что такое «буддийская экономика»? Возможен ли «христианский капитализм»?

Опыт развития. Эта необходимая и влиятельная рубрика призвана рассказывать о примерах успешного развития, равно как и о примерах неудачных действий, приведших не к развитию, а к регрессу. Возможные направления дискуссии здесь могут быть следующими:
Прогресс и регресс в истории России. Циклы развития: колесо судьбы или инструмент управления? Развитие в Китае (Индии, Бразилии, Европе, США...). Самобытность и развитие на примере традиционных обществ.

Провинция и развитие. Любая страна, а Россия в особенности, это огромная провинция. Как разговоры и прямые действия, совершаемые в столицах, отражаются на жизни провинции? Не возникает ли перекосов, когда столица развивается, а провинция вырождается? Неизбежно ли это, хорошо ли это? В этой рубрике планируется рассказывать о жизни провинциальных городов и сел с точки зрения развития. Ставить вопрос: выживание – это развитие? Или это – «стабильность»? Надо показывать как примеры положительные, так и бить тревогу там, где вместо развития наблюдается деградация.

Чиновник и развитие. В этой рубрике предполагается публиковать интервью с министрами, мэрами, главами регионов и администраций.

Персоналии. Здесь мы планируем публиковать очерки о тех личностях, кто разными способами, творя и трудясь в разных сферах, способствовал развитию своих стран и народов.

Путевые заметки. Эта рубрика призвана дать возможность высказаться в духе «...а вот «у них»... То есть предоставить возможность читателям рассказать или подметить в форме путевых очерков и фотоочерков что-то, имеющее отношение к «теме развития».

Издание находится в самом начале пути. Его рубрики тоже находятся в стадии формирования. Надеемся, что тематика издания представляет для Вас интерес. Приглашаем всех принять участие в нашей деятельности, будем признательны за пожелания и рекомендации по развитию издания. Пишите нам, читайте и обсуждайте нас!

Учредители

Анкета-интервью
«О развитии»

Альманах «Развитие и экономика» предлагает авторам и читателям ответить на вопросы нашей постоянной анкеты-интервью «О развитии». Вы можете ответить на все, или только на некоторые вопросы. Вы также можете сами сформулировать вопрос, который, по вашему мнению, должен быть задан в связи с тематикой альманаха, и предложить свой ответ на него. Ваши ответы будут опубликованы в ближайших выпусках альманаха.

Экономическое и общественное развитие

- Что такое общественное развитие, каковы его признаки и критерии?
- Что такое экономическое развитие? Является ли экономическое развитие безусловным благом?
- Экономическое развитие и общественное развитие: в чем состоят их сходство, различие, противоборство?
- Считаете ли вы общепринятые критерии экономического развития удовлетворительными/неудовлетворительными, и с какой точки зрения?
- Может ли развитие экономики, оцениваемое по современным общепринятым критериям, способствовать замедлению, остановке развития народа и страны или даже их деградации?

Личность, общество, государство

В идеале развитие личности, общества и государства происходят в гармонии, взаимно дополняя и обуславливая друг друга. В действительности, однако, личность может развиваться в условиях деградации и даже гибели государства, государство, как система власти, может переживать рост и усиление, в то время как общество, нация, народ – вырождаются и гибнут и т.п. В этой связи возникают не только ценностные коллизии – что «важнее»: личность, нация, государство, – но и такие взаимовлияния, исходом которых может стать разрушение и исчезновение всех или отдельных сущностей. В этой связи возникает много вопросов, которые обобщенно можно обозначить примерно так:

- Развитие личности, народа, нации, общества, страны, государства: в чем состоят совпадения и противоречия? Каковы ценностные приоритеты в этом ряду?

Россия и развитие

- Какой период сейчас переживает Россия: развитие, застой, деградация, угасание?
  Укажите признаки успешного развития страны – на примере России или другого государства.
- Назовите признаки остановки развития, деградации страны – на примере России или другого государства.
- Какие страны способствуют развитию России, а какие препятствуют?
- Какие мировые тенденции способствуют развитию России, а какие препятствуют?
- Какие (мировые, региональные) проекты способствуют развитию России, а какие препятствуют?
- Существуют ли общие для всех стран и народов критерии и цели развития?
- Существует ли общий для всех стран и народов образец, алгоритм, технология развития?

развитие и ценности

оглавление

Что такое развитие? 11
Развитие и прогресс 13
Смыслы, ценности и цели 19
Ценностное ядро 22
Развитие, прогресс и ценностное ядро 25
Развитие, прогресс, ценностное ядро и глобализация 29
Развитие, прогресс, ценностное ядро, глобализация и Родина 30
Можно ли остановить развитие? 33
Управление развитием – это управление ценностями и идеалами 35
Состояние дискуссии 37

Развитие и ценности

Сергей Белкин, Михаил Байдаков

Несмотря на сложность и многофакторность проблемы, реформы, осуществляемые вроде бы во имя развития, апеллируют в основном к экономическим категориям и факторам, возводя их на пьедестал не только главных, но практически единственных целевых установок, что представляется ошибочным: смысловые, культурные и метафизические цели не менее важны. Ситуация усугубляется еще и тем, что заявленные экономические цели не достигаются на протяжении исторически значимого периода времени – более двух десятилетий. Что при этом происходит с народом и страной? В полной ли мере осознается происходящее, и происходит ли оно по недомыслию, по ошибке, в силу неотвратимой превосходящей человеческие силы закономерности или же по чьему-то умыслу? На эти вопросы даются противоречивые ответы, и мы хотели бы, учреждая альманах, предоставить площадку, стимулирующую научную и общественно-политическую дискуссию.

Реформы, осуществляемые вроде бы во имя развития, апеллируют, в основном, к экономическим категориям и факторам, возводя их на пьедестал не только главных, но практически единственных целевых установок, что представляется ошибочным: смысловые, культурные и метафизические цели не менее важны.

Наблюдения и переживание происходящего со страной и народом дают основания для разных вариантов опасений: а) страна и народ развиваются «в неверном направлении»; б) страна и народ остановились в своем развитии; в) страна и народ деградируют, вырождаются и в конечном счете идут к гибели. Этими вариан-

Побудительным мотивом к созданию альманаха – как дискуссионной площадки – является стремление авторов содействовать развитию страны[1]. Столь банально звучащий тезис при более глубоком анализе заключенных в нем смыслов оказывается вовсе не простым. Сложности начинаются с выяснения содержания понятия «развития» вообще и применительно к России в частности. Сложности увеличиваются при уточнении объектов и субъектов развития: народ, часть народа, государство, институты государства и т.д. Сложности и несовпадения во взглядах продолжаются при анализе содержания категорий «прогресс» и «регресс». Картина становится еще более сложной при выяснении факторов, влияющих на «прогресс» и «регресс», среди которых оказываются и политико-экономические факторы – внутренние и внешние, и свойства самой среды – климат, география, и менталитет народа, его культурные традиции и ценности.

[1] Напомним отличие понятий «страна» и «государство». «Государство» – это политико-правовое понятие, оно обозначает в первую очередь политическую систему власти, установленную на определенной территории, являющуюся институтом, инструментом общества, кроме того, государство – это некая территория, имеющая границы и являющаяся субъектом международного права. «Страна» относится к историко-культурным понятиям, описывающим общегеографические (общность территории) и другие факторы - менталитет, обычаи, язык и т.д. Иногда говорят, что «страна – это единство народа, природы и культуры». Границы государства и страны могут совпадать, но могут и не совпадать. Одним из признаков государства является суверенитет, страна же может существовать и без суверенитета, и без государства.

тами возможные сценарии не исчерпываются: народ может деградировать до стадии одичания, может быть порабощен и уничтожен или ассимилирован, при этом на той же территории возникнет другая страна другого народа. Предметом обеспокоенности авторов является судьба того народа, чьей органической частью они себя ощущают, и той страны в которой сосредоточена его судьба: России.

■

В этой связи вопрос «что есть развитие» далеко не праздный и не отвлеченно-теоретический. При массовом использовании этого понятия возникают следующие опасности. Все политики, каких бы взглядов они ни придерживались, каковы бы ни были их истинные цели говорят о развитии и предлагают не только свои пути и методы развития, но и свои признаки, критерии развития. К сожалению, очень часто в результате применения этих методов и следования этим признакам обществу приходится пожинать печальные плоды: распад государства и деградацию всех сфер жизни, политическую, экономическую и духовную зависимость от чужих и чуждых интересов.

Вторая опасность состоит в том, что люди в большинстве своем уверены, что смысл слова «развитие» и так всем понятен, причем понимается всеми одинаково. Это трагическое заблуждение приводит к тому, что огромные массы людей вовлекаются в губительные для них же процессы, не отдавая себе отчет в том, что роют себе могилу, а не возводят фундамент будущего благополучия.

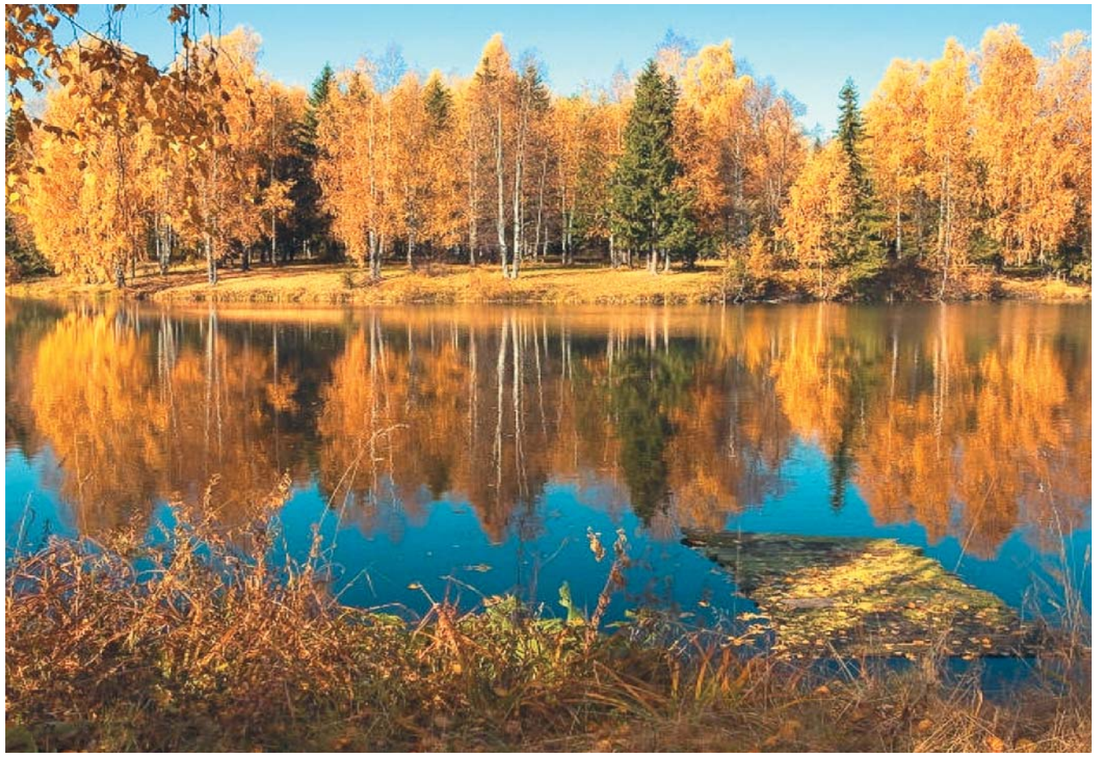
■

В истории было много реформ и революций, выявлено немало различных «циклов». И реформам, и революциям и «циклам» даны всесторонние оценки, расходящиеся, однако на диаметрально противоположные позиции: одни и те же события, одни и те же результаты оцениваются и как «благо», «прогресс», и как «несчастье», «катастрофа», «регресс». Расхождение в оценках вызвано не столько отсутствием критериев вообще, сколько разными точками зрения на происходящие процессы и их результаты. Критерии каждого, кто дает оценку, соотносятся с его собственным, часто неосознанным, а лишь ощущаемым представлением о «добре и зле». Хотелось бы, однако, найти тот угол зрения и те критерии, которые позволят рассматривать явления с позиций «общества в целом», «народа как единого целого» и т.д. Остается пока неясным, может ли существовать подобная «общая» точка зрения и критерии в условиях высокой степени неоднородности общества: имеется в виду неоднородность по глубинным ценностным критериям, национально-религиозным, имущественным и многим другим параметрам общества. Эти неоднородности проявляют себя по-разному. Иногда – и, видимо, чаще всего, в виде пассивного приятия или неприятия происходящего, но часто и в виде проявленных интересов и возникающих, вследствие этого структур – как в пространстве мысли, так и в пространстве общественных институтов. В этой связи возникает вопрос о возможности выработки приемлемой для всех и принимаемой всеми стратегии жизнедеятельности, а также о механизмах реализации подобной стратегии.

Зададим несколько вопросов. Что есть развитие, а что таковым не является? Может ли неоднородное общество обрести стратегическую субъектность[2] общего развития? Какова мера неоднородности общества, в каких категориях она должна оцениваться и измеряться, и где предел неоднородности, при которой совместная общая стратегия становится недостижимой? На эти вопросы ответы в пределах одной статьи даны не будут. Их роль в данном случае – обозначить направление дискуссии и призвать исследователей к поиску ответов и предъявлению аргументации.

Если я лично и члены моей семьи растем и развиваемся, а государство, страна, народ, из которых мы вышли и внутри которых пребываем деградируют, загнивают, сливаются, поглощаются, исчезают, то какова в этой связи иерархия ценностей, какой должна быть личная стратегия и что означает «должна быть»?

[2] Субъектность – свойство индивида или социальной группы быть субъектом своей жизнедеятельности. «Быть субъектом» – значит мыслить, воспринимать и осуществлять себя в качестве причины себя самого, самосознавать и самовоспроизводить себя. Без субъектности невозможно целеполагание и развитие, в особенности – выработка стратегии. Индивид может быть субъектом самого себя, социальная группа должна выработать механизм своей субъектности в форме институтов, но может их так и не выработать. Об этом см., например: Лепский В.Е. Проблема субъектов в прогнозировании технологического развития // «Экономические стратегии», №7-2005, стр. 30-33.



Что такое развитие?

Мы будем обсуждать общественное развитие, оно же – развитие общества[3]. Попытка ответить на вопрос: «В чем оно состоит?» – один из предметов предлагаемого направления дискуссии. Общество формируется из индивидуумов, личностное развитие которых с одной стороны, автономно, но, с другой стороны, неразрывно связано со средой обитания, со всеми ее сторонами: культурной, экономической, политической и т.д. Сказанное немедленно нуждается в уточнениях: развитие общества – это то же самое, что развитие населения, народа, нации, страны, государства? Как – количественно и качественно – развитие этих сущностей соотносится с развитием индивидов, из которых они состоят? Если я лично и члены моей семьи – растем и развиваемся, а государство, страна, народ, из которых мы вышли и внутри которых пребываем – деградируют, загнивают, сливаются, поглощаются, исчезают, то какова в этой связи иерархия ценностей, какой должна быть личная стратегия и что означает «должна быть»? На что тратить силы и энергию – на спасение гибнущей страны или на продолжение личного роста и развития, на адаптацию к изменяющимся условиям? Что «выше» и «ценнее»: личность и семья или народ и страна? А еще есть такие сущности, как государство и Родина. Противопоставление «личность или Родина» для многих людей является неразрешимым, у многих возникает особый уровень взаимопроникновения и целостности собственной личности и Родины. Спасение Родины как сложного рационально-иррационального комплекса пред-

Родина – это не государство,

где человек родился, не «страна пребывания» и не «место, где мне хорошо». Родина – это комплексное понятие, категория, включающая в себя и территорию, и народ, и историю, и идеалы, и «Небесную Родину», и – главное – личную ментальную связь человека со всем этим, определяющую смысл его существования. Родина – как образ, чувство и надежда – может существовать в душе и в сердце даже тогда, когда физически уже или еще нет самой страны, равно как страна может быть, а Родины как сердцевины смыслов – уже или еще нет.

[3] Сказанное подчеркивает, что проблемы развития в биологии (в т.ч. проблема эволюции и т.п.), проблемы личностного роста и т.п. остаются за рамками настоящей статьи.

Говоря о развитии общества, мы имеем в виду не просто изменение структуры, а появление каких-то новых форм упорядоченности, новых свойств рассматриваемой системы.

полагает и включает в себя спасение души в христианском смысле, или же спасение души – наивысшая задача, а спасение Родины, которая есть в душе и в которой пребывает душа, может отойти на второй план? Насколько актуально подобное противопоставление?

■

Оставим пока без ответа заданные вопросы и вернемся к теме, вынесенной в заголовок, которая, как видим, требует не столько формального цитирования какой-нибудь словарной статьи, сколько непростого исследования и последующего «мониторинга» – то есть постоянного соотнесения понимания развития с быстро изменяющейся ситуацией. Словарная статья может нам предложить, например, следующее: «Развитие – необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов; выделяют т.н. восходящее развитие и называют его прогресс, и нисходящее развитие, называя его регресс». Такое «определение» сочтет развитием любое «...изменение объектов», в том числе и массовую гибель населения в результате болезней или войны. Чтобы как-то обозначить и различить «положительные и отрицательные» изменения, вводятся понятия «восходящего и нисходящего» развития. «Восходящее» и «нисходящее» развитие – неплохие метафоры, однако мало что полезного дающие для практического применения. Что считать прогрессом, а что – регрессом по отношению к социальным системам – мнения расходятся в каждом конкретном случае. И именно здесь происходит водораздел между политиками разных направлений и ориентаций.

■

Помимо определения развития, приведенного выше, существуют и более содержательные подходы, использующие представления теории систем: «Развитие – это процесс перехода системы из одного состояния в другое, сопровождающийся структурными изменениями в системе». Но и этого уточнения нам мало, поскольку разрушение – это тоже изменение структуры. Более полное описание категории развития предлагает Философская энциклопедия: «Закономерное изменение материи и сознания, их универсальное свойство; собственно «развертывание» до сих пор «свернутого», выявление, обнаружение вещей, частей, состояний, свойств, отношений, которые имелись и прежде, уже были подготовлены, но не были доступны восприятию, особенно в смысле восхождения от низшего и малозначащего к высшему и полноценному. Развитие бывает экстенсивным, то есть проявлением и увеличением уже имеющегося, и интенсивным, то есть возникновением качественно новых форм. С другой стороны, развитие бывает экзогенным, то есть определяемым только извне, или эндогенным, источник которого находится внутри самого развивающегося»[4].

В этом описании имеются важные признаки развития, состоящие в «возникновении качественно новых форм». Ясно, что, говоря о развитии общества, мы имеем в виду не просто изменение структуры, а появление каких-то новых форм упорядоченности, новых свойств рассматриваемой системы. И если эти новые формы и новые свойства обеспечивают лучшие условия для выживания и дальнейшего воспроизводства жизни, для реализации чего-то, что воспринимается как «предназначение», мы воспринимаем такие изменения как развитие общества[5]. При этом очень важно при анализе столь сложной системы, как социальная, учитывать все сложившиеся в ней взаимосвязи и взаимозависимости, включая и те, которые существуют в мире идеального, метафизического. Устойчивое развитие личности неотделимо от устойчивого развития социальной среды, в которой личность пребывает. Развитие – это свойство и признак живой среды. Неживая природа изменяется, но не развивается. То, что развивается – живое. Социум, состоящий по определению из живых существ, гибнет, диссипирует, поглощаясь другими социумами, если перестает развиваться как целостный социум. Хотя индивиды могут при этом оставаться живыми, не формируя, однако, своей целостной развивающейся системы, а вовлекаясь в существование других систем.

Понятие «экономического развития» по сравнению с общественным развитием носит частный характер. Замена одного другим или использование их как синонимов или даже близких по смыслу категорий – недопустимо.

■

Поскольку нам предстоит далее сопоставлять общественное и экономическое развитие, приведем определение «развития экономики», которое дается в современной экономической литературе: «Развитие экономики – это абсолютное и относительное изменение макроэкономических показателей, характеризующих состояние экономики страны во времени в течение продолжительного периода. Используемые для оценки уровня, степени развития экономики показатели называются макроэкономическими показателями социально-экономического развития». Обратим внимание на то, до какой степени частный характер имеет понятие «экономического развития» по сравнению с общественным развитием, и подчеркнем, что замена одного другим или использование их как синонимов или даже близких по смыслу категорий – недопустимо.

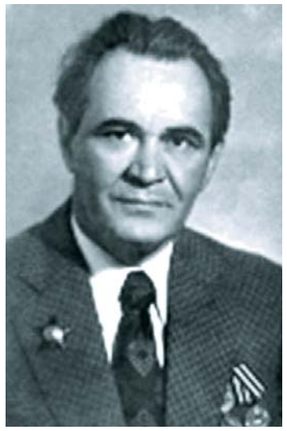
Развитие и прогресс

Проблема содержания и критериев «развития и прогресса» стара, разрабатывалась многими и продолжает исследоваться до сих пор, не обретя, однако, какой-то единой точки зрения. Обсуждение этой темы – одна из основных задач современного научного и общественно-политического дискурса.

Если бегло взглянуть на панораму философской мысли, уделившей этому вопросу внимание, мы увидим, что критерий развития, часто он же – критерий и цель «прогресса», ви-

[4] Краткая философская энциклопедия. – М., Издательская группа «Прогресс-Энциклопедия», 1994. – 576 с.

[5] Разумеется, в русском языке сохраняется многозначность слова «развитие», допускающая и негативные последствия развития: например, развитие злокачественной опухоли, завершающееся летальным исходом.



дится в «развитии человеческого разума», в «степени сознания свободы», в «распространении просвещения и нравственности», в «переходе от одной общественно-экономической формации к другой и развитии производительных сил», в «процессе модернизации, т. е. переходе от аграрного общества к индустриальному, а затем и к постиндустриальному», в «усложнении социальной структуры», в «мере свободы, которую общество в состоянии предоставить личности для максимального раскрытия ее потенциальных возможностей» и т.д.

Понятия «общественное развитие» и «общественный прогресс» не только часто употребляют как синонимы, но и определяют одно через другое: «прогресс» – это «развитие», а «развитие» – это «прогресс». Это глубоко ошибочно, что не является секретом для философского научного знания[6], однако в общественно-политической и экономической литературе это обстоятельство напрочь ускользает, приводя порой к весьма негативным последствиям. Об этих отличиях мы поговорим далее, однако так или иначе оба эти понятия наделяют качествами «совершенствовании форм человеческой жизни, потребностей, способностей их удовлетворения, в развитии науки, техники, технологии, медицины и т.д.», подчеркивая объективный характер этой тенденции, считая «восходящее развитие человечества» естественным.

Существуют и иные взгляды на суть развития и его критерии[7]. Некоторые отрицают идею прогресса как линейного восходящего процесса, считая его циклическим и колебательным. Другие отрицают существование общественного прогресса в принципе, допуская прогресс и развитие только в пределах отдельной личности, но не общества. Многие подчеркивают неоднородность и неоднотипность развития различных цивилизаций, другие, напротив, считают один единственный тип, форму и цели развития «правильным и передовым», относя прочие цивилизации и народы к «отстающим» или «застрявшим» в своем развитии: некоторые простодушно или злонамеренно считают, что «прогресс» – это путь приближения к американской модели развития...

■

Как видим, при таком изобилии подходов и точек зрения на развитие и прогресс легко получить удовольствие от знакомства с многообразием взглядов, легко подобрать нечто, близкое собственному состоянию в любой момент времени, но весьма затруднительно вырабатывать политику и стратегию для общества в целом, легитимную хотя бы в глазах большинства, не говоря уж о достижении общественного согласия.

Население достаточно единодушно в понимании общественного развития – как развития культуры, науки, технологий, роста возможностей самореализации и т.д. Оценивая исторические периоды, мы говорим, что коль скоро в обществе появляются и в нем же реализуются такие, например, композиторские таланты, как Глинка, Чайковский, Рахманинов, Шостакович, Прокофьев, Свиридов, такие литературные таланты, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Шолохов, такие ученые, как Чебышев, Ляпунов, Столетов, Менделеев, Семенов, Капица, Ландау, Тамм, Басов, Прохоров – и так далее, если к этому мы добавим перечни иных достижений – технических, политических и пр., мы с уверенностью скажем, что подобный период был периодом развития и прогресса. Обращаясь к другим данным, описывающим не одних лишь гениев, а массовые, обобщенные показатели, мы тоже увидим рост и экономический, и духовный,

Побиск Кузнецов:
«Могущество страны надо измерять тем, насколько она способна в единицу времени накормить и напоить людей и вообще, все живое, а развитие – это максимальные и неубывающие темпы роста полезной мощности».

[6] Алферов А.А. Идея общественного прогресса: Содержание и становление. В сб. Философия в пространстве культуры. Серия «Восток – Запад – Россия». Ростов н /Д, 1999.

[7] Например, стройная концепция П.Г. Кузнецова, согласно которой, критерий развития это «максимальные и не убывающие темпы роста полезной мощности». Подробнее о взглядах Побиска Кузнецова и его последователей, ссылки на их труды см. в заключительном разделе настоящей статьи.

если рассматривать, например, динамику образованности населения. Однако, если же мы при этом обратим внимание на иные процессы и явления, происходившие в то же время (XIX – XX вв.), то увидим, что далеко не все происходившее мы назовем «прогрессом»: за этот период произошло множество войн, из них две мировые, произошло несколько революций, как минимум трижды происходили смены государственного устройства, повлекшие в том числе и тягчайшие последствия для значительной части населения как в сфере духовной, так и в материальной...

■

Так были ли эти два столетия периодом развития и прогресса для России и для остального мира? При этом мы еще зададимся важным уточнением: говоря о России, мы ограничиваемся оценкой успехов и неудач государств, возникавших и исчезавших на «этой территории», или говорим о содержательной стороне жизни народов, ее населяющих?

Вышеприведенный и далеко не полный перечень имен показывает, что народ развивался, коль скоро из его среды на протяжении двух столетий не только появлялись гении, но и сформировалась среда, в которой они могли возникать, образовываться и реализовывать свои таланты. А вот развивались ли, «прогрессировали» ли государства – два из которых развалились (Российская империя и СССР), а судьба ныне существующих осколков вызывает серьезную озабоченность, – это, как говорится, вопрос... И вопрос не риторический, потому что каждое из этих утраченных государств демонстрировало в указанные периоды и несомненные достижения, очевидный прогресс и развитие – именно как государства, то есть инструменты, предназначенные для развития и процветания образующих их народов.

«Л.И. Брежнев подписывает заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», 1975 г.

■

Поиску измеряемых критериев и выявлению корреляции между различными процессами посвящено важное исследование, выводы из которого состоят в следующем[8].

Выявлена связь между количеством «исторических битв» и важнейших открытий, основанная на данных за период с XII по XX вв.: оказалось, что, чем больше было битв, а, значит, и войн, тем меньше совершалось значимых научных открытий. Стало быть, войны не способствуют прогрессу, (хотя порой можно наткнуться на противоположные суждения). Автор пишет: «Хронологический мониторинг наводит на вполне определенные прискорбные обобщения: из 3500 лет исторически идентифицированного существования человеческой цивилизации всего лишь каких-либо 300-350 лет были мирными. И за этот относительно короткий для истории отрезок времени человечество, в том числе в области научно-технического прогресса (НТП), сделало то, что сделало. Можно только догадываться, чего бы добилось человеческая цивилизация, если бы она была вообще освобождена от войн»[9].

Отметим в этой связи и подчеркнем, что самый длительный период мира в Европе (1945-1991[10]), имел место благодаря существованию и военно-политической мощи СССР и стран Варшавского договора. Именно за этот период времени осуществлен колоссальный рывок в мировом НТП. Риторический вопрос: заслуживает ли в этой связи СССР благодарности или хотя бы признания заслуги в деле «удержания мира»?

В исследовании показана прямая связь между изменениями вековых трендов численности великих мыслителей, великих ученых и важнейших исторических открытий, а в России также между ними и строительством и ростом общего количества монастырей и храмов. Выявлена также обратная связь между указанны-

[8] Симчера В.М. Хронологическое измерение вековых трендов исторического прогресса. // «Экономические стратегии», №3-2009, стр. 88-94.

[9] Симчера В.М. , ibid, с. 90.

[10] Окончанием периода мира в Европе можно считать начало гражданской войны в Югославии (Хорватско-Сербский конфликт 1991 года), завершившейся бомбардировками Сербии силами НАТО в 1999 году.

ми показателями (количество открытий и ученых) и пиками исторической гиперинфляции: чем выше инфляция, тем хуже обстоят дела в науке.

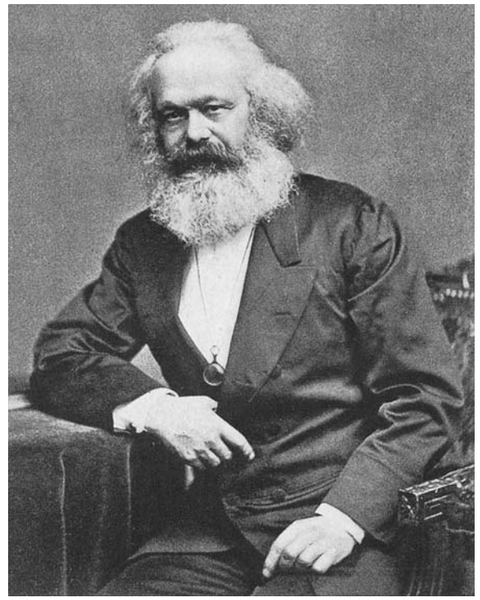
На основании прямо взаимосвязанных трендов высказаны суждения о «формировании законов прогресса» и «образовании его оси, вокруг которой вращаются все окружающие и сопровождающие его события и факты». Автором сформулировано пять «законов прогресса». Не приводя здесь авторских формулировок, не все из которых, по нашему мнению, точны и убедительны, подчеркнем существенные для наших рассуждений аргументы и выводы.

Справедливо отмечая «уплотнение сроков и сокращение периодов между ключевыми событиями», характеризующими прогресс, автор делает верный вывод об «учащении ритма открытий» и одновременно сомнительный, на наш взгляд, вывод о цикличности, повторяемости, движении прогресса по спирали. Во всяком случае, это утверждение нуждается в разъяснении, поскольку представленные автором обширные данные о развитии, например, печати и издательского дела или вычислительной техники от так называемых бухгалтерских счетов до интернета свидетельствуют о восходящем тренде с изменяющейся частотой в рассматриваемые временные периоды. В то время как «цикличность» процесса предполагает как раз более или менее равномерную повторяемость, периодичность или квазипериодичность, но никак не явственное увеличение частоты возникновения явлений. Поскольку автор основывает вывод о «цикличности и движении по спирали» именно на этом факте, сказанное нуждается в особом разъяснении: «самой примечательной закономерностью цикличного развития явилось сокращение периода между совершенными мировыми открытиями (например, с 45 лет в XIX в. до 12 лет в XX в.) и еще большее сокращение среднего срока их внедрения (с 30 до 2-3 лет)». Наше замечание относится не к малозначительному уточнению терминологии – можно или нет любой неравномерно повторяющийся процесс называть циклическим, – но к существенному онтологическому принципу цикличности и тем более – движению по спирали (для чего потребно «третье» измерение – какое?) – прогресса и развития вообще. Тем более, что «пятый закон прогресса» – «закон равнонаправленного и равномерного развития» – отрицает именно цикличность и спиралевидность его движения. Однако основные выводы и доказательная фактологическая база этого исследования исключительно важны, и мы продолжим их изложение.

Василий Симчера:

«Цена, которую платил (продолжает платить и теперь) человек за прогресс (и технический и экономический, и социальный и интеллектуальный), за особо редкими исключениями (изобретение огня или обретение веры), всегда и везде превышала (превышает и теперь) приносимую конечную пользу».

Автор подчеркивает, что сформулированный им «закон равнонаправленного и равномерного развития» не только не означает автоматичности развития и прогресса, но, напротив, предполагает обязательность усилий по «регулированию и координации в пространстве и времени его темпов и пропорций на постоянной основе». Автор пишет: «В условиях былого разнонаправленного и разноскоростного развития, каким оно характеризовалось во все наблюдаемые времена, и особенно в XX в., шансов на овладение осмысленным и устойчивым пропорциональным прогрессом человечество не имело. Не имеет оно их и сегодня. Цена, которую платил (продолжает платить и теперь) человек за прогресс (и технический и экономический, и социальный и интеллектуальный), за особо редкими исключениями (изобретение огня или обретение веры), всегда и везде превышала (превышает и теперь) приносимую конечную пользу. И поэтому не случайно, а скорее закономерно, что человечество в таких условиях в своем историческом развитии не обретало, а скорее топталось на месте или даже теряло, сплошь и рядом натыкаясь не только на рост стоимости жизни, но и, циклически погружаясь в ее турбулентность и бифуркации, – на интегральное ухудшение ее условий, девальвирование ее исходных ценностей. Первопричиной такого неутешительного общего итога является то, что прогресс человеческого общества во все времена и практически у всех народов мира, всегда и везде, без каких-либо исключений, был и остается по своей природе разнонаправленным и разноскоростным с взаимопоглощающим двойственным началом и нулевым или близким к нему позитивным остатком. И ныне прогресс, вопреки его общему благородному замыслу, все еще ориентирован и работает по преимуществу сам на себя и лишь окольно и попутно на благо человека. И пока это имманентное противоречие прогресса не будет устранено ожидать человеку коренных перемен к лучшему не приходится».



Карл Маркс:

«Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы».

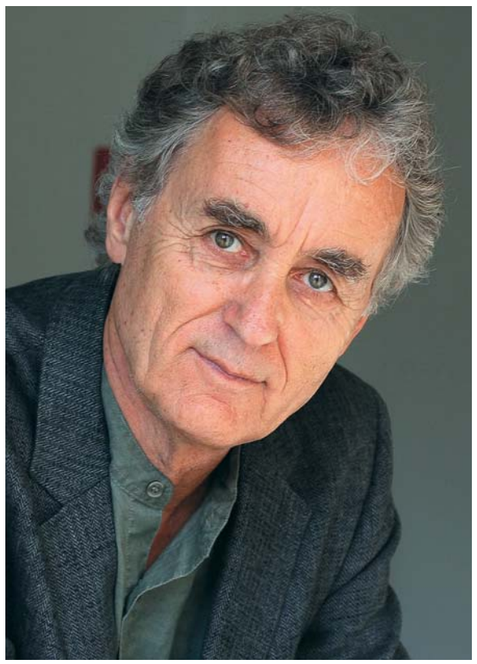
Отмечая, что указанная противоречивость прогресса замечена давно, автор приводит известное и яркое высказывание, рожденное в XIX в.: «Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы»[11].

Приведем еще два высказывания: «Положение с прогрессом практически во всех его видах и любых формах, за особо редкими исключениями, везде и всюду на протяжении целых столетий одно и то же: прогресс есть, а человеку толку от него нет или совсем мало. А поэтому, пока мы не установили законы развития прогресса, не определили его ядро, цель и движущие силы, заниматься диагнозом, измерением и предсказанием прогресса, разрабатывать программы его профилактики и ускорения – дело практически не только бесперспективное, но и вполне бесполезное»[12]. Следующая мысль позволяет нащупать некие критерии прогресса: «Смыслом исторического прогресса в любые времена и в любых условиях во всех странах мира, его альфой и омегой, его своеобразным венцом выступают экономия живого и овеществленного труда и удешевление стоимости единицы производимой продукции, способные приносить облегчение в существовании и увеличение продолжительности человеческой жизнедеятельности и жизни»[13]. Сказанное является шагом в правильном направлении, но не исчерпывает признаки развития и прогресса.

■

Мы придерживаемся целостного восприятия процесса взаимодействия и взаимовлияния человека, общества и природы, в котором ничто не является главным или второстепенным. Наш взгляд на общество и на экономику тесно связан с концепциями и методами, возникшими в современных направлениях научных исследований, таких, как синергетика, теория диссипативных структур, теория сложности, концепции автопоэзиса и системного понимания жизни[14], в том числе социальной – словом, с комплексом подходов, с которым в отечественной философской науке ассоциируют новейший период развития современного знания: постнеклассическую науку[15].

[11] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.12, с.4
[12] Симчера В.М. , ibid, с. 88.
[13] Симчера В.М. , ibid, с. 91.
[14] Капра Ф. Паутина жизни. М.: ИД «София». 2003. – 336 с.
[15] Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744с



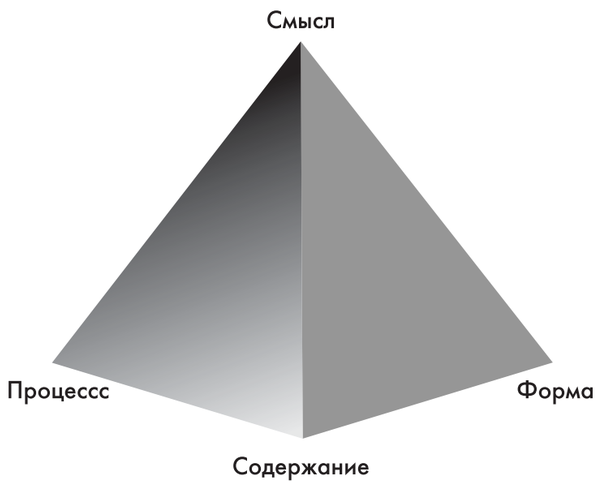
формы, мы обнаруживаем, что паттерн их организации — это самовоспроизводящаяся сеть. С точки зрения содержания, материальная структура живой системы есть диссипативная структура, то есть существенно неравновесная открытая система. Наконец, с точки зрения процесса живые системы суть когнитивные системы, в которых процесс познания тесно связан с моделью автопоэзиса. Системное понимание жизни может быть распространено на сферу общественного путем добавления к трем вышеупомянутым подходам к рассмотрению жизни четвертого – рассмотрения с точки зрения смысла. При этом я использую термин «смысл» для краткого обозначения внутреннего мира рефлексирующего сознания, включающего в себя огромное количество взаимосвязанных характеристик» [16].

Обратим при этом внимание на замечание, высказанное М.А.Румянцевым: «Критику либерального позитивизма и утверждение принципов холистического (целостного) подхода к изучению экономики можно сегодня обнаружить едва ли не в каждом сочинении, посвященном вопросам методологии. Однако диалектика Платона – Гегеля – Маркса, принципы «русского космизма», теория самоорганизации сложных систем и концепции синергетики сами по себе не могут быть панацеей. Ценность того или иного методологического кредо определяется только конечным результатом исследования – новым знанием»[17].

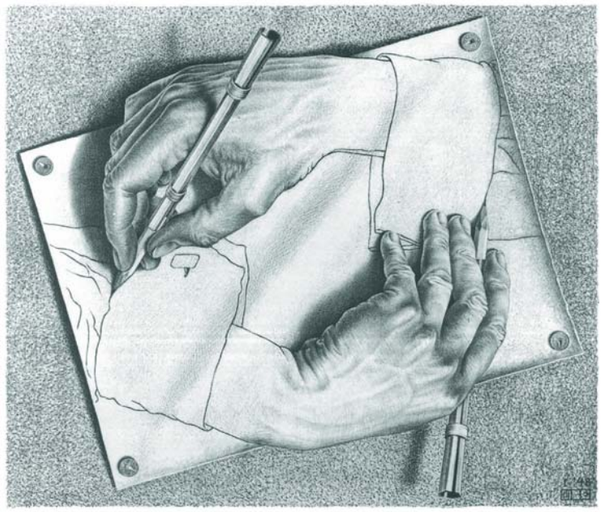
Фритьоф Капра:

«Полное осмысление социальных феноменов должно подразумевать рассмотрение с четырех точек зрения – формы, содержания, процесса и смысла».

Мы рассматриваем социум как живую систему и, соответственно, экономику как один из процессов, присущих живой системе, то есть как процесс жизнедеятельности. Понятие «жизнедеятельность» охватывает более широкий круг явлений, нежели «деятельность, связанную с обеспечением материальных условий жизни». Жизнедеятельность человека и общества включает в себя всю палитру жизни: и материальную, и духовную, и взаимодействие с окружающей средой – как природной, так и общественной. Жизнедеятельность человека и общества – это совокупность процессов, протекающих в них, как живых организмах, служащих поддержанию в них жизни и являющихся проявлениями их жизни. При этом полное осмысление социальных феноменов должно подразумевать рассмотрение с четырех точек зрения – формы, содержания, процесса и смысла. «Рассматривая живые системы с точки зрения



[16] Капра Ф. Скрытые связи. М.: ИД «София», 2004. – 336 с. стр. 100-102.
[17] Румянцев М.А. Выступление на теоретико-методологическом семинаре «К современной трактовке предмета и метода экономической науки». // «Проблемы современной экономики». №№1(9), 2004 г.



Смыслы, ценности и цели

Было бы удобно и просто, если бы нам каким-то образом стало «точно известно» – зачем существует тот или иной народ, каковы цели его существования, какие ценности он должен и может сохранить, и, наконец, измерением каких «смыслов» являются эти ценности. У нас, однако, нет ответов на эти вопросы. Но у нас есть возможность их задавать и пытаться отыскать пути, ведущие к ним.

Взгляд на историю и культуру народа, длящуюся столетиями, являющуюся цельной и непрерывной, позволяет предположить, что народ передает из поколения в поколение какие-то важные «смыслы»[18]. Мы затрудняемся представить их в виде таблицы или перечня, но на интуитивном уровне ощущаем и на рациональном уровне осознаем факт их существования. Языком религии эта мысль может быть выражена так: «замысел Божий о русском народе существует». Хотя мы его «высший смысл» не знаем.

Приведем несколько формулировок из статьи, посвященной поиску связи между «смыслами и ценностями»: «Смыслы – являются продуктом совместной социокультурной (духовной) деятельности людей, социокультурной (духовной) деятельности народа, нации, цивилизации как единого целого. Смыслы – это наиболее глубокие для данного народа, признаки и основания для его общности и для его выделения как элементарной социальной единицы человечества. Смыслы – сердце народа. Смыслы – суть коллективная мифологическая модель мира данного народа. Один народ отличает от другого смыслы, свойственные каждому из них и уникальные для каждого из народов. Смыслы народов есть то, что объединяет отдельных людей в единый народ. Не язык, не ценности, не архетип, а именно смыслы есть основа различий всех народов»[19].

■

Над этими «смыслами стоит поразмыслить». В сказанном утверждается – на наш взгляд, верно, – что в каждом народе существует «нечто», названное автором «смыслами», являющее собой некую сердцевину, некий системообразующий признак и одновременно источник народа. На наш взгляд, слово «смысл» является шагом в правильном направлении, но, возможно, не окончательно найденной категорией. Категория «смысл» – рациональна. В то время как описываемая «сердцевина» несомненно содержит в себе и иррациональные, метафизические категории, которые обозначать словом «смысл» можно лишь с некоторыми оговорками. Кроме того, использование слова «смысл» в контексте статьи очень напоминает «умножение смыслов» по Оккаму. Близкие по смыслу (тавтологичность угрожающе близка!) понятия, использующиеся в рассуждениях на сходные темы, это «менталитет», «эгрегор», «коллективное бессознательное», «самоидентификация», «историческая память», «традиция», «культурный код» и др. Наконец, коль скоро понятие «смысл» (впрочем, как и приведенные аналоги) не может быть представлено в виде перечня практически осязаемых категорий, могущих быть использованными в социогуманитарных и политических технологиях, его

Автопоэзис –

означает «самосозидание», то есть производство системы посредством ее самой, что включает воспроизводство своих границ, а значит, и своей целостности. («Поэзис» – имеет тот же греческий корень, что и «поэзия» и означает «созидание»).

[18] Остроменский М.П. Смыслы, язык и ценности народа. // Война и мир. Аналитика. 09.03.10. http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/
[19] Остроменский М.П., ibid., http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/

Илья Глазунов. «Вечная Россия»

роль – несомненно, очень важная – останется в рамках постижения фундаментальных основ. А для практической работы, возможно, понадобятся его производные.

Второе уточнение касается противопоставления автором «смыслов» и «архетипов»: «Смыслы коренным образом отличаются и от архетипа народа. ...Архетип – чисто психологический феномен, суть – доминирующие в рассматриваемом народе типы и виды реакции на внешние и внутренние раздражители. ...Архетипы суть архаичные образования в том смысле, что их можно проследить вплоть до животных. Архетипы едины для всех народов в том смысле, что это проявление в психике конкретных людей общих начал, проявление индивида как представителя всего человечества. ...В отличие от архетипа система смыслов народа изначально является культурным образованием и имеет к материальной природе или психике лишь опосредованное отношение. Это не врожденное, не архаичное и даже не благоприобретенное, это созданное народом в момент его образования, его собственная ось»[20].

Соглашаясь в том, что «архетип – психологический феномен», мы не стали бы сводить все устойчивые психологические феномены к архетипам. Полагаем очевидным существование национально-психологических особенностей и устойчивых, в том числе и подсознательных, психоэмоциональных реакций, являющихся следствием влияния среды и культуры[21]. На наш взгляд, эти особенности не менее важны, чем «смыслы». Именно эти особенности воспринимаются как его эмоциональные реакции и предпочтения, как «душа народа». Поэтому «сердцевина народа» в каждый момент или период его существования определяется комплексом, состоящим из «смыслов» и «национального психотипа».

■

Обратимся к размышлению автора о связи введенных им «смыслов» и «ценностей»: «На основе общих смыслов вырабатываются общие ценности для людей, составляющих одни народ, создается культура, характерная для данного народа. Поэтому не могут существовать абстрактные, т.н. общечеловеческие ценности, ценности в отрыве от конкретного народа, конкретной нации, конкретной цивилизации». Нам близок полемический азарт и желание «окоротить» пропагандистов «общечеловеческих ценностей». Но мы, тем не менее, не согласимся признать их несуществующими, хотя и не станем в настоящей статье уделять этой теме внимание. Гораздо существеннее следующие утверждения[22].

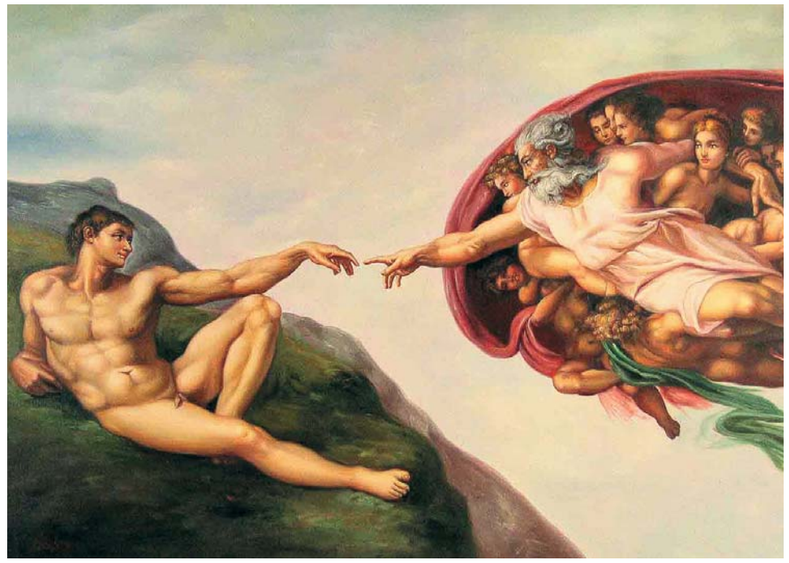
«Ценности – это критерии оценки реальных и символических действий в жизни. Ценности – критерии приемлемости каких-то институтов, методов, подходов. Ценности – критерии, построенные на основе смыслов с помощью языка. Ценности – критерии явные, обычно осмысленные и в современных нациях часто достаточно строго формализованные».

«Смыслы каждого народа формируют свои собственные ценности, не сводимые к ценностям других народов, даже если они называются похоже. Но существуют ценности, просто не переводимые на смыслы других народов».

«В поле зрения народов попадает только то, о чем они могут осознано рефлектировать. Если какое-либо явление, или ценность, или императив не является предметом рефлексии народа, то оно не является для него ни ценностью, ни моральной установкой. Оно не замечается и соответственно не применяется. Но поскольку и ценности, и мораль народа, строятся на основе его системы смыслов, то и причина взаимной слепоты или непонимания народов кроется именно в несводимости системы смыслов одного народа к системе смыслов другого народа. Соответственно, многое при общении двух народов с достаточно удаленными системами смыслов останется незамеченным, или они будут сосредотачивать свое внимание на несущественных мелочах».

«Вторичность ценностей по отношению к смыслам ведет к невозможности привития чужих ценностей на почву старых смыслов, иначе на почву существующего народа».

«Ценности изменяются как с течением времени, так и со сменой обстоятельств. Ценности локализованы во времени и конкретны в нем. Ценности имеют непрерывную историческую наследственность... Сегодняшние ценности суть результат длительного эволюционного процесса, часто проходящего под мощным внешним влиянием, которое у каждого народа было свое».



Микеланджело Буонарроти. Деталь росписи «Сотворение Адама»

С большей частью этих утверждений мы согласимся. Уточнений требует, пожалуй, следующее: «В поле зрения народов попадает только то, о чем они могут, осознано рефлектировать». Утверждение было бы более точным, если бы говорилось не о «поле зрения», а о «рациональном поле зрения». Потому что как у индивида, так и у социума имеются иррациональные, подсознательные, неосознаваемые ощущения, устойчивые эмоции и определяемые ими поведенческие и ценностные ориентации. Соответственно, высказывание о «системе смыслов как единственном базисе ценностей и морали» не обладает полнотой. Необходимо также указать, что любое сравнение «систем смыслов» разных народов носит умозрительный характер. Практически осязаемым и актуальным является сопоставление и противоборство систем ценностей, в том числе, и моральных – возможно, и происходящих от «систем смыслов», – но не самих «смыслов», не поддающихся анализу и сравнению. Несмотря на сделанные замечания, попытки автора отыскать «носителя корневой сути» народа следует признать своевременными и плодотворными.

■

Поскольку, как мы отмечали, практическая работа со «смыслами» (или аналогичными «корневыми сущностями») затруднена, в то время как их производные[23] – ценности – поддаются рациональному осмыслению, измерению, воздействию и т.д., мы предлагаем в качестве практического базиса «корневого ядра» народа рассматривать его «ценностное ядро».

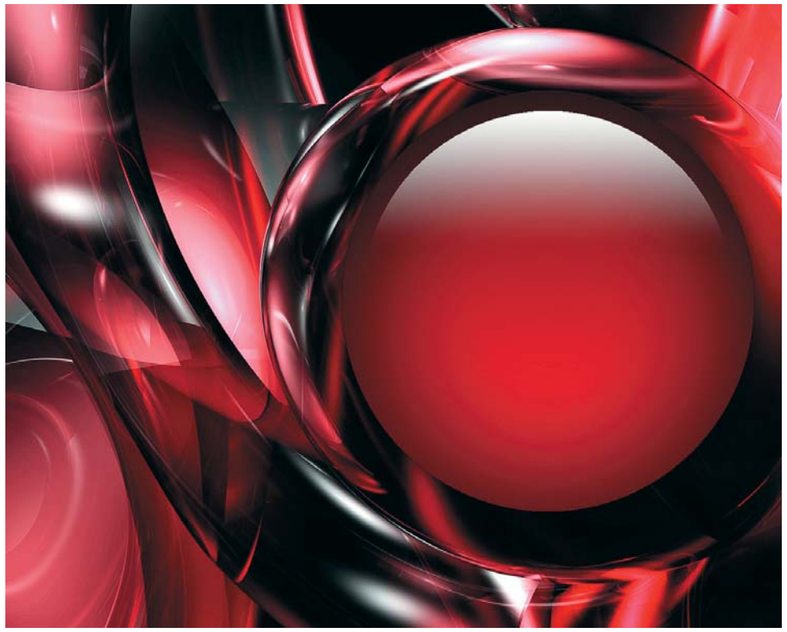
Возвращаясь к теме развития, скажем, что подход к выработке критериев развития и прогресса, учитывающий динамику «ценностного ядра», степень его упругости и пределы прочности, нам представляется перспективным и продуктивным.

[20] Там же, http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/

[21] Крысько В.Г. Этническая психология. 4-е изд. – М.: Академия, 2008. – 320 с

[22] Остроменский М.П., ibid., http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/

[23] Вопрос о первичности и вторичности «смыслов» и ценностей остается дискуссионным.



Ценностное ядро

Категория «ценностное ядро» как социологический параметр находится в стадии формирования, но как политологическая категория, как параметр и критерий практической политики – пока не существует. Мы его здесь употребляем как политологический концепт, понимаемый частично интуитивно, частично опирающийся на социологические категории и методы.

Возможности социологии позволяют с уверенностью ожидать, что это понятие может из метафоры стать измеряемым, рабочим параметром. Путем опросов проводится анализ ценностных предпочтений населения. Ценностный мир индивида динамичен и подвержен постоянному воздействию. И далеко не каждым осознается то, что можно назвать индивидуальным ценностным ядром в ранге «смысла жизни». Не всегда осознается и даже не всегда существует устойчивое ценностное ядро социальной группы.

Задача выявления ценностного ядра населения России, его всесторонней верификации еще не решена. Надеемся, что эта тема станет предметом постоянных исследований. Можно ожидать, что в ценностном смысле Россия – «многоядерная держава». Потому что в обществе имеются различающиеся по свои ценностным ориентациям группы населения. И выявить их ценностные предпочтения и иерархии, опираясь только на более очевидные признаки – этническую принадлежность, политическую ориентацию, вероисповедание или отсутствие такового – невозможно. Границы ценностных и всех прочих ориентаций не совпадают, хотя, несомненно, можно говорить об их корреляции. Этот комплекс проблем необходимо целенаправленно исследовать, стремясь в процессе изучения ценностных предпочтений к выявлению ценностных ядер[24].

■

Разговор о ценностях в российском общественно-политическом дискурсе носит в основном характер отрицания ценностей предшествующего периода в истории страны, «ставших чуждыми», и в меньшей степени несет в себе позитивное предложение. Кроме того, то предложение «новых ценностей», которое было – да и сейчас продолжает быть – характерным, несет в себе ориентацию либо к ценностям других стран и народов, избранных для подражания, либо к фрагментам ценностных систем, существовавших в России в прежние времена. Проблемой этих подходов является либо обращение к «чужим» ценностям без анализа возможности их пересадки на отечественную почву, либо политизированная фрагментарность прежде бывших ценностных систем. Продуктивным может стать только то обращение к ценностному базису, которое опирается на реальное знание «матрицы ценностей» современного российского общества, сотканного из очень разнородного материала.

Важным общественным явлением в обсуждении ценностной системы стала инициатива РПЦ, проведшей конференцию на тему «Национальная система ценностей как залог процветания России», на которой была представлена концепция «Вечные ценности – основа российской идентичности»[25]. В «Концепции» подчеркивается, что «ценности нации определяют систему внутреннего устроения национального бытия, существо внутренних отношений власти и народа, формулу государственной власти и существо государственности России» и предложен неисчерпывающий перечень ценностей, которые предлагается дополнять и корректировать: 1) справедливость; 2) свобода; 3) солидарность; 4) соборность; 5) самоограничение (жертвенность); 6) патриотизм; 7) благо человека и его достоинство; 8) семейные ценности: любовь, верность, забота о детях и стариках.

Предложенный перечень отражает одновременно и существующий у части населения базис системы ценностей, и образец «должного», «вечного» с точки зрения Православия базиса.

■

Для изучения реального положения дел необходимо продолжение работы над выявлением и осмыслением «ценностных ядер» российского общества во всех его слоях и группах. Для понимания происходящего со страной и обретения утраченной возможности управления стратегией развития надо точно знать, какие системы ценностей существуют в нашем обществе, какое количество граждан является их приверженцами, насколько устойчивы те или иные предпочтения. И – самое главное: какова динамика ценностных ориентаций, к чему движется общество и нет ли угрозы столь глубокой его ценностной трансформации, после которой тот народ, на котором держится и существует государство, исчезнет, ежели общество вырабатывает соответствующие критерии, цели и идеалы. В этом смысле концепция «общественного развития» ни в коей мере не противоречит библейским догматам и позиции РПЦ. Еще одним «обвинением» РПЦ в торможении социального развития вообще является ссылка на осуждение Православной церковью хилиазма – раннехристианского учения о существовании 1000-летнего царствия Божьего на земле, предшествующего Второму пришествию Спасителя, из чего делается (неверный) вывод об осуждении социально-экономических преобразований, направленных на развитие общества. На самом деле РПЦ признает факт «исторического развития, которым руководит Промысл Божий». Полагаем, что существование и содержание «Основ социальной концепции РПЦ» не оставляет никаких сомнений в позиции РПЦ, направленной на «соработничество Церкви и государства», в частности, в деле «развития исторического и культурного наследия», «народного самосознания», «науки», «здравоохранения», «экономической деятельности» и др.

Для понимания происходящего со страной и обретения утраченной возможности управления стратегией развития надо точно знать, какие системы ценностей существуют в нашем обществе, какое количество граждан является их приверженцами, насколько устойчивы те или иные предпочтения.

[24] Исследования ценностных предпочтений многочисленны. Приведем лишь некоторые ссылки: Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е. Ценностные ориентации и удовлетворенность жизнью некоторых этносов Саратовского Поволжья. // Сб. «Проблемы социальной психологии личности», СГУ (Саратов) 2008 г.; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М., 1997. – 257 с.; Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире // Сб.статей под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – 215 с.; Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации// Социологические исследовании. – 2002. – № 1; Титаренко Л.Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Минск, 2004; Эрроу К.Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М. ГУ ВШЭ, 2004, – с.204. Важный аспект перехода от материальных к постматериальным ценностям исследуется Р.Инглхартом: Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12. С. 21. Он же. Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу // Под ред. Д. Харрисона и С. Хантингтона; Пер. с англ. М., 2002. С. 113.

[25] Конференция «Национальная система ценностей как залог процветания России» прошла 21-25 января 2011 г. в рамках XIX Международных Рождественских образовательных чтений на базе РГСУ. Программа конференции доступна здесь: http://www.ipras.ru , а текст «Концепции» здесь: http://www.pravmir.ru/sistema-cennostej-infografika/

Виктор Васнецов. «Крещение Святого князя Владимира»

превращаясь в некий иной народ, которому не будет нужно ни развитие, ни государство как инструмент, защищающий и обеспечивающий его существование с определенной системой ценностей.

Важно выявлять и отслеживать то, что в обществе может и должно изменяться, а что является его центральной, неизменной сущностью. Есть ли у общества некое «главное ценностное ядро», изменение или утрата которого приводят к ликвидации самого общества, его распаду на слабо связанных друг с другом индивидов, которые вследствие этого могут погибнуть или быть поглощенными каким-то иным обществом? Но мало выявить наличие или отсутствие подобного «ядра», надо попытаться понять, при каких обстоятельствах спасение ядра и общества есть безусловное благо и единственная возможность выживания и развития составляющих его индивидов, а при каких благом следует признать отказ от «ядра» и трансформацию в некое новое общество вокруг нового «ядра»?

В качестве исторических примеров можно привести принятие христианства на Руси: это был отказ от прежнего «ядра», существенной частью которого была религия, называемая ныне язычеством. Произошло полное и целенаправленное разрушение язычества и формирование нового «ядра», в котором существенной частью стала новая религия – христианство. Такая глубинная трансформация, по мнению большинства экспертов, позволила народам и племенам, вовлеченным в этот процесс, перейти на новый уровень политического, экономического и духовного развития. Таким образом, утрата и разрушение «языческого ядра» – сколь бы жестокими и болезненными они ни были – многими признаны благом.

Ценностное «ядро» народа состоит не только из религии, но, прежде всего из культуры в целом: языка, традиций, исторической памяти, норм и правил поведения, деятельности – то есть всей сложно структурированной и организованной системы ценностей. В истории множество примеров, когда отказ от какого-то важного компонента этой системы (например, языка) приводил к ассимиляции, исчезновению народа. Подобные процессы неоднозначно оцениваются потомками и ценителями исчезнувших народов, поскольку утрата одного, пусть и столь невосполнимо ценного качества, как язык, позволяла сохранить возможность физического выживания и последующего развития в новом качестве. Альтернативой этому, как правило, оказывалось либо физическое истребление, либо ассимиляция третьим, воспринимаемым как «более чужой» народом. Есть примеры и того, как утрата языка не приводила к ассимиляции: длительное существование евреев в самых разных культурно-языковых средах с сохранением этно-религиозной идентичности.

■

Россия и населяющие ее народы за последние сто лет претерпели огромные по своим масштабам трансформации «ценностного ядра». Отказ и разрушение ценностного ядра, вокруг которого сформировалась и существовала Российская империя, привел к последствиям как трагическим, так и позитивным. Ломка старого ядра сопровождалась многочисленными жертвами, трагедиями, попранием морали, остановками развития... Однако формирование и обретение нового, «советского ценностного ядра», во-первых, состоялось, а, во-вторых, позволило не только физически выжить сохранившейся после трагедии части народа, но и продолжить свое развитие, причем на качественно ином уровне, сохранив, однако, при этом очень существенные части прежнего, «имперского» ядра». Народы и народности сохранили свои языки, сохранили знание своей истории – пусть и в откорректированном виде, сохранили даже религии – существенно ограниченные в своей социальной активности, подвергшиеся мощному давлению государственного атеизма и прямым гонениям, но не измененные канонически. Во многом сохранился прежний моральный базис общества, сохранилась его суть, облеченная в новые слова с попыткой расширения базиса морали. Не только сохранилась, но и многократно приумножилась ценность знания, умения, мастерства. Сохранились многие представления о способах совместного выживания, «общежития» – и многое другое, что следует внимательно исследовать и объективно оценить: как потери, так и обретения.

Вторая за столетие «ломка ядра» происходит сейчас. Ее отличие от предыдущих состоит, видимо, в том, что, если раньше на смену отвергаемому «ядру» предлагалось новое: условно говоря, «христианское» ядро вместо «языческого», «советское» вместо «имперского», то теперь контуры нового ценностного ядра не видны, не выявляют себя, хотя ломка прежнего ядра продолжается уже более двух десятилетий. Возникает ощущение, что равнокачественная замена – одних ценностей и идеалов на другие ценности и идеалы – не осуществляется, а, возможно, и не планируется. Тогда произойдет не замена «чего-то» на «что-то», а полное разрушение, замена «чего-то» на «ничто», происходящее под лозунгом «постмодернизма». Это вызывает особую тревогу в силу высокой неопределенности системы ценностей не только возможного будущего, но и уже наступившего сегодняшнего дня.

■

Ценностное ядро, являющееся источником и опорой развития, содержит в себе стремление к лучшему будущему, в нем имеются идеалы будущего, к которым следует идти. Для нашей культуры и духовно-нравственной традиции ценностному ядру присущи такие категории, как справедливость, доброта, взаимовыручка, бескорыстие, высокий общественный статус образования, нравственного и физического здоровья, почитание родителей и предков.

В конечном счете, непонимание процессов, происходящих в «ценностных ядрах», выливается в неудачи реформаторских попыток, опирающихся на несуществующие или малозначительные для нашего народа ценности. Вот почему исследование проблемы развития общества и, в частности, соотнесения развития общества с экономическим развитием является актуальным.

Развитие, прогресс и ценностное ядро

Рассуждения о развитии и прогрессе приводят к выводу о необходимости иметь определенную систему координат, определенное пространство качественных и количественных категорий, в котором можно выделить «направление прогресса» и противоположное ему «направление регресса». Это пространство и эту систему координат еще предстоит определить, отыскать. Выше были названы некоторые критерии развития. Но ни один из них, однако, не дает надежного признака для различения прогресса от регресса и развития от «неразвития». Всегда можно представить себе ситуацию роста, например, степени сложности какой-либо системы, воспринимать это как развитие и прогресс, однако прийти в результате к неуправляемости или ненадежности сверхсложной системы с последующим ее саморазрушением или, хуже того, ее «саморазвитием», подобным раковой опухоли. Аналогичные рассуждения могут быть предложены и для критериев «роста разума», «развития науки и техники» и, тем более, «роста уровня жизни», столь широко используемого в экономике и социологии.

Понятия «прогресс», «регресс», «застой» и т.п. нуждаются во внимательном и регулярном уточнении, поскольку они активно используются в общественно-политической и экономической лексике, на них ориентируются люди, слушающие политиков и пропагандистов. Однако, например, общеизвестный «брежневский застой» обеспечивал равномерный рост ВВП со скоростью, которой сегодня достичь не удается. Что же тогда является критерием «застоя»? Возможно, речь идет об остановке политического, а не экономического

Ценностное ядро, являющееся источником и опорой развития, содержит в себе стремление к лучшему будущему, в нем имеются идеалы будущего, к которым следует идти.

развития? Или каких-то конкретных (не измеряемых ростом ВВП) характеристик экономики?

В сегодняшней жизни произошла колоссальная дезориентация общества в вопросах критериев прогресса и развития. Огромное влияние на представление об общественном развитии оказывают представления об экономическом развитии. Рост производства и потребления пытаются – и небезуспешно – внедрить в качестве основного критерия прогресса и качества жизни. То, что это ошибочный критерий, пригодный для оценки лишь некоторых частностей процесса существования конкретных обществ в конкретные периоды времени, а не общественного развития в целом, ясно давно, хотя бы в силу природных ограничений ресурсной базы для производства и не менее объективных ограничений потребления. Это понимание не стало, однако, равноправным критерием в процессе принятия политических решений, касающихся стратегий развития: в них не находится места для «смыслоценностных» категорий.

■

Мы видим исключительную важность разработки проблемы критериев развития и прогресса применительно к сегодняшним общественным процессам. При этом считаем важным введение в рассмотрение той концепции «ценностного ядра», о которой было сказано выше. При выработке критериев развития и прогресса общества, необходимо самым тщательным и самым глубоким образом исследовать его ценностное ядро и его динамику в происходящих, планируемых и ожидаемых процессах. В этой связи признаком развития и прогресса может и должно служить движение общества к наиболее полному воплощению и практической реализации системы ценностей, выработанной социумом на протяжении всего своего существования и осознаваемой как историческое предназначение. Если процессы духовной и материальной жизни общества вынуждают его к полному или частичному отказу от своей системы ценностей, от ценностного ядра, возникает риск его гибели. Потому что общество с иной, «новой» системой ценностей – это уже «новое» общество, а прежнее при этом – исчезло. «Хорошо» это или «плохо» – вопрос жизненно важный. Но чтобы суметь вовремя дать на него ответ, надо уметь измерять и контролировать процессы развития и трансформации ценностного ядра.

Рост производства и потребления пытаются и небезуспешно внедрить в качестве основного критерия прогресса и качества жизни. Но это ошибочный критерий.

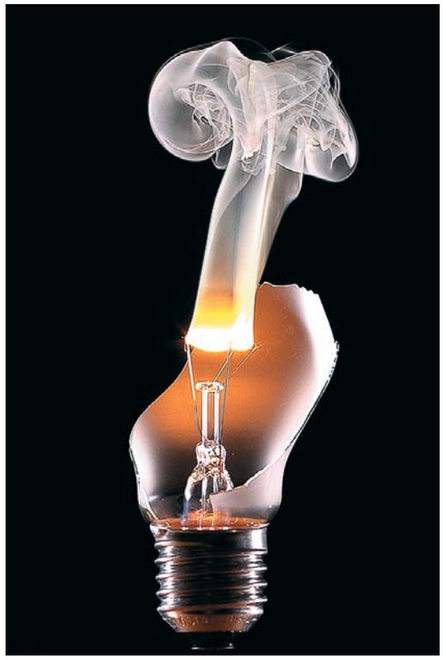
Не имея пока универсального пространства и системы координат, позволяющих идентифицировать «прогресс» и «развитие», мы можем, однако, приводить примеры рассуждений на эту тему, позволяющие сформировать предварительное представление об этом. Снова рассматривая, например, произошедшие в России общественные трансформации XX века, можем указать на следующее. В ходе периода строительства социализма в СССР ценностное ядро, сложившееся в дореволюционный период, включало в себя как одну из важнейших частей религию и церковь. В качестве примера мы будем иметь в виду Православную Церковь как основную. В ходе строительства социализма эта часть «ценностного ядра» подверглась сложной и неочевидной трансформации. Со стороны государства осуществлялось явное и жесткое гонение на церковь и верующих, сокращалось общественное влияние религии и церкви. В то же время в области духовной жизни – а именно духовная, метафизическая сфера составляет суть ценностного ядра – наряду с открытым и тайным сопротивлением, сохранением веры и преданности церкви шли процессы как отказа от религии, становления массового неверия, так и перехода в состояние неопределенной религиозности, веры «в своего бога». Метафизическое ценностное ядро народа сопротивляется, пытается сохранить некую важную «зону веры во что-то и в кого-то», сберегая в народе самую возможность и подсознательный навык «верить». В частности, эта возможность и эта потребность реализовывалась в нерелигиозных, безбожных верованиях «в коммунизм», «в Ленина», «в русский народ», «в свою семью и друзей» и т.д. Ясно, что сохранение возможности, навыка и стремления «верить» есть важнейшее качество ценностного ядра, утрата которого означала бы тотальный цинизм и войну всех против всех на уничтожение.

Оценки произошедшей трансформации этой части ценностного ядра до сих пор разнятся: от признания этого катастрофой до признания того же самого прогрессом. Есть и более взвешенные оценки, отмечающие, что произошедшие замены и перемены «равнокачественные»: то есть на смену одной вере, одним идеалам пришла другая вера, другие идеалы: но это все-таки идеалы, а не отказ от идеального вообще!

Второй пример. «Дореволюционное» ценностное ядро содержало в себе представление о времени и месте человека в нем как о циклическом, повторяющемся процессе, если говорить о подавляющем большинстве населения, то есть о русском крестьянстве. Повторяющийся годовой цикл, повторяющиеся из поколения в поколение трудовые навыки, отсутствие или недостаточная развитость того, что теперь называется социальной мобильностью, представление о земной жизни как предуготовлении к жизни небесной – все это формировало определенную картину пространственно-временных и социальных координат большинства русских людей. Революция 1917 года сломала не только социальное устройство общества, но и эту часть ценностного ядра, предложив взамен ли-

Признаком развития и прогресса может и должно служить движение общества к наиболее полному воплощению и практической реализации системы ценностей, выработанной социумом на протяжении всего своего существования и осознаваемой как историческое предназначение.

«Дореволюционное» ценностное ядро содержало в себе представление о времени и месте человека в нем как о циклическом, повторяющемся процессе, если говорить о подавляющем большинстве населения, то есть о русском крестьянстве. Повторяющийся годовой цикл, повторяющиеся из поколения в поколение трудовые навыки, отсутствие или недостаточная развитость того, что теперь называется социальной мобильностью, представление о земной жизни как предуготовлении к жизни небесной – все это формировало определенную картину пространственно-временных и социальных координат большинства русских людей. Революция 1917 года сломала не только социальное устройство общества, но и эту часть ценностного ядра.



В последние двадцать лет мы наблюдаем неуклонное уменьшение фактов духовного производства: научных исследований и публикаций мирового уровня, прорывных технологий даже в традиционно развитых в России/СССР областях, таких как физика, химия, авиа– и двигателестроение, космонавтика, радиотехника, энергетика и т.п. В стране перестали появляться литературные и музыкальные произведения мирового уровня и значимости, кинематограф являет собой жалкое зрелище попыток безграмотного эпигонства и утраты художественных достоинств. И все это происходит на фоне стремительного распада экономической системы страны, ее выпадения из большинства сфер мирового производственного процесса. Налицо констатация как минимум остановки развития.

нейную картину движения, «стрелу времени» и наряду с этим расширенный набор траекторий возможного социального движения и личностного роста, активно поддерживаемый государственной властью.

И у этой трансформации есть разные оценки. Одни считают, что произошедшее есть очевидный и бесспорный прогресс и развитие. Другие считают, что безвозвратная утрата патриархального мира русского крестьянина не просто огромная трагедия многих людей, а гибель русского народа вообще, что «социальная мобильность», полученная взамен устойчивой цикличности, есть деградация и вырождение, сползание в пучину безнравственности и такое повреждение душе, которое страшнее физической гибели.

Третий пример. За время строительства социализма в СССР сложились определенные формы хозяйствования и организации жизни: вокруг крупных, а порой и средних предприятий складывалась особая инфраструктура: детские сады и дома отдыха, пионерские лагеря и ведомственные поликлиники и больницы, жилье и системы жизнеобеспечения. Соответственно, в сознании людей сформировались определенные ценности (ценности в философском, аксиологическом смысле, то есть не одни лишь бытовые достоинства или недостатки) такого коллективизма, такого – во многом патриархального, соборного – жизнеустройства. Соответственно, выстраивались и встраивались в подсознание определенные формы взаимоотношений между людьми, доверия и недоверия, критериев качества собственной жизни, ее смысла и целей. Эта форма и это содержание стали продолжением и в значительной мере заменой той части «метафизического ценностного ядра» народа, которая сформировалась в глубокой древности, которая протянулась к нам от первобытнообщинных времен и гибели которой метафизическое ядро сопротивляется и будет сопротивляться. Потому что это глубинные, подсознательные ценности, присущие народу, во всяком случае, значительной его части, каковые составляют и во многом определяют его менталитет. Идущие сейчас процессы реформирования экономики России привели к тотальной гибели подобных социально-экономических единиц, породив огромное количество неразрешимых проблем, получивших известность под названием «пикалевский синдром». Продолжение этой экономической политики потребует жестокой и насильственной трансформации жизни сотен тысяч людей, затрагивающей не только внешнюю сторону «обустройства жизни», а глубинное разрушение ценностного ядра. В то время как этого можно было бы и не делать, обратившись к зарубежному опыту, например, японскому или корейскому.

■

В последние двадцать лет мы наблюдаем неуклонное уменьшение фактов духовного производства: научных исследований и публикаций мирового уровня, прорывных технологий даже в традиционно развитых в России/СССР областях, таких как физика, химия, авиа– и двигателестроение, космонавтика, радиотехника, энергетика и т.п. В стране перестали появляться литературные и музыкальные произведения мирового уровня и значимости, кинематограф являет собой жалкое зрелище попыток безграмотного эпигонства и утраты художественных достоинств. И все это происходит на фоне стремительного распада экономической системы страны, ее выпадения из большинства сфер мирового производственного процесса. Налицо констатация, как минимум, остановки развития.

Если наряду с остановкой развития размывается или неясным пока образом трансформируется и ценностное ядро, то возникает угроза «остановки навсегда», деградации, регресса. Следствием этого может стать неспособность народа сохранить государственность с последующим растворением индивидуумов, некогда формировавших народ, в окружающем изменяющемся мире.

Развитие, прогресс, ценностное ядро и глобализация

Россия «ввергнута» в процесс глобализации и это процесс столь же объективный, сколь и неотвратимый. Его последствия в экономике и политике изучаются, и многое удается осознать и предсказать[26]. Трансформация ценностей российского общества в результате глобализации изучена в меньшей степени, а повреждения «ценностного ядра» не изучены вовсе. Хоть мы пока и не определили в виде «исчерпывающего перечня» – что есть «ценностное ядро», мы можем достаточно уверенно предполагать, что у разных народов имеются разные ценностные ядра. Это проявляется в существовании разных этносов и цивилизаций, разных государств и форм общественного устройства. Не требует отдельных исследований и достаточно очевидное предположение о том, что взаимодействия и влияния народов и государств друг на друга всегда есть взаимодействия и влияния их «ценностных ядер». Последствия этих взаимовлияний в истории известны: сосуществование без разрушения друг друга; симбиоз и ассимиляция – взаимная или одного в другом; порабощение и уничтожение одного другим; процесс борьбы и т.д.

Рассматривая историю трансформаций и деформаций российского ценностного ядра, можно – на предварительном и во многом пока умозрительном уровне – предположить, что ядро в основном цело и сохранило свою идентичность. Основанием для этого может служить факт неразрывной целостности русской (российской) культуры в ее основных компонентах: язык и созданная на нем литература, музыка, изобразительное искусство и архитектура, религии и светский гуманизм, ощущение непрерывности исторической судьбы, корпус знаний, зафиксированных в письменных источниках на общем для всех языке, способность к взаимопониманию и т.д. И – что самое главное – у этой целостности есть «физические носители», то есть достаточно много людей, ощущающих свою неразрывную, глубинную связь с названным.

Любой период собственной истории, воспринимаемый как позор или ошибка, существенно ослабляет народ, переводит его в другую «весовую категорию» – в категорию народов с короткой и позорной историей.

Чехословакия, 1968 г.

■

Что в нашем ценностном ядре затрагивает процесс глобализации, а также происходящие или планируемые социально-экономические преобразования?

Один пример последствий глобализации и экономических реформ мы привели – «пикалевский синдром». Это размывание существенной части ядра, связанной с фундаментальным коллективизмом, способом общежития народа. Если на смену одному коллективизму не будет предложен другой коллективизм – это нанесет существенный урон и ослабит ценностное ядро.

Есть и другие угрозы ценностному ядру. Например, снижение образованности и статуса образованности; разрывы в целостности восприятия культуры (литературы, музыки и т.д.), вытеснение своей куль-

[26] Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008, – 608 с. Иноземцев В.Л. Две концепции исторического развития: марксизм и постиндустриализм. // Философские исследования, 1997, № 3, сс. 30 – 73.

туры – другой. Это шаг к ассимиляции.

Угрозой является и разрыв целостности позитивного восприятия собственной истории. Любой период собственной истории, воспринимаемый как позор или ошибка, существенно ослабляет народ, переводит его в другую «весовую категорию» – в категорию народов с короткой и позорной историей. Для истории народа ее непрерывная протяженность, непрерывная цепочка побед и гордости за них – это ее сила и мощь, фактор влияния, источник силы.

Угрозой является нарушение равновесия между религией и светским гуманизмом. До возникновения светского гуманизма религия целиком обеспечивала функцию духовного базиса и сохранения нравственного начала в ценностном ядре народа. С появлением, развитием и устойчивым влиянием светского гуманизма, прочно закрепленного в культурной ткани общества, он также явился важной опорой духовной, нравственной жизни. В настоящий – постсекулярный – период обществу необходимы и религия и светский гуманизм, пребывающие в состоянии невраждебного взаимодействия, направленного на развитие.

Угрозой является утрата способности к взаимопониманию, к диалогу, раскол общества. Это, по-видимому, наиболее острая проблема российского общества и наиболее реальная угроза его гибели.

■

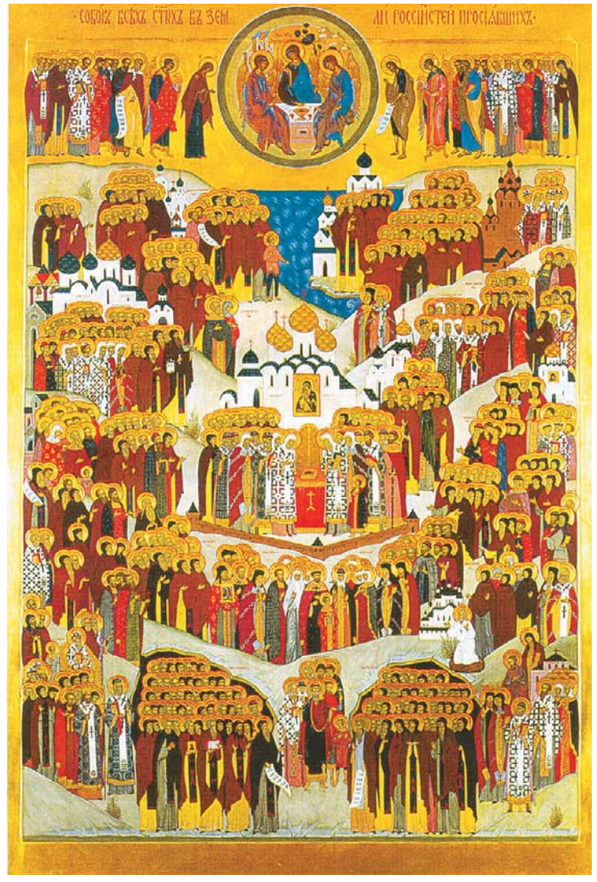
Глобализация состоит из процессов, которые можно условно считать объективными, и процессов, которые следует считать субъективными и никакими иными. Условно-объективные – это процессы взаимодействия и конкуренции государств и их объединений, ТНК и т.д. Субъективные – это конкретные действия и операции по ослаблению или уничтожению конкурента в борьбе, вплоть до разных видов войн: «холодной», «горячей», «информационной», «цветных революций» и др. Часть подобных действий оказывает воздействие (прямое и косвенное, побочное и целенаправленное) на то самое ценностное ядро, разрушение которого приводит к исчезновению народа как целого и созданных им институтов: корпораций, государств и государственных союзов.

Так, например, открытость экономики России, включение ее в мировую экономику, выравнивание цен на энергоносители – эти шаги и возникшие последствия привели не только к «пикалевскому синдрому», но и к деградации промышленного производства вообще и, как следствие, снижению не только уровня жизни, но и уровня образованности и соответствующих целей и возможностей личного и общественного развития. Последствия процессов «перестройки», «демократических реформ», «реформ Гайдара», процессов приватизации и криминализации системы экономического и государственного управления заслуживают отдельного анализа, поскольку они существенно повредили ценностное ядро российского общества, приведя его в состояние, близкое к полной гибели.

Развитие, прогресс, ценностное ядро, глобализация и Родина

Мы коснулись понятия «Родина» и указали на его отличия от места рождения, пребывания и т.д. В связи с особой важностью этого понятия и его глубокой взаимосвязью с развитием и ценностным ядром вернемся к нему еще раз.

Прежде всего, выскажем предположение, что «Родина» и, соответственно, «чувство Родины» присуще не всем и не всегда. Оно может возникать и исчезать в зависимости от многих обстоятельств. Во всех случаях, когда оно есть в душе человека, оно, в случае разлуки с Родиной как со страной, вызывает ностальгию. Огромной силы тоска по России – как Родине в самом высоком метафизическом смысле – охватила русскую эмиграцию послереволюционного периода. Разумеется, и среди эмигрантов были люди,



Икона «Собор Всех Святых, в земле Российской просиявших»

не испытывающие этой смертельно изматывающей боли по утраченной Родине. В качестве простых общеизвестных примеров можно напомнить кинематографические образы персонажей «Бега»: Корзухин, Чарнота, Голубков, Хлудов, Тихий... Все они русские люди, утратившие Россию, но не все они утратили Родину.

В период распада СССР, после распада и до сегодняшнего дня за пределами России остаются миллионы этнических русских – граждан СССР. Что и как они переживали в момент краха Советского Союза? Для одних это стало гибелью Родины, для других – нет. Для кого-то спасением казался возврат в уцелевшую часть России, и они устремились туда, терпя лишения, неся потери, рискуя собой, семьей, благополучием: потому что не могли потерять связь с Родиной. Им казалось, они надеялись, что нахождение в пределах исторической части России, в русской культурно-языковой среде позволит не утратить связь – в том числе и мистическую – с Россией. А для других этнических русских откол от СССР в составе какой угодно иной этнокультурной, религиозно и политически враждебной среды казался не только приемлемым, но оправданным и даже желанным, поскольку сулил более высокий материальный уровень и приобщение к «Западу»[27].

■

Говоря о Родине, нельзя не сказать об ощущении ее некого, не всегда ясно и рационально осознаваемого, предназначения. Предназначение может быть сформулировано как миссия, может быть заявлено политической элитой как высшая цель – так, например, делалось в СССР, провозглашавшем себя в ранний период своего существования как исток и движущую силу мировой революции, а период позднего развития – как средство и место построения коммунизма в одной отдельно взятой стране. Мессианская роль провозглашается и в США, чья политическая элита позиционирует страну как оплот демократии и свободы. Не всегда провозглашенные элитой мессианские цели воспринимаются большинством населения на эмоциональном уровне, и не они формируют метафизическую основу чувства Родины. Чаще всего это чувство остается именно чувством, не обретая рациональных дефиниций, основываясь на неосознанном доверии к неким, пусть и не до конца понятным, «высшим смыслам» и «предназначениям». «Предназначение» Родины может и, на наш взгляд, должно быть предметом рационального постижения. В этом состоит один из компонентов стратегического целеполагания. Осмысление должно исходить из осознания предназначения самого народа. Надо анализировать: в чем может состоять дальнейшее развитие народа, к чему у него есть природное и историческое предрасположение, необходимые духовные и ма-

[27] Отдельного анализа заслуживают проблемы этнически смешанных индивидуумов и семей, оказавшихся в состоянии раскола между одной этнокультурной средой и страной и другой.

Фрэнсис Фукуяма

териальные ресурсы, каково его место в мире, что он может производить как в сфере промышленного, так и в сфере духовного производства? Обоснованные ответы на эти вопросы подскажут и даже определят адекватную форму государственного устройства, а также направления и способы экономического и культурного развития.

Возвращаясь к введенному нами понятию «ценностного ядра», отметим, что для тех граждан, кому присуще «чувство Родины», оно входит в это ядро наряду с ощущением «предназначения». Для граждан, лишенных этого чувства, ценностное ядро иное. Поэтому и процессы, происходящие в ходе глобализации и реформ, по-разному отражаются на ценностных ядрах разных слоев населения. И не следует ожидать, как думают многие политики, что угроза быть, например, поглощенными Америкой в качестве ее сырьевого придатка вызовет взволнованный протест у всего населения. Господа «Корзухин» и «Тихий» поймут, что надо просто вовремя подсуетиться, как это уже сделали господа Чубайс, Фридман, Абрамович... Не столь незыблемым и величественным, как прежде, выглядит и бастион русской культуры. Для многих, трагически многих, не покажется таким уж несчастьем утрата Достоевского с Толстым с заменой их на англоязычных авторов любого уровня литературной беспомощности – если, конечно, при этом останутся доступными чипсы, пиво и «ай-пэд».

Надо ясно понимать, что у реформ и трансформаций, ведущих сегодня к распаду России, остановке ее развития, превращению русского народа в иной народ с иными ценностями – имеется достаточно широкая база в современном обществе. Как имела весьма широкую базу горбачевская перестройка и ельцинская катастрофа: желудок дважды победил дух народа! Что помешает сделать это третий раз?! Руки тянулись к обертке с надписями «гласность» и «демократия», потому что в нее завернуто пиво, чипсы, жвачка и джинсы! И теперь есть свои обертки со своими надписями и осовремененным содержимым, есть и новые поклонники.

Очевидное и постоянно исследуемое социологами «расслоение общества», или же деление его на социальные страты по всевозможным признакам: этническим, религиозным, политическим, гендерным, возрастным, имущественным и т.д., позволяет, взглянув на эту картину с точки зрения «ценностного ядра» заявить, что наше общество «многоядерное». Исследовательским идеалом было бы получение статистически максимально точной картины этих «ядер» с указанием перечня и иерархии ценностей в каждом из них и данных по количеству и качеству приверженцев. Такая картина позволила бы с гораздо большей точностью и глубиной прогнозировать общественные идеалы и устремления, реакции на преобразования, утраты и обретения. Только имея ценностный спектр общества, мы наконец узнали бы его.

■

Имеющиеся данные об обществе, на которые опираются политики, весьма недоброкачественны. Результаты выборов в Думу не отражают глубинных ценностных предпочтений населения и не позволяют судить о том, в каких обществах населению хочется жить и каково соотношение этих предпочтений. Самое тревожное, однако, не в этом, а в том, что предлагаемые обществу «программы партий» и даже «стратегии развития» не могут быть обществом адекватно оценены именно на предмет развития...

Нынешний путь не ведет к развитию, то есть к продолжению формирования все новых и новых структурных форм своего бытия, которые непрерывно осуществлял русский народ на протяжении нескольких столетий. Остановка развития и начало регресса, распада и вырождения вполне может произойти и уже происходит. Именно в этом смысле для русского народа происходит «конец истории», а вовсе не в том, какой вкладывал Фукуяма, характеризуя достижение англо-саксонской цивилизацией высшей и стабильной формы существования[28]. Возможно реальное исчезновение русских как народа и переход их в форму виртуального существования, подобно античным грекам, а русской культуры в форму, подобную культуре эллинизма, то есть в доступный, но не развивающийся артефакт. Процессы, ведущие к такому исходу, идут, а силы, ими управляющие, мощны. В то время как сил и процессов противодействия недостаточно. Они носят бессистемный, эмоционально-ситуативный характер. Нет ни понимания происходящего, ни организованного сопротивления, ни тактики, ни стратегии.

Можно ли остановить развитие?

Если говорить о развитии человека как биологического и социального существа вообще, то угроза остановки развития существует как последствие массовой гибели в тотальной войне, или в природных катаклизмах, эпидемиях, или вследствие несовместимого с жизнью загрязнения природы и т.д. Если говорить о развитии конкретного сообщества, России, например, то здесь тоже есть как минимум две возможности. При гибели России как государства и при утрате ее ценностного ядра часть населения погибнет или одичает, но отдельные индивидуумы и их потомки смогут продолжить и жизнь, и развитие, присоединившись к ценностному ядру «народа-победителя». Этот процесс происходит на наших глазах в форме эмиграции (или подготовки к ней) российских граждан в другие страны с последующим укоренением в них. В этой связи возникает как минимум тревога: какому количеству «индивидуумов» будет уготована участь или дарована возможность жить в случае разрушения государства, его поглощения другими и необходимостью «подключаться» к другим ценностным ядрам? И второй вопрос. Что делать: стремиться к тому, чтобы попасть в «выживающую часть», готовиться к жизни «в одичании» или попытаться не допустить гибели и разрушения свой страны, ее ценностного ядра?

■

Теме «развития» в философско-политическом аспекте посвятил ряд своих исследований С.Е. Кургинян[29]. Результаты его анализа заслуживают внимательного и вдумчивого осмысления. В самом кратком и, естественно, неполном изложении происходящее и его причинно-следственные факторы, на которые указывает С.Е. Кургинян, видятся в следующем.

Процесс развития, наблюдаемый в мире в последние пять столетий, охватывающий европейскую цивилизацию вместе с Россией, страны Северной Америки, ряд других развивающихся стран, отнесен к понятию «модерн» или «модернити», называемом – на наш взгляд, не очень верно, – «проект Модерн»[30]. Он вызван к жизни всей общеизвестной суммой факторов, рассматриваемой различными социально-политическими и философскими теориями. Процесс трансформации системы мира, наблюдаемый в последние десятилетия, состоит, по (аргументированному) мнению автора, в угасании «проекта Модерн», утрачивающего свои естественные источники «движущей силы».

Сергей Кургинян

Существуют влиятельные политические элиты, которых такого рода «остановка развития» вполне устраивает и даже желательна, поскольку она может зафиксировать для них определенный уровень материального благополучия, сохранить управляемость остальным миром и собственную безопасность. Достижение такого стабильного состояния рассматривается как «конец истории» или «отмена истории». Чтобы этому никто и ничто не могли помешать, следует заранее нейтрализовать возможные угрозы, состоящие в предполагаемом или ожидаемом стремлении каких-то стран и народов к продолжению собственного развития и/или разрушению достигнутого стабильного состояния. Устремления такого рода нейтрализуются инициацией процессов «контрмодерна» и «постмодерна», запускаемых в странах, от которых исходит или может исходить угроза. В перечень стран, развитие которых следует остановить,

[28] Впрочем, больше Ф. Фукуяма так не считает, видимо полагая, что «вместо ранее объявленного» конца истории в Америке наступила эпоха плутократии. См. Francis Fukuyama. Left Out. // The American Interest Online, January – February 2011. http://www.the-american-interest.com/article-bd.cfm?piece=906

[29] Кургинян С.Е. Исав и Иаков: Судьба развития в России и мире. В 2 томах. М.: ЭТЦ, 2009, – с. 1168. См.также цикл лекций «Суть времени», доступный на сайте www.kurginyan.ru.

[30] Не очень верным нам это кажется в силу смысла понятия «проект», предполагающего наличие авторства, заранее разработанного плана работ, ясного видения итогов и измеряемых результатов. Ввиду очевидного отсутствия «проекта Модерн» в общепринятом смысле, мы бы предпочли называть происходящее процессом: «процесс Модерн».

входил СССР, чье не только развитие, но само существование прекращено, а теперь, по мнению автора, входит Россия, по отношению к которой применяются технологии «остановки развития». Под «влиятельными политическими элитами» автор понимает не мифическое «мировое правительство», а реальные группы людей из разных стран, в том числе и советские и российские группы. В своем исследовании автор шаг за шагом анализирует политическую практику последних десятилетий, показывая, как «срабатывают на остановку развития» те или иные решения. Показывает, как подрывается, трансформируется общественное сознание, воспринимающее те ценности, которые убивают в нем стремление к развитию, какие социогуманитарные технологии применялись в истории России, СССР и других стран, как они применяются сегодня: «Гуманитарные технологии – не мелочь. Это оружие пострашнее ядерного или химического. Если человека можно, как Буратино, обстругать под некоторый (в принципе неважно даже, какой) ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ, то этот ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ будет поддержан всем сообществом обструганных Буратино»[31]. Выводы, которые делает автор, в следующем: развитие (России) возможно только в русле Модерна или его возможной современной «модификации» – «Сверхмодерна». Развитие в рамках «постмодерна» и тем более «контрмодерна» – невозможно. Автор анализирует политические реалии современной России, указывает расстановку сил в политических элитах. Особое внимание уделено глубокому философскому анализу метафизики происходящего, уходящей своими корнями в глубокую древность. События и 1917, и 1991, и 1993 годов в России автор рассматривает как метафизические катастрофы, показывая, сколь глубинными и длительными являются их последствия.

Проблема развития России не решена в мировоззренческом, философском смысле. Нет общественного консенсуса по «образу желаемого завтра». Разноголосица в определении стратегии развития, слышимая на уровне высших слоев политической элиты страны, свидетельствует об отсутствии общенационального стратегического целеполагания.

Завершая весьма краткое (исходный текст автора занимает более тысячи страниц) изложение исследования, приведем цитату, имеющую непосредственное отношение к проблеме ценностей. Кургинян пишет: «Есть ценности, несовместимые с потерей суверенитета (в первом приближении – ценности гражданина). И есть ценности, совместимые с потерей суверенитета (в первом приближении – ценности обывателя). Защищать суверенитет, опираясь на ценности, совместимые с потерей суверенитета, нельзя»[32]. Переживаемый сейчас период дает основания для опасений за дальнейшее развитие страны и народа, несмотря на то, что в программных заявлениях Президента и Премьер-министра страны тема социально-экономического развития звучит постоянно. Более того, проблема развития страны не остается только призывом, она воплощена в конкретные разработки и сформулированные задачи, в поставленные цели и проекты[33]. Эти разработки являются предметом всестороннего анализа и глубокой критики со стороны экспертного сообщества.

■

Не вступая в этой статье в полемику ни с авторами разработок, ни с их оппонентами, отметим, что развитие страны является несомненным приоритетом и предметом озабоченности всех участников дискуссии. Расхождение во взглядах наблюдается в предпочтениях в выборе оснований, способов и целей развития. Это означает, что проблема развития России не решена в самом глубоком, фундаментальном, мировоззренческом, философском смысле. Нет общественного консенсуса по «образу желаемого завтра». Разноголосица в определении стратегии развития, слышимая на уровне высших слоев политической элиты страны, свидетельствует об отсутствии политического, стратегического целеполагания.

Общество утратило прежние смыслы собственного существования и не может обрести новые. Народ в массе своей перестал ощущать собственное «предназначение» как некой целостности и «предназначение страны, государства», как формы и инструмента, посредством которых он это предназначение реализует. Одновременно с этим происходит снижение ценности государства как такового. Низведение всей полноты потребностей до материальных, низведение любого профессионального роста только лишь к инструменту улучшения достатка чревато необратимой трансформацией государства, его функций и его формы. Нарастает конфликт между содержанием государства – а оно воплощено в стремлениях народа – и его формой. На определенном этапе развития этот конфликт либо приводит к распаду формы, то есть распаду государства на более мелкие образования, либо форма начинает себя сохранять любой ценой, наращивая всеми средствами принуждение народа к продолжению существования в условиях остановки его развития и последующего вырождения.

■

Названная угроза – основная. Остальные являются следствием. Так, например, продолжающаяся тенденция падения уровня образованности, культуры (по данным ВЦИОМ, в 2009 году более трети граждан страны вообще никогда не читают никаких книг, в 1996 году таковых была одна пятая) – не только одно из свидетельств остановки развития, но и одна из причин дальнейшей деградации. Среди других угроз – снижение качества образования и медицинского обслуживания, утрата целых отраслей промышленного развития, обеднение спектра возможностей профессионального роста, в том числе и в сфере государственного управления, и др.

Управление развитием – это управление ценностями и идеалами

Чтобы управлять развитием, надо понимать природу его движущих сил. Выяснению этого посвящены великие теории прошлого, продолжаются поиски и в настоящем.

Формационный подход в свое время дал ясную картину развития и указал как на движущие силы, так и на цели. Не повторяя общеизвестное, напомним лишь классическую цепочку смены общественно-экономических формаций: первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический и – венец развития – коммунистический. Этот взгляд и метод анализа не утратил ни своей актуальности, ни привлекательности и сегодня, хотя стало ясно, что он не описывает всей полноты и сложности трансформаций и взаимовлияний различных факторов общественного развития».

В связи с многообразием концепций и типологий истории и вряд ли может служить единственным основанием для выработки стратегии развития. Со второй половины XX в. стало популярна теория «стадий роста», выдвинутая в противовес марксистскому учению об общественно-экономических формациях. Согласно этой теории, основными являются два типа общества — «традиционное» (докапиталистическое) и «индустриальное» (капиталистическое), а историческое развитие характеризуется пятью стадиями экономического роста:

1) «традиционное общество»;
2) стадия подготовки условий для «сдвига»;
3) стадия «сдвига» и перехода к индустриальному развитию;
4) «индустриальное общество»;
5) стадия «массового потребления».

Гюстав Доре «Моисей спускается с горы Синай»

[31] Кургинян С.Е., ibid, т.2, 54с.
[32] Кургинян С.Е., ibid, т.2, стр. 50.
[33] Укажем, например, на такие разработки, как «Стратегия-2020» МЭРТа, а также концепции ИНСОРа «Россия XXI века: образ желаемого завтра» и «Обретение будущего. Стратегия 2012», проект «Сколково».

Гюстав Доре «Нагорная проповедь»

ческого развития, мы ограничимся упомянутыми и укажем на необходимость выявить признаки подлинного развития в сложной картине трансформаций стран и народов, каковую часто называют «развитием» без должных оснований. Отметим также, что подавляющее большинство подходов и концепций в качестве основного мерила и критерия развития рассматривает материальное производство и потребление, отличаясь лишь в способах его измерения и оценки.

■

Не отрицая выявленные факторы общественного развития, отметим, что о духовных трансформациях обществ, о том, чем пришлось заплатить за те или иные достижения в области экономического развития, говорится мало и вскользь. В то время, как точно так же, как потребности управляют поведением человека, мир ценностей, система ценностей может управлять развитием. Сообщество рабов в Древнем Риме или Греции, ориентируясь на доступную им систему ценностей, состоящую в основном из физиологических потребностей, – не развивается. Появление индивидуумов с более высокими запросами и устремлениями (типа Спартака) – приводило к всплескам активности, борьбы, которая, однако, не приводила к развитию сообщества (или класса) рабов до тех пор, пока не изменились возможности по формированию иной (общественной, классовой, элитарной и пр.) системы ценностей.

■

Двигатель прогресса, развития – это идеалы и ценности. Моисей получил Скрижали Завета – это были ценности, идеалы, и это была новизна. Прошли века, и Заветы стали не так трактоваться и не так исполняться, в результате ветхозаветные ценности перестали быть двигателем развития. Но возникло христианство и Новый Завет: это были новые ценности и новые идеалы, снова наступило развитие, наступил прогресс. Новизна была не в новых технологиях производства или зарабатывания денег, новизна была в том, как жить, какие отношения между людьми устанавливать, каким ценностям поклоняться, каких норм придерживаться, а от каких отказываться...

■

Христианство раскрепостило свободу воли, и человечество смогло без «прямого вмешательства Господа Бога», само вырабатывать новые правила и ценности – в том числе и через революции: социальные, научно-технические, промышленные, религиозное и светское реформаторство и т.д. Изменение возможностей привело к формированию новых потребностей и новой системы социальных ценностей в русском обществе после и в результате отмены крепостного права. Это дало толчок развитию капитализма и вообще развитию. Аналогичные процессы (изменение системы ценностей и идущее вослед изменение развития – его направления, скорости, содержания и т.п.) наблюдались в ходе и после революций 1917 года, а также на различных этапах строительства социализма в СССР. Когда советский проект начал выдыхаться, угасать, народ стал искать и жаждать новизны, за которую легко принял лозунги «перестройки» – и потому откликнулся энтузиазмом. Однако в ходе и в результате перестройки произошла подмена: место целей и ценностей, лежащих в сфере идеального («ускорение», «гласность» и т.п.), заняли ценности материальные. И это еще могло бы не обернуться катастрофой, если бы при этом не требовалось разрушить «идеальное» как таковое – под лозунгами борьбы с «засильем партократов» и ему подобными. Если бы общество, отказываясь от одних идеалов, сформулировало новые идеалы, столь беспощадной и тотальной гибели страны не произошло бы.

Анализируя эту проблему, С.Е. Кургинян отмечает следующее. «В 1917 году одна Историческая Личность (Российская империя) сменила один Идеал (универсальная православная монархия) на другой Идеал (универсальный Красный проект). Возникла новая Личность (СССР). Можно обсуждать степень связи одной Личности с другой. Но процедура обмена с сохранением качества (смена Идеала на Идеал) предполагала возможность возникновения новой Личности, а также преемственность между прежней и новой Личностями (тут все зависит от анализа Идеалов)». И далее: «обмен, свершенный Личностью (СССР) в 1991 году, был обменом с очевидной потерей качества. Ведь красная Идеальность (хороша она или нет) – это все-таки Идеальность, и она в обмене участвовала. Коллизия в том, что Идеальность обменяли на Материальность. А у этого есть название. Это называется «отдать первородство за чечевичную похлебку»[34].

«Отдать первородство за чечевичную похлебку» – известный библейский образ и символ непоправимого, смертельного обмена с потерей качества, обмена Идеального на Материальное. Красной нитью через весь труд С.Е.Кургиняна проходит метафора притчи об Исаве и Иакове, чьи образы вынесены в заглавие работы[35]. Смысл притчи автор проецирует на процессы, происходившие в СССР и происходящие в сегодняшней России, когда не только отдельные личности, но большинство населения, устремившись к посулам и мечтам о материальном благополучии, легко расстается со своими идеалами. Автор показывает, как стремление к «сытости», к «нормальной жизни» приводит к торможению, остановке и, наконец, к отказу от развития. Та проблема, о которой мы говорим и которую предлагаем обсуждать в нашем альманахе – развитие и экономика, – и есть проявление коллизии между идеальным и материальным.

Состояние дискуссии

Проблема, обозначенная в статье, и ряд смежных вопросов, которые, по мысли авторов, должны стать предметом научного и общественно-политического дискурса на страницах альманаха, обсуждается давно.

Дискуссии о развитии, имеющие место в рамках экономической науки и апеллирующих к ней политиков, весьма остры и глубоки[36]. Причем за-

[34] Кургинян С.Е., ibid, т. 1, стр.157.

[35] У Исаака было два сына: Исав и Иаков. Исав – старший сын Иосифа, обладал правом «первородства», то есть преимуществом над Иаковом в благословении от отца. Но однажды, будучи голодным, он согласился продать свое право первородства Иакову за чечевичную похлебку. Эта притча стала нарицательным примером недопустимости продажи или иной мены духовного на материальное.

[36] Напомним важное и глубокое замечание О.И. Ананьина о том, что «в академической науке и в политическом процессе экономические модели выполняют совершенно разные функции». См.: Ананьин О.И. Теория и политика в прикладных экономических исследованиях: некоторые уроки зарубежного опыта. // Мировая экономика и международные отношения, 2008. № 1. С. 15-23.

частую подмена дискуссии о развитии дискуссией об экономике является преднамеренной. Экономическое знание и методы управления экономическими процессами прошли огромный путь развития, на котором немало блистательных побед, достижений, равно как и обескураживающих провалов. Экономический дискурс «о развитии» является ареной бескомпромиссной борьбы т.н. «экономистов-технологов», владеющих инструментарием управления финансово-экономическими процессами, и экономистов, тяготеющих к классической роли социальных философов. Большинство «экономистов-технологов», касаясь проблемы развития, в качестве целевых показателей ориентируются на финансово-экономические характеристики. Сфера духовной жизни остается, как правило, за рамками анализа или же косвенно и вскользь упоминается в качестве неких неопределенных указаний на «социальную ответственность». Направленность альманаха окажется ближе тем экономистам, которые склонны к оценке экономики как одной из основных наук о жизнеустройстве, но которые не отделяют непроницаемой преградой социальную философию, социологию и другие науки об обществе и человеке от экономики. В этой связи за пределами нашего краткого обзора останутся «чисто финансово-экономические» дискуссии, касающиеся, например, способов повышения экономической эффективности или управления рынком ценных бумаг.

В этом разделе статьи приведен не полноценный обзор литературы, в котором излагается состояние исследований избранного предмета, а, скорее, диспозиция основных действующих лиц. Мы лишь укажем на сложившиеся исследовательские группы и направления, некоторые обобщающие труды, замеченные нами статьи, ограничиваясь в основном современными отечественными авторами. Нашей целью было показать, кто сегодня в России размышляет об интересующем нас предмете, и дать ссылки на их основные работы. Претендовать на полноту и тщательность осмотра «пространства дискуссий» мы не можем и надеемся, что все пробелы окажутся замечены профессиональным научным и экспертным сообществом и, соответственно, будут устранены в дальнейших публикациях.

■

Политическая составляющая дискурса о развитии России определяется, естественно, программными выступлениями Президентов страны последнего десятилетия – В.В. Путиным[37] и Д.А. Медведевым[38]. Всесторонний анализ политической стратегии, заявленной в выступлениях, сравнение сути высказываний с реальной практикой управления страной, критика и рекомендации лидерам государства составляют основной контекст многочисленных аналитических исследований и экспертных оценок всего научного и политического сообщества. Альманах намерен предоставлять свои возможности для таких публикаций, не ограничивая ни себя, ни авторов определенной политической заданностью.

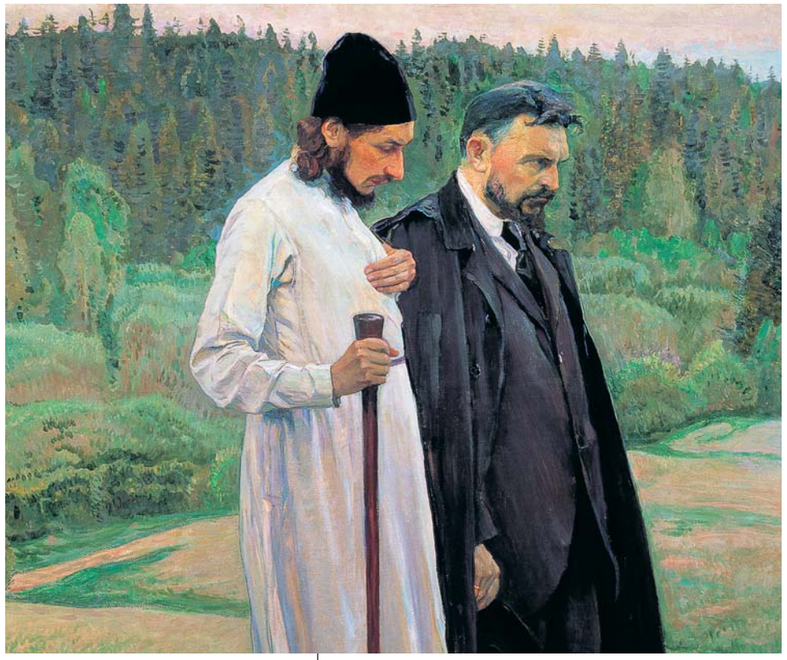
Практическая составляющая дискурса определяется существующими «проектами развития». Часть проектов носит инициативный характер, в то время как некоторые обладают статусом реализуемых на практике. И те и другие проекты представляют интерес для анализа и обсуждения, однако последние требуют к себе наиболее пристального внимания. В частности, профессионального анализа заслуживают предложенные различными группами и поддержанные на самом высоком уровне проекты «Россия XXI века: образ желаемого завтра» (ИНСОР) и «Стратегия-2020» (МЭРТ). Альманах намерен уделить внимание этим проектам, их концептуальным основам и сравнительному анализу.

В программах всех политических партий содержатся лозунги о развитии страны, предложены свои пути, принципы и цели развития. Альманах готов предоставить политикам и политологам возможность изложения собственных взглядов и критики взглядов своих оппонентов и политических соперников. Помимо крупнейших парламентских партий следует отметить энергичные попытки соединения практической работы по консолидации сил, способных к проектированию и теоретическому обоснованию развития страны, предпринимаемые Ю.В. Крупновым, создавшим «Движение развития». В рамках «Движения» создана группа, «программирующая развитие», размышления которой о природе развития и возможности его планирования отражены в ряде статей[39].

Основные исследования проблемы развития сосредоточены в институтах РАН и крупнейших университетах страны. Не ставя перед собой столь значительную задачу, как сделать обзор исследований, проводимых во всех научных и учебных заведениях страны, соглашаясь с высокой степенью неполноты нашего «обзора», укажем лишь на некоторые коллективы, чья деятельность нам знакома сегодня. При этом выразим надежду и стремление расширить круг наших знаний в этом направлении и развить наше сотрудничество.

Взаимосвязь экономики и общественного развития изучается в Институте экономики РАН (директор – член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг). Разработке методологических вопросов применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях посвящены работы зав. сектором философии и методологии экономической науки ИЭ РАН О.И. Ананьина[40]. Следует также отметить плодотворную деятельность Центра институтов гражданского общества ИЭ РАН под руководством Ю.Г. Павленко[41].

Нельзя обойти вниманием исключительные организационные усилия, осуществленные руководством Высшей школы экономики. В структуре ГУ-ВШЭ действуют факультет философии с отделением культурологии, факультеты социологии и психологии. Кроме того, создан ряд институтов и центров, тематика которых близка направленности альманаха. Среди них: Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева (рук. И.М. Савельева); Институт демографии (рук. А. Вишневский); Институт социальной политики и социально-экономических программ (рук. С.Н. Смирнов); Институт управления социальными процессами (рук. Т.Я. Четвернина); Институт «Центр развития» (рук. Н.В. Акиндинова); Центр исследований гражданского общества (рук. Л.И. Якобсон); Центр синергийной антропологии (рук. О.И. Генисаретский); Центр фундаментальной социологии (рук. А.Ф. Филиппов). Каждое из указанных подразделений в той или иной мере имеет отношение к интересующей нас проблеме развития и исследует ее со своих позиций, своими методами и со своими целями. Нет сомнений в том, что исследователи, связанные с этими институтами и центрами, могут стать активными участниками нашего дискурса и использовать соз-



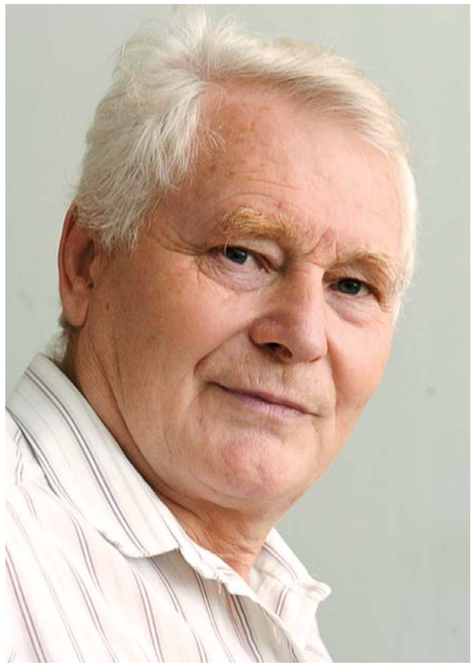
Михаил Нестеров. «Философы»

«Предо мной неотвязно стоит воспоминание, а вместе и предзнаменование грядущих событий и свершений. Это – портрет наш, писанный нашим общим другом М. В. Нестеровым майским вечером 1917 года, в садике при доме о. Павла. Это был, по замыслу художника, не только портрет двух друзей, сделанный третьим другом, но и духовное видение эпохи. Оба лица выражали для художника одно и то же постижение, но по-разному, одно из них как видение ужаса, другое же как мира, радости, победного преодоления».

Из некролога Булгакова о Флоренском

[37] В.В.Путин. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 апреля 2007 года.
[38] Д.А.Медведев. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 года.
[39] Дадим ссылку на два информационно-аналитических портала: персональный сайт Ю.В.Крупнова, на котором представлены его актуальные комментарии и основные работы (http://www.kroupnov.ru/), и сайт «Движения развития», на котором имеются публикации участников (http://www.partrazvi.ru)

[40] Ананьин О.И. Теория и политика в прикладных экономических исследованиях: некоторые уроки зарубежного опыта. // Мировая экономика и международные отношения, 2008. № 1. С. 15-23. Он же: Экономика как искусство. М.: Наука. 2008. – 256с.
[41] Укажем здесь на коллективные монографии, в которых рассматриваются социально-экономические вопросы: Россия в глобализирующемся мире: стратегия конкурентоспособности. Москва, 2005.; Стратегический ответ России на вызовы нового века – под ред. Л.И.Абалкина. Москва, 2004.; Россия-2015: оптимистический сценарий – под ред. Л.И. Абалкина. Москва, 1999.



Сергей Кара-Мурза

даваемый альманах как эффективную площадку для дискуссий и опубликования собственных результатов.

Масштабные и многолетние исследования проблемы развития проводятся на философском и экономическом факультетах МГУ им. М.В. Ломоносова. Историческую преемственность с «Философией хозяйства» С.Н. Булгакова подчеркивает группа, объединенная ныне в «Академию философии хозяйства». Этому предшествовали годы становления и развития нового научного направления, возникшего на базе созданной в 1988 году Лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов (ЛСАХМ) экономического факультета МГУ под руководством проф. Ю.М. Осипова. Сегодня это признанная и авторитетная научная школа, издается журнал-альманах «Философия хозяйства», организуются научные конференции и форумы, публикуются статьи и монографии. Современные последователи «философии хозяйства», развившие благодаря усилиям Ю.М. Осипова целое направление[42], продолжают исследовать проблему в наиболее целостной системе взглядов, претендующих на мировоззренческий уровень. В работе Ю.М. Осипова «Эпоха Постмодерна» (М.: ТЕИС, 2004) предложен особый взгляд на современность и историческое движение к ней через три эпохи – Премодерна, Модерна и Постмодерна, которым соответствуют и разные типы хозяйства. В фундаментальной работе Ю.М. Осипова «Постижение России» (М.: Экономистъ, 2005) рассмотрены вопросы современного бытия России (с конца 1980-х гг. по 2005 г.), переживаемых ею перемен, долговременного социо-хозяйственного кризиса. Осмыслению различных сторон хозяйственной деятельности с позиции «философии хозяйства» посвящены работы многих современных исследователей. Обзор этих работ проведен в диссертационном исследовании Л.А. Тутова[43]. Отмечая достижения в области философии хозяйства, Л. Тутов подчеркивает, что «пока нет целостного представления о философии хозяйства как исследовательском направлении в рамках философии. Философия хозяйства проходит первые этапы своего развития, когда разрабатывается понятийный аппарат, формулируются предпосылки, складывающие «методологическое ядро», происходит обособление от других областей знания».

В статье нами упоминались и цитировались работы С.Е. Кургиняна, посвященные проблеме развития. Кроме указанных выше фундаментальных исследований отметим цикл из нескольких десятков публикаций под общим названием «Медведев и развитие»[44], в которых базовые положения взглядов автора увязаны с проблемами актуальной политики. Проблема развития в той или иной степени является предметом анализа С.Е. Кургиняна во многих его работах, посвященных, казалось бы, иной теме – борьбе элит или теории и практике политических игр. Факторы, влияющие на развитие страны, общества, являются предметом пристального исследования во всех монографиях последнего времени[45].

Исключительные по своей глубине и мировоззренческой роли исследования проф. С.Г. Кара-Мурзы, опубликованные в десятках книг, вышедших за последнее двадцатилетие, продолжают оставаться актуальным базисом для их продолжения. Достаточно упомянуть лишь некоторые из наиболее известных книг, например, таких как «Интеллигенция на пепелище родной страны» (1995), «Манипуляция сознанием» (2000), «Советская цивилизация» (2001), сыгравших принципиальную роль в становлении целого ряда направлений, чтобы отметить масштаб и значимость сделанного автором. Продолжающиеся исследования С.Г. Кара-Мурзы с соавторами остаются весьма актуальными для тематики нашего альманаха[46].

Философский аспект тематики, ставшей предметом настоящей статьи, является постоянным направлением исследований сектора социальной философии Института философии РАН. Отметим здесь две коллективные монографии[47], а также работы заведующей сектором проф. В.Г. Федотовой, в которых предложена методология компаративистского анализа модернизационных стратегий и типология развития, подтверждающая возможность выбора Россией различных путей развития[48]. Особое место в панораме исследований взаимоотношений экономики и общества занимает разработка теории неокапитализма. Предложена концепция «трех великих трансформаций и трех типов современности», позволившая показать незавершенность «проекта Модерн», показать принципиальную вариативность будущего и возможных сценариев развития[49].

Самостоятельным направлением научных исследований и оригинальной эффективной организационной работой является деятельность гл.н. сотр. Института философии РАН проф. В.Е. Лепского. Особую значимость для тематики нашего альманаха имеют исследования проблемы субъектности и ее роли в общественном развитии, а также усилия В.Е. Лепского по изданию журнала «Рефлексивные процессы и управление» и его вдохновляющая работа по организации «Клуба инновационного развития[50].

Хочется отметить последовательное углубление и отстаивание собственной позиции как внутри академической среды, так и в органах государственной власти академиком РАН С.Ю. Глазьевым. Его аргументация необходимости согласования мер по преодолению кризиса со стратегическими задачами социально-экономического развития весьма убедительна, как и настойчивые призывы проводить активную политику опережающего развития, не дожидаясь завершения экономической депрессии[51].

Сергей Глазьев

Многолетнее и многогранное научное творчество проф. В.М. Симчеры, интересы которого отданы в основном проблемам экономической статистики, закономерным

[42] Следует указать хотя бы на некоторые издания, такие как монография Ю.М. Осипова «Опыт философии хозяйства» (М.: Изд-во МГУ, 1990), его же работы: «Философия хозяйства. В 2-х книгах: I. Курс философии хозяйства. II. Проблемы философии хозяйства» (М.: Юристъ, 2001) и «Время философии хозяйства» в 3-х книгах: I. Осмысление II. Курс философии хозяйства III. Грани. Работы разных лет» (М.: Экономистъ, 2003).

[43] Тутов Л. А. Философия хозяйства: предмет и методы исследования: предмет и методы исследования: Диссертация на соискание ученой степени доктора филос. наук по специальности 09.00.01. Иваново, 2005 324 с. РГБ ОД, 71:06-9/24.

[44] Цикл статей в газете «Завтра», №№1-36, 2008 г.

[45] К основным работам С.Е.Кургиняна относятся монографии «Седьмой сценарий» (М.: ЭТЦ. 1992. - 336 с.); «Слабость силы» (М.: ЭТЦ. 2006. - 480 с.); «Качели» (М.: ЭТЦ. 2006. - 772 с.); «Исав и Иаков» (М.: ЭТЦ. 2009. – т.1, 642 с., т.2, 572 с.).

[46] Сошлемся здесь лишь на работы последних лет: Куда идет Россия. Белая книга реформ. М.: Алгоритм, - 2008, 448 с. (в соавт. с. С.Глазьевым и С.Батчиковым); Россия под ударом. Угрозы русской цивилизации. М.: Яуза-пресс – 2010, 384 с.; Россия при смерти? Прямые и явные угрозы. М.: Яуза-пресс – 2010, 448 с.; Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему. М.: «Общественный диалог» – 116 с. (в соавт. с В.Патоковым); Россия и Запад. М.: Академический проект. – 2011, 190 с.; Кризисное обществоведение. М.: Научный эксперт. – 2011, 464 с.

[47] 1. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. М.: ИФ РАН, 2010. – 274 с.
2. Человек в экономике и других социальных средах. М.: ИФ РАН, 2008. – 195 с.

[48] Укажем здесь на монографические исследования В.Г. Федотовой последних лет: Анархия и порядок. М.: Эдиториал УРСС. 2000. – 144 с.; Хорошее общество. М.: Прогресс-традиция. 2005. – 544 с.

[49] Глобальный капитализм: три великие трансформации: (социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества) (в соавторстве с В.А. Колпаковым, Н.Н. Федотовой). М.: Культурная Революция, 2008. 607 с.

[50] За последние три года вышли следующие монографии В.Е. Лепского: Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с.; Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009. 208 с.; Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. М.: ИФ РАН, 2010. Отметим также статью «Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития», опубликованную в журнале «Информационные войны» (№ 4 (16), 2010, С. 69-78). Журнал «Рефлексивные процессы и управление» доступен на сайте http://www.reflexion.ru, там же отражена деятельность «Клуба инновационного развития ИФ РАН».

[51] Среди многочисленных трудов С.Ю. Глазьева, укажем на монографию «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса» (М.:Экономика 2010, 256 с.) и статью: О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии. // 17 мая 2011, http://www.glazev.ru/econom_polit/269/

Михаил Делягин

образом воплотились в значительный по своему объему и выдающийся по своей глубине и научному качеству результат, выходящий далеко за рамки статистических исследований. В сущности, труды В.М. Симчеры последних лет являются основным, если не единственным аргументом и основанием для доказательного рассмотрения проблемы развития России, включающего в себя как собственно экономико-статистический корпус аналитических данных, так и социально-философский их анализ[52].

Важно отметить статьи известного эксперта и исследователя М.Л. Хазина, посвященные проблеме развития, отличающиеся нехарактерной для публичного экспертного сообщества философской глубиной и фундаментальностью анализа[53].

Среди экономистов, отличающихся не только профессиональной глубиной, но и высокой степенью социального сострадания, а также заметной публичной активностью, следует отметить труды и деятельность М.Г. Делягина. Не стремясь к обзору сказанного и написанного проф. М.Г. Делягиным в связи с оценками актуальных проблем экономической политики России, отметим, что в ряде своих работ он акцентирует внимание на близких нашему альманаху аспектах взаимосвязи фундаментальных ценностей и экономики. М.Г. Делягин обращает внимание на проблему влияния современных технологий на развитие обществ и формирование коллективного, надличностного сознания[54]. Анализируя рычаги экономического развития, М.Г. Делягин не упускает из виду и ряд неэкономических факторов, таких как дезинтеграция общества, его мультикультурный характер, разрушение человеческого потенциала и др.[55]. М.Г. Делягин указывает на важные факторы развития и возможность «роста без развития»[56].

Оригинальные исследования проводятся Институтом ноосферных исследований, действующим в составе Академии тринитаризма[57]. В частности, следует указать на работы проф. А.И. Субетто, такие как «Россия и системный кризис мировой экономики», «О глобализации, ноосферизме, социализме и судьбе России в XXI веке», цикл работ «Критика «экономического разума» и многие другие, доступные на указанном сайте Академии.

Исключительно важным направлением нам представляется исследование и обсуждение проблем взаимосвязи и взаимообусловленности общественно-экономического развития и религии. В этой связи надо отметить прежде всего позицию и деятельность Русской православной церкви, созданного ею Экспертного совета «Экономика и этика» при святейшем Патриархе Московском и всея Руси. Ведущаяся Советом разработка основанных на православной традиции теоретических основ нравственного хозяйствования и выработка церковно-общественной позиции по актуальным событиям в экономической жизни страны и мира представляется нам исключительно важной. «Заявления» Совета по актуальным проблемам социально-экономической жизни являются не только самоценным аналитическим материалом, но и нравственным ориентиром для общества[58]. Хочется отметить также плодотворный цикл исследовательских статей преподавателя Свято-Тихоновского гуманитарного университета Н.В. Сомина и его организационно-просветительскую деятельность как создателя интернет-портала «Христианский социализм как русская идея»[59].

Следует отметить широкий спектр исследований проблем развития, проводимый Институтом экономических стратегий Отделения общественных наук Российской академии наук (ИНЭС) под руководством проф. А.И. Агеева[60], и издание журнала «Экономические стратегии» – единственного среди экономических изданий страны, для которого проблема развития является одной из главных тем.

Фундаментальный подход к исследованию, сложившийся в свое время в известном «Московском методологическом кружке» (Г.П. Щедровицкий, А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушин и др.) стремятся сохранить в «Московской методологической корпорации», организовавшей свою деятельность в форме проекта «Миссия России»[61]. Своей важнейшей задачей участники проекта видят необходимость «практически наметить и определить пути возрождения и развития Российской Государственности». Формулируя «основную проблему жизнестратегии», Ю.В. Громыко говорит о задаче «преодоления культурного пессимизма и представление идей мощи и посюсторонности человеческого разума, если он опирается на нравственные ценности, традицию и веру». Участники проекта пытаются выявить направления и формы технологического прорыва, формирования новых укладов, обозначая эти действия как «Стратегическую цивилизационную инициативу» России[62].

Необходимо указать на существование огромного интеллектуального наследия, связанного с именем П.Г. Кузнецова, его коллег и последователей[63]. Вопрос «о развитии» не может анализироваться ни на теоретическом, ни на тех-

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

[52] Приведем здесь ссылку лишь на некоторые из монографий В.М. Симчеры: «Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды». (М.: Наука. 2006. – 592 с.); «Как возродить экономику России. Реформировать не разрушая.» (Кн.1. М.: Паритет, 1999.– 384 с.; Кн. 2. М.: Паритет-Граф. 2000. – 508с.; Кн.3. Нравственная экономика, М.:ТЕИС, 2006. – 824с)

[53] Не пытаясь сделать выборку значимых для проблемы развития высказываний М.Л. Хазина из его многочисленных публикаций и выступлений, укажем здесь лишь на две статьи: «Тупик «догоняющего» развития» и возвращение «Красного» проекта», опубликованную в сб. статей «Крепость Россия: прощание с либерализмом» (М.: Яуза, Эксмо, 2005) и «Постмодерн – реальность или фантазия?», опубликованную в 2005 году на сайте http://worldcrisis.ru/crisis/170860

[54] Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая Теория Глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003. – 768с.

[55] Делягин М.Г. Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? (В соавт. с В. Шеяновым). М.: Эксмо. 2006. – 352 с.

[56] Делягин М.Г. Китайцы – это люди, которые изобрели государство как таковое. // http://forum-msk.org/material/lenty/1362250.html

[57] Подробнее об Академии см. на сайте http://www.trinitas.ru

[58] На сайте Патриархии (http://www.patriarchia.ru) доступны тексты «Заявлений», в частности, «Заявление в связи с мировым финансово-экономическим кризисом» (2009), «Заявление в связи с обсуждением стратегии долгосрочного развития России до 2020 года» и др.

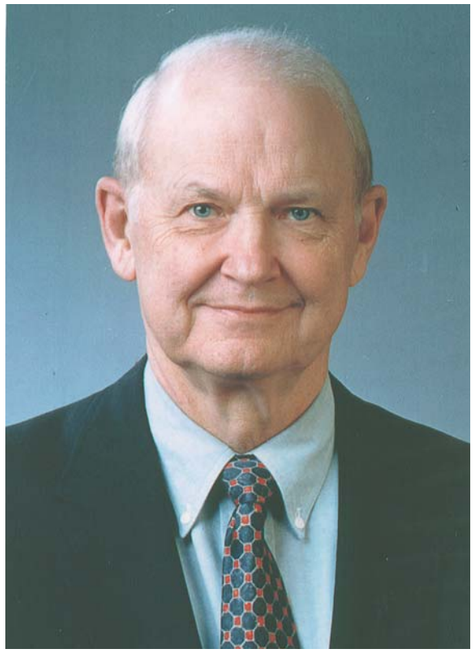
[59] Упомянем здесь работы Н.В. Сомина как «Возможен ли «христианский капитализм»?», «Христианский социализм как русская идея», «Законы экономики с точки зрения христианской этики» и др., доступные на портале http://chri-soc.narod.ru/.

[60] Укажем на две монографии А.И.Агеева, основная тема которых совпадает с главной направленностью нашего альманаха: Беседы о стратегическом, или о том, можно ли совместить чистую прибыль и чистую совесть. М.: Институт экономических стратегий, 2010. – 736 с.; Цепочка вечных ценностей. М.: ИНЭС, 2004. – 40 с.

[61] Основные публикации «Корпорации» представлены на портале http://mmk-mission.ru/

[62] Укажем здесь на несколько статей Ю.В. Громыко: Проблемы устойчивого развития: готовы ли мы к разговору? (2002); Проблема формирования нового цивилизационного уклада с позиций России. Попытка манифеста. (2006); Центральный пункт диалога цивилизаций: жизнестратегия против стратегии смерти (танатостратегии) (2007), опубликованных на сайте (http://mmk-mission.ru/), и монографию «Сценарная паноплия. Сценарий для России: русский путь». (М.: Институт опережающих исследований. 2004. – 400с.). Подчеркнем, что эти теоретические разработки и рекомендации поддержаны авторами настоящей статьи на практике в форме развития финансовых инструментов, направленных на восстановления реальной экономики России.

[63] Одна из наиболее полных подборок трудов П.Г. Кузнецова, его биография, а также статьи о нем, собраны на сайте http://pobisk-memory.narod.ru.



Линдон Ларуш

нологическом уровне без учета результатов, достигнутых школой П.Г. Кузнецова – столь они фундаментальны[64]. К сожалению, востребованность этих результатов современной практикой обратно пропорциональна их выдающейся значимости. Альманах будет стремиться к актуализации этого научного направления и предоставит возможность излагать и обсуждать взгляды П.Г. Кузнецова и его последователей. Прежде всего следует указать на работы С.П. Никанорова – как те, в которых рассматриваются взгляды П.Г. Кузнецова[65], так и самостоятельные исследования, в частности, разработку «аппарата ступеней» – математического метода, предоставляющего, по гипотезе автора, новые возможности для теоретического исследования развития форм жизни, социогенеза и других[66]. Следует также указать на близость взглядам П.Г. Кузнецова самостоятельной концепции экономики и принципов ее развития Линдона Ларуша[67]. Исследования проблемы «устойчивого развития», бывшей «мейнстримом» международного общественно-политического дискурса со времен «Докладов Римскому клубу»[68], продолжаются и сегодня. В этой связи следует указать на исследования Б.Е. Большакова[69].

Одним из редких примеров сочетания концептуальной глубины и разработки практических рекомендаций по организации управления развитием в различных отраслях является деятельность «Аналитического центра «Концепт» под руководством З.А. Кучкарова, являющегося базовой организацией руководимой им кафедры концептуального анализа и проектирования Московского физико-технического института (МФТИ)[70].

■

Проблема развития и ее связь с экономикой в той или иной степени, под теми или иными углами зрения становится предметом анализа многих исследователей. Невозможно в кратком обзоре отразить все содеянное, тем более, что авторы не претендуют на полноту знаний в этой сфере. Упомянем, однако, еще несколько работ, обративших на себя наше внимание. Анализу концепции прогресса и выяснению движущих сил истории посвятил свои статьи А.А. Алферов[71]. Вопрос о методологии смены моделей жизнеустройства в социально-философском смысле был поставлен О.С. Соиной. Отмечая необъятную сложность вопроса, автор предлагает начать с попытки выявить типологию российских реформ как таковых «во всем их непосредственном предметно-эмпирическом своеобразии», выявляя «духовно-национальную направленность» русских реформ за последние триста лет[72]. Проблемы русского этнонационального самосознания, выявление его социокультурного содержания, необходимого для обоснования национальной политики России, стало предметом исследования В.П. Санатина[73]. Исследованию проблемы ценностей в экономике и культуре посвящены работы Г.П.Выжлецова[74]. Продолжению и углублению марксистского метода исследований, теории социализма, проблемам современной глобализации, развития постиндустриальных тенденций, изучению хода и последствий капиталистических реформ в России посвящены теоретические работы А.В. Бузгалина и его активная общественно-политическая и организационная деятельность[75].

Значительным событием стал выход двух сборников статей под редакцией акад. О.Т. Богомолова: «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимодействие» (2008) и «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимодействие» (2010). Объединив в рамках междисциплинарного исследовательского проекта РАН «Взаимодействие экономики и общественной среды» около трех десятков ведущих ученых – экономистов, философов, социологов, культурологов, политологов и др., академик О.Т. Богомолов смог создать коллектив, наиболее полно и глубоко рассмотревший указанную проблему. Этими книгами фактически заложена основа для открытия нового направления научных исследований, дальнейшее развитие которого позволит выработать методы взаимообусловленного подъема науки, культуры, нравственности, социальной справедливости и экономического процветания.

Олег Богомолов

■

Несмотря на продолжающийся плодотворный процесс исследования, проблема развития продолжает оставаться пасынком практической политики (политической практики), программы и проекты стратегического развития не основываются на комплексном понимании развития. По-прежнему под развитием страны как молчаливо, так и программно понимают экономическое развитие. За пределами понимания (осознанного учета) остается та плата, которую приходится платить обществу за достижение экономических показателей, за приверженность параметру экономической эффективности, за использование социально-экономических технологий, рожденных в иной общественной среде и для иной среды, за податливость в структурных преобразованиях национальных экономик, продиктованных процессами глобализации.

Мы видим свою задачу двуединой в том, чтобы стимулировать исследования и дискуссию по проблемам развития, и в том, чтобы эти результаты внедрялись в практику выработки стратегии развития страны.

---

[64] Сошлемся здесь на книгу, написанную П.Г.Кузнецовым в соавторстве с О.Л. Кузнецовым и Б.Е. Большаковым, «Система природа-общество-человек: устойчивое развитие. (Дубна: ВНИИгеосистем, 2000. – 403 с.), в которой сформулированы т.н. «фундаментальные законы сохранения и развития Жизни».

[65] С.П. Никаноров. Концепция П.Г. Кузнецова и ее следствия. // http://www.spnikanorov.ru/?to=articles&art=7

[66] С.П. Никаноров. Введение в аппарат ступеней и его применение. М.: Концепт. 2010.

[67] Л. Ларуш. Физическая экономика. – М.: Научная книга, 1997.

[68] «Пределы роста» Д. Медоуза (1972), «Человечество на перепутье» М. Месаровича и Э. Пестеля (1974) и последующие доклады.

[69] Б.Е. Большаков. Наука устойчивого развития. Кн.1. М.: Мера. 2011. – 366с.

[70] Публикации и проекты Центра доступны на его сайте: www.acconcept.ru.

[71] А.А. Алферов. К вопросу о движущих силах истории. //Вестник Донского государственного технического университета. 2003. Т. 3. № 4 (18); Он же, Идея общественного прогресса: содержание и становление. // Философия в пространстве культуры. Серия «Восток – Запад – Россия». Ростов н / Д, 1999.

[72] Соина О.С. Реформируемая Россия: социальные реалии и духовные последствия. // Школа мысли №6 (2006): < http://shkola-mysli.by.ru/no06.html >

[73] В.П.Санатин. Ценности и смыслы русского самосознания. // Фонд «Росс-XXIвек». Март 2008. http://sarnews.ru/ross21/?p=4

[74] Г.П. Выжлецов. Проблема ценности в современной аксиологии и экономике. // Проблемы современной экономики, N 3(15), 2005; Аксиология культуры. СПб., 1996; Философия ценностей и вызов XXI века // Философия и вызов XXI века. СПб., 1996; Ценности российской духовности: кризис и возрождение // Человек и духовно-культурные основы возрождения России. СПб., 1996; Какая идеология нужна современной России? // В. Новгородского ун-та им. Ярослава Мудрого. 1999. № 12; Аксиология культуры в системе культур-философского знания // Там же. 2000. № 16.

[75] А.В. Бузгалин. 10 мифов об СССР. – М., 2010 (совместно с А.И. Колгановым); Социальная экономика: теория и практика. М., – 2009 (главный редактор и соавтор; Кризис: альтернативы будущего (глобальный контекст и российская специфика). – М., 2009 (главный редактор и соавтор); Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты). – М., 2009(совместно с А.И.Колгановым); Трансформационная экономика России. – М., 2006 (главный редактор и соавтор).

Развитие экономики Русского мира в формате мировой экономики за 1000 лет

С. Н. Бабурин – д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ;
В. М. Симчера – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ

Экономика Русского мира в мировой экономике и мировая экономика в Русском мире – это уникальное явление, целостно никогда не служившее предметом самостоятельного исследования, хотя на самом деле оно изначально и всегда являлось таковым.
Представлять развитие Русского мира вне мировой экономики, равно как и развитие мировой экономики без Русского мира, – это значит представлять часть без органически взаимосвязанного единого целого, т.е. не полно и, возможно, всегда в немалой мере искаженно. Тем более если это делать вне ретроспективы, где причинная взаимосвязь факторных показателей такого сложного явления полноценно только и может быть установлена.
В предлагаемой статье на примере взаимосвязанного исследования показателей развития экономики Русского мира в контексте мировой экономики за тысячу лет делается попытка устранить этот, на наш взгляд, существенный пробел в современной социо-экономической науке.
Статья публикуется в порядке постановки вопроса и критического исследования истории экономики Русского мира.

Экономика Русского мира, ее основа основ, базис – это, разумеется и прежде всего, экономика самой России, называемая еще – отечественной экономикой. Однако экономика Русского мира – это далеко не только экономика самой России. Значительная часть этой экономики по разным причинам (ныне в первую очередь в силу произошедшего распада СССР), впрочем, как и экономика любой другой многоукладной страны с разнонаправленными векторами исторического развития, находится (по другим причинам находилась и в прошлом) за ее пределами.
Представляющая единое органическое целое, но состоящая из различных насильственно расчлененных частей, существующих обособленно в пространстве и во времени, такой экономикой сегодня и предстает экономика Русского мира.
И именно в таком широком смысле и полноценном, а не как теперь, кратно, а подчас и многократно усеченном и приниженном виде, Россия и далее Русский мир, их роль и место, авторитет и значение как раз и должны бы позиционироваться в современном мире.
Между тем, в нынешних (и не только зарубежных, но и многочисленных отечественных) исследованиях такое полноценное видение России и Русского мира по разным (и прежде всего политическим) причинам игнорируется, а то и злобно преследуется, что искажает реальное представление о соотношении экономических сил в современном мире и наносит немалый урон нашей экономической науке и практике.
В предлагаемой статье ставится и (на примере обзорных оценок развития мировой экономики и экономики России и экономики Русского мира за 1000 лет) частично решается вопрос о том, как исправить это, на наш взгляд, неудовлетворительное положение.

■

Конец второго и начало третьего тысячелетия – это тот переломный момент в истории человеческого развития, когда, используя все накопленные средства и методы научного постижения, все существующие базы данных и базы знаний, каждому человеку, семье, обществу, каждой нации, стране и всему человеческому роду полагается подводить и, по возможности, полнее осознавать итоги того, что прожил за весь предшествующий период собственной жизнедеятельности и жизни, фиксировать исторические минимумы и максимумы, измерять разрывы, тренды и циклы и обозначать вехи в этом развитии, определять главные векторы и, насколько для человека только доступно, отчетливо осознавать и ответственно намечать его предсказуемые перспективы, трезво, ясно и достойно оценивая достигнутое, отделяя в нем желаемое от возможного, правду от лжи, подлинные успехи от досадных промахов и еще более досадных упущенных выгод и несостоявшихся судеб, истинное от славы, мифов, идеологий и вымыслов.
Без такого видения прошлого, без такой его аналитической оценки человечество, как и каждый отдельно взятый человек, игнорируя преемственную родословность, теряя связь времен и тем самым сужая до преступного уровня собственный кругозор, лишены возможности просвещенно, зрело и уверенно двигаться в будущее, принимать, узнавать и защищать его как органичное и целостное историческое пространство, Богом данную ему единую и неделимую территорию. А без такого видения и понимания будущего нет адекватного отношения к прошлому, нет уважения к пращурам и их подлинным ценностям, нет морали и вдохновения жить и творить, а следовательно, нет и самого будущего.
И тем не менее человечество до сих пор не располагает какими-либо весомыми, полными и достоверными оценками прошлого и, следовательно, далеко не всегда и еще более далеко не везде рассматривает его как главную доминанту будущего, его предтечу и судьбу, его своеобразное старшинство и культ, предпочитая всецело интересоваться и заниматься сиюминутным.
В полном объеме (и, возможно, прежде всего) к такому пониманию будущего относятся зафиксированные человечеством творения и знаки прошлого, его материальная и духовная культура, уцелевшие ремесла, фабрики, заводы, дороги, здания и сооружения, сохранившиеся его архивы, памятники, публикации и т.д., которые, как его подлинные свидетели, не только в России, но практически и во всех других странах мира (в каждом конкретном случае по множеству разных причин) отнюдь не отличаются однородностью, полнотой, приемлемой репрезентативностью и высоким качеством представления.
Не этим ли отличаются и существующие научные оценки прошлого, их неоднородность, фрагментарность и, следовательно, ограниченность? В частности, скудные оценки итогов развития человеческого рода не только дохристианских времен, но и первого тысячелетия христианских времен, что ввиду их отдаленности, ограниченности людских сил и слабости человеческой памяти в каком-то смысле понятно и оправданно. Практически столь же

скудны и ограниченны оценки нашего второго тысячелетия, включая оценки XX в., что во многом непонятно и недопустимо для современного человека, познавательные и прежде всего информационные возможности которого по сравнению с его предками совершенно иные.

Почему нет таких оценок – понятно, они трудоемки, лишены непротиворечивых и устойчивых не только баз знаний, но и баз данных, лишены сиюминутных примитивных потреб дня и прямых выгод. Но трудоемкость не означает невозможность. Что же в контексте изложенного можно сказать сегодня о прошлом христианского периода человеческого развития, в частности, о втором тысячелетии развития человеческого общества, его параметрах, масштабах и темпах роста, его отличиях от первого тысячелетия? Ниже излагается то, что оказалось к настоящему времени доступно автору по данному вопросу.

■

В **табл. 1** приводятся сводные оценки динамики численности населения, объемов ВВП и доходов на душу населения за 2000 лет в целом мире и по группам ведущих стран.

Как видно из приведенных данных, мировой экономический рост в нашем тысячелетии (1001–2000 гг.) проходил, бесспорно, быстрее, чем в предыдущем. Население мира в прошлом тысячелетии увеличилось более чем 20-кратно (точная цифра 23,6 раза), доход на душу населения 12-кратно (точная цифра 11,7 раза), а ВВП 280-кратно (точная цифра 276,1 раза). Сравнивая с предыдущим тысячелетием, когда население мира увеличилось менее чем на 10%, доход на душу населения упал, а мировой объем ВВП вырос всего на 8%, оценки наблюдаемых уровней и темпов развития в пользу второго тысячелетия получаем вполне убедительные.

В течение второго тысячелетия человечество прошло три отличительные эпохи в своем экономическом развитии: средние века (1000–1500 гг.), когда прирост мирового ВВП на душу населения составлял 0,05% в год; эпоху протокапитализма (1500–1820 гг.), когда прирост увеличился до 0,07% в год; эпоху капитализма (1820 г. по настоящее время), когда прирост ВВП на душу населения достиг 1,17% в год. Прирост населения увеличивался соответственно на 0,09% в год в 1000–1500 гг.; на 0,28% в 1500–1820 гг. и на 0,96% в 1820–2000 гг. При однозначном ускорении во всем мире темпы прироста в различных его частях были далеко не одинаковы, наращивались, а не сокращались разрывы в доходах разных групп населения, подавляющему большинству доставалось немного (иногда попросту крохи), тогда как немногим – необоснованно и неслыханно много, а иногда попросту все.

И поэтому неудивительно, что сегодня, вопреки поразительному прогрессу, совершенному человеком в прошлом тысячелетии, разрывы в доходах кратно больше, чем в 1000 г. В 2000 г. разрыв между богатейшим регионом мира, каким является Северная Америка (Канада и США), и беднейшим (Африка) составлял 19:1, а в 2005 г. – 21:1. В 1000 г. разрыв между Китаем, тогдашним экономическим лидером, и Западной Европой (где городская жизнь и большая часть международной торговли исчезли с распадом Римской империи) составлял всего 1,2 : 1.

Если в первом тысячелетии и по численности населения, и по объемам ВВП и дохода на душу населения доминировал Восток во главе с Китаем, то в течение второго тысячелетия Запад побеждает Восток. В этот период в мире доминируют Западная Европа, где уровень дохода на душу населения вырос 44-кратно, Япония, где он вырос на похожую величину, и Северная Америка, где он достиг 57-кратного увеличения. Эти три региона мира в течение длительного времени имели (продолжают иметь и в настоящее время) относительно схожие отправные точки роста, а их текущий уровень дохода на душу населения относительно одинаков.

Сходимость рассматриваемых показателей трех указанных регионов мира дает основание рассматривать их как однородную группу, называемую для удобства Запад. Показатели остального мира не были так близки друг к другу и, следовательно, однородны. «Остальная Европа» (Испания, Португалия, Восточная Европа и Россия) продвинулась значительно лучше, чем Латинская Америка, Азия и особенно Африка. Однако, с точки зрения Запада, долгосрочные показатели на душу населения в других частях света были по преимуществу разочаровывающими.

■

Что же происходило в мире во втором тысячелетии, когда на мировую сцену начала выходить Россия и ряд других для тех времен «молодых государств»? Среднедушевой доход в странах остального мира в течение второго тысячелетия увеличился всего в восемь раз, что по сравнению со средним 49-кратным ростом на Западе было незначительно. В 1000 г. на долю Запада приходилось менее 12% мирового ВВП, в 1820 г. его доля удвоилась и составила 25%, а в 1950 г. она подскочила до 57%. С 1950 г., когда стартовал процесс ускорения роста в Азии и рецессии на Западе, доли стран ос-

Таблица 1. Рост общей численности населения и валового внутреннего продукта (ВВП) мира за 2000 лет*

Показатели	Начало нашей эры	1000 г.	1500 г.	1820 г.	1995 г.**	2000 г.	2004 г.
1. Численность населения (млн человек), всего в мир	250	273	431	1067	5671	5891	6055
В том числе							
1.1. Страны Запада	25	33	65	156	739		
1.2. Страны остального мира	226	241	367	911	4932		
1.3. Россия	-	2	14	49	148	146	143
1.4. США		-	-	-	263	275	292
1.5. Япония					125	127	128
1.6. Китай					1211	1267	1296
1.7. Индия					923	1015	1086
1.8. Страны ОЭСР – 30 стран							1145
1.9. Страны ЕС-25							380
2. ВВП (млрд долл. США 1990 г.), всего в мире	106	115	235	720	26425	29137	32975
В том числе							
2.1. Страны Запада	11	13	40	179	22000	23819	26446
2.2. Страны остального мира	95	102	195	541	4425	5354	6529
2.3. Россия					909	1022	1411
2.4. США					7391	9207	10435
2.5. Япония					3098	3163	3467
2.6. Страны «большой восьмерки» — G-8					16239	18366	20332
2.7. Китай					683	1018	1418
2.8. Индия					383	552	700
2.9. Страны ОЭСР – 30 стран					21482	23305	25185
2.10. ЕС-25					7702	8503	9200
3. ВВП на душу населения, всего в мире (долл. США)	425	420	545	675	4660	4946	5446
В том числе							
3.1. Страны Запада	439	406	624	1149	29770		
3.1.1. Страны Западной Европы	450	400	670	1269	17456	33725	
3.1.2. Страны Северной Америки	400	400	400	1233	22933	33480	36202
3.1.3. США	-	-	-	-	28103	24968	35736
3.1.4. Япония	400	425	525	675	23980	7000	27207
3.1.5. Россия	-				6142	20671	9867
3.1.6. Страны ОЭСР – 30 стран						18722	21996
3.1.7. G-8							20084
3.1.8. ЕС-25							24211
3.2. Страны остального мира	423	424	532	594	897	...	...
3.2.1. Остальные страны Европы	400	400	597	803	5147	...	...
3.2.2. Страны Латинской Америки	400	415	415	671	2653	3088	3100
3.2.3. Китай	450	450	600	600	564	803	1094
3.2.4. Индия	400	400	400	400	415	544	645
3.2.5. Другие страны Азии	425	425	525	560	1956	2049	2149
3.2.6. Страны Африки	400	400	400	400	939	973	1018

* См.: Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет. М.: Наука, 2006; MadissonA. Poor until 1820. The Wall Street Journal Europe. Monday, January 11, 1999; Статистический ежегодник России. М.: Росстат, 2005. С. 765-785; Россия в цифрах. 2006. М.: Росстат, 2006. С. 405-462.

** Данные за 1995 г. и последующие указанные (или смежные) годы (по ВВП в ППС соответствующих лет) см.: Российский статистический ежегодник. 2005. М.: Росстат, 2005. С. 765, 775, 780, 783, 785; Россия в цифрах. М.: Росстат, 2006. С. 405-462; Россия и страны мира. М.: Росстат, 2004. С. 11-26; Устинов И.Н. Мировая торговля. Статистико-экономический справочник. М.: Экономика, 2000. С. 7-54.

Ганс Гольбейн. Портрет купца Георга Гиссе

тального мира и Запада в мировом объеме ВВП сблизились до уровня 2/3 к 1/3, а ныне, с учетом выхода Китая по объему ВВП на третье место в мире (после США и Японии), почти уравнялись.

Закономерно возникает вопрос: почему Запад достиг значительного первенства уже к 1820 г.? Произошло ли это из-за уникальных свойств западных институтов и западной политики и культуры – или по причине экспансии капитала и усиления эксплуатации Западом стран остального мира, ставших возможными в силу разорения и упадка некогда великих и мощных восточных ремесел и еще более великих и мощных восточных искусств и культур?

Представляется, что обе причины действовали одновременно. При этом более фундаментальное значение имели причины, связанные с более рациональным использованием Западом собственных природных ресурсов и человеческих возможностей, в частности возможностей НТП, основанных на началах интенсивного типа расширенного воспроизводства. В равной мере и пропорционально: и производительных сил, и производственных отношений. До XIX в. Запад в своем росте апеллировал и опирался по преимуществу на усиленную эксплуатацию труда, в том числе собственной рабочей силы, равно как и на использование национальных природных ресурсов, в последующем (XIX в. и особенно в XX–XXI вв.) – по преимуществу на экспериментальные исследования и разработки как решающие факторы ускорения технического прогресса. И это позволило Западу наряду с усилением технического прогресса и повышением эффективности использования собственных ресурсов реализовать широкую программу экспансии капитала и колонизации природных ресурсов и труда стран остального мира. Восток же все эти годы пребывал в плену примитивного экстенсивного роста, замыкаясь в рамках узких национальных границ и удовлетворяясь малым и примитивным простым воспроизводством своих производительных сил. Еще более отрицательное влияние на общую ситуацию упадка оказывали здесь (продолжают оказывать в достаточной мере и сегодня) замороженные (фактически на уровне средневековья) церемониальные, медлительные по своей сути, а главное, неэффективные восточные производственные отношения.

Институциональные преобразования Запада, которые устранили многие существовавшие прежде формальные рыночные ограничения (например, антитрестовское законодательство), свободная миграция населения, труда, товаров, услуг и капиталов, прогресс в корпоративной организации управления и учета, создание в массовых масштабах транснациональных корпораций (ТНК) и мощных международных финансовых институтов и рынков – все это факторы способствовали снижению рисков и продвижению западного предпринимательства.

Возникновение европейской системы национальных государств, а впоследствии образование их союзов придали импульс эффективному многонациональному взаимодействию материальных и интеллектуальных капиталов, создавая эффект порождаемого (эмержентного) их роста подчас даже не в арифметической, но в геометрической прогрессии, что отсутствовало в эти годы в Азии. Восток здесь не только не поспевал, но и безнадежно отставал, продолжая культивировать контрпродуктивную цивилизацию азиатского феодализма и слепого рабского подчинения, на корню истреблявших (и продолжающих во многих странах истреблять и сегодня) свободную конкуренцию, личность и инициативу.

Западная общественная система, начавшая исповедовать принципы естественного отбора и покончившая с автаркией и монокультурой уже в эпоху протокапитализма, в последующем твердо и бесповоротно перешла к рынку и его атрибутам, в частности к свободной конкуренции. За ней последовала и западная семейная система, которая уже в те годы стала (правда, в зачаточных, а не в нынешних чудовищных формах) культивировать контроль над рождаемостью при ограниченных обязательствах к детям и практически нулевых отношениях с дальними родственниками, что усиливало возможности индивидуального накопления капитала и богатства, повышало авторитет естественного отбора, укрепляя институт личных интересов и личных инициатив.

В то же время сложно представить себе западный подъем без его беспардонного вмешательства и изощренного вторжения в дела стран так называемого «третьего мира», без колониальных и квазиколониальных войн и бандитских захватов, хищнического использования человеческих и материальных ресурсов этих стран и народов, развития неэквивалентной торговли со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Совершенно очевидно, что уже в эпоху протокапитализма (1500–1820 гг.), не говоря о периоде капитализма, прогресс Запада – это регресс Востока. В немалой степени фактор диспаритета и дисбаланса продолжает позитивно работать на Запад и сегодня. Взять хотя бы пример распада СССР и развала мировой социалистической системы, за счет которых страны Запада (и прежде всего США) в 1991–2000 гг. на 2/3 поддерживали у себя повышенные темпы экономического роста. Прекратилось здесь активное действие этого фактора в последние годы – начались проблемы (произошла повальная рецессия в экономическом развитии Запада, выход из которой, в частности в США и Англии, ищут в развязанных (Ирак, Афганистан, Сомали, Ливан) или ныне развязываемых войнах (Иран, Сирия, КНДР).

За 130 лет (1820–1950 гг.) мировой рост на душу населения составлял в среднем 0,88% в год. Наиболее быстрый прогресс наблюдался в Северной Америке, где показатели в два раза превышали средние по миру и в 1,5 раза – средние в Западной Европе и Японии, где рост был затруднен двумя мировыми войнами. Темп роста в странах Азии (исключая Японию) был еще много ниже, а в целом ряде из них, включая Китай, – отрицательный. В Китае, например, уровень дохода на душу населения в 1950 г. был фактически ниже, чем в 1820 г.

Период 1950–1973 гг. явился золотым веком, в ходе которого экономический рост значительно ускорился во всех частях мира. Показатели роста в США и Канаде ускорились, но были ниже мировых, тогда как в Японии и Западной Европе значительно выше и лучше, благодаря чему эти страны в этот период резко сократили разрыв между уровнями доходов и производительностью по сравнению с США.

Ускорение в Западной Европе отражало процесс компенсационного наверстывания, в котором возможности, потерянные за годы двух мировых войн и годы между войнами, были восполнены. Значительную роль в этом наверстывании сыграл здесь, конечно, широко известный план Маршалла. Японский процесс наверстывания благодаря реализации этого плана был даже более эффектным. В течение прежних 80 лет Япония тратила большую часть своих человеческих, природных и материальных ресурсов на реализацию военных целей. Правда, в достижении своих военных целей она жестоко просчиталась. Однако последовавшая затем сплошная демилитаризация означала, что навыки японцев, их организационные возможности и инвестиции были почти полностью законсервированы и подчинены целям экономического роста в золотой век. Эффект, как известно, оказался колоссальный, равный послевоенному экономическому чуду.

В последние 10–15 лет в странах остального мира наиболее резкое ускорение произошло в Китае, которое по модулю (в абсолютном выражении) было таким же значительным, как и в Японии. Наблюдалось заметное оживление и в других странах Азии, прежде всего в Южной Корее, Малайзии, Таиланде, Сингапуре, и особенно на острове Тайвань. Эти страны вырвались из долгового оцепенения, в течение которого их коррумпированные туземные институты вкупе с навязанными им колониальными порядками выступали значительным тормозом прогресса. В 1950 г. уровни доходов здесь были значительно ниже, чем в Японии.

Вместе с тем, получая беспрепятственный доступ к новым технологиям и институциональным преобразованиям, минуя устаревшие шаблоны XIX в., эти страны, располагая большим дремлющим человеческим потенциалом, благодаря такому повороту событий в одночасье обрели ранее никогда не виданный шанс для быстрого преодоления своего отставания от Запада. Для осуществления этих возможностей они, превращаясь в новые мастерские мира, гораздо более многочисленные и масштабные, чем знаменитые английские мастерские XVIII –

Таблица 2. Основные показатели, характеризующие экономические достижения России в XX в.

Правление, период правления	Прожито полных лет	Среднегодовые темпы прироста (проценты)								
		Население	Богатство	ВВП	Основные фонды	Промышленность	Сельское хозяйство	Валовой сбор зерновых, млн тонн	Поголовье скота, млн голов	Производство электро-энергии, млрд кВт/ч
Николай II (1894–1905)	50	1,9	1,1	2,6	1,1	1,5	1,1	52,2	31,3	1,0
Витте С.Ю. (1905–1906)	66	1,8	0,1	6,0	0,0	3,4	5,9	53,5	31,5	1,1
Столыпин П.А. (1906–1911)	49	1,8	1,2	3,3	0,9	6,0	2,7	63,0	34,2	1,6
Правительственная чехарда (1911–1917)	6	1,1	-0,6	-3,5	-1,4	-1,9	-7,5	50,5	25,8	2,3
Ленин В.И. (1917–1922)	53	-0,7	4,4	-6,1	-4,9	-15,0	-1,5	34,1	22,9	0,7
Сталин И.В. (1922–1953)	74	0,6	12,5	14,3	3,6	22,3	2,2	48,2	29,5	92,7
Хрущев Н.С. (1953–1964)	77	1,5	14,9	15,3	3,6	9,5	4,8	87,0	43,4	300,3
Брежнев Л.И. (1964–1985)	75	0,6	13,6	9,0	9,4	5,9	2,3	98,6	60,0	962,1
Горбачев М.С. (1985–1991)	79	0,7	4,7	4,8	7,2	0,8	1,3	89,1	57,0	1068,2
Ельцин Б.Н. (1991–1999)	73	-0,3	-0,8	-4,7	-0,2	-4,8	-8,1	54,7	28,5	846,0
Путин В.В. (2000–2008)	56	-0,5	8,4	6,2	1,8	5,7	4,5	108,2	21,1	1023,3

[1] За период правления Николая II принят срок фактического его пребывания на посту главы государства (1894–1905 гг.). Самостоятельно выделен неформальный период правления Россией С.Ю. Витте (октябрь 1905 г. – апрель 1906 г.) и П.А. Столыпина (июль 1906 г. – сентябрь 1911 г.). Сроки пребывания на посту главы государства Г.Е. Львова (61 день в 1917 г.) и А.Ф. Керенского (87 дней) – включены в период правления «правительственной чехарды», в ходе которой сменилось 7 премьер-министров. Смещен с формального (1917–1924 гг.) до фактического срок правления В.И. Ленина, два последних года правления которого присоединены к фактическому правлению И.В. Сталина, сроки правления Г.М. Маленкова (23 месяца) присоединены к периоду правления Н.С. Хрущева, а сроки правления Ю.В. Андропова (14 месяцев) и К.У. Черненко (13 месяцев) – к периоду правления Л.И. Брежнева.
Показатели годового валового сбора зерновых, поголовья крупного рогатого скота и объема производства электроэнергии приведены на конец каждого периода правления.

начала XIX в., предприняли большие усилия для перехода к новым формам капиталистического производства, минуя его устаревшие уклады и шаблоны XIX–XX вв., что позволило в неслыханно короткие сроки добиться попросту кратного повышения уровней НТП и образования, сбережения и инвестирования, интенсивного использования иностранных технологий, совершенствования управления и внедрения передовых методов размещения и использования национальных ресурсов. Не только упомянутые выше, но и значительное число других стран Азии, например Индонезия, Филиппины, в рассматриваемые годы буквально преуспели в этом.

Большая движущая сила, лежавшая в основе динамизма золотого века, заключалась в предельном ускорении технического прогресса и повсеместном внедрении новых и новейших технологий, начало которым было положено в США еще в 90-е годы XIX в., на распространение которых на протяжении длительного времени (1913–1945 гг.) американцами из-за непрекращавшихся международных конфликтов и ограничений в международной торговле было наложено табу.

■

Ну, а что же Россия, что она дала Русскому миру и мировой экономике за годы своего тысячелетнего существования как государственное образование, где образцы ее монархического царского и имперского правления?

Как показывают данные **табл. 1**, Россия, в отличие от целого ряда западных стран и Китая, таких образцов и совершенных на их основе настоящих прорывов в мировой экономике, кроме обретения обширных территорий во втором тысячелетии (за исключением его последнего столетия) дала откровенно мало, при этом все эти прорывы не отличались особой стабильностью и, как правило, при этом ограничивались исторически небольшими отрезками времени.

Вот эти относительно укоренившиеся в истории образцы (приводятся в хронологическом порядке).

Церковно-хозяйственная община Древней Руси со столицей в г.Киеве (конец IX – начало XII вв.). Удельные княжеские хозяйства Юрия Долгорукого (годы правления: 1125–1157 гг.). Податные дружины, общества вспомоществования и монастырские хозяйства Александра Невского (1252–1263 гг.). Совместные с Ордой общинные хозяйства и артели Ивана Калиты (1328–1340 гг.). Образцы начальной централизованной экономики Ивана Грозного (1533–1584 гг.). Первые правительства «советов всей земли» (1611–1613 гг.).

Однако что кроме самобытности означали эти образцы хозяйственного и общественного устройства, сносное и малоэффективное существование которых закончилось Смутой (1598–1613) и Семибоярщиной? Разве что формированием централизованного Российского государства и «утешительного» Земского собора (1613). Согласимся, что за целые полтысячи лет это немного?

А вот то, что зафиксировала в своих анналах мировая история за последующие триста лет династического правления Романовых (1613–1917), – так это всего-навсего экономический прорыв Петра I в Европу (1689–1625) и просветительский мир, привнесенный в Россию раболепствующей Екатериной II (1762-1796). Плюс несколько более продвинутый XIX век (пять разных императорских правлений Романовых) с Отечественной войной 1812 года, крестьянскими реформами 60-х гг., земствами (органами местного самоуправления), первой переписью населения 1897 г. и новыми общественными взглядами на Русский мир и его хозяйство Герцена, Чернышевского, Толстого, Белинского, Плеханова.

Всю ранее накопленную энергию, всю свою нереализованную в прошлом мощь Россия в полном объеме и красе явила миру только в XX веке. Как выглядело это победное шествие и кто, какие исторические фигуры явились его гениями, а какие просто попутчиками, а то и откровенными разрушителями вроде Горбачева и Ельцина, – об этом наглядное представление дают данные, приведенные в **табл. 2**.

Несмотря на все перипетии и противоречия, взлеты и падения Россия образца XX века, как об этом убедительно свидетельствуют цифры, приведенные в табл. 3, явила миру настоящий прорыв, которого до этого не знала и даже не подозревала вся мировая экономика. Экономика Русского мира начала доминировать, Русский мир с этого момента стал до основания потрясать устои сложившегося к тому времени капиталистического уклада, который до этого считался незыблемым и вечным.

Победа Октябрьской революции 1917 г. в России, две мировые войны вперемешку с мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., возникновение мировой социалистической системы потрясли до основания старые устои мировой экономики. Под прессом этих потрясений многое в мире после 1945 г. пришлось коренным образом менять. Все шире отдавая предпочтение социалистическим ориентациям и ценностям, в мире меняется не только его окрас, но и – и это главное – само нутро. Мощное скрытое оружие Запада в эти годы заключалось в том, что он, оставаясь на словах демагогически капиталистическим, по сути на всех парах, во всех болевых точках прежде несовершенных и пагубных производственных отношений на деле начал превращаться в социалистический. И, быть может, уже в те годы более социалистический, чем являлись на деле сами страны социализма, и прежде всего сам СССР.

И именно благодаря этому в послевоенные годы на Западе происходит беспрецедентный сдвиг в улучшении не только внутренних социальных отношений, но и в своеобразной социализации всего международного сотрудничества: происходит либерализация торговли, открываются границы многих стран, появляется множество международных организаций, включая ООН, ФАО, МОТ, ЮНЕСКО, ВТО, создаются многочисленные благотворительные фонды, стартуют крупные программы иностранной помощи бедным народам и странам, начинается интенсивный процесс миграции капиталов, а затем населения и труда, в том числе

из стран Латинской Америки и Ближнего Востока, а потом из Африки и Азии в США и Западную Европу. И все это намечается и в значительной мере реально происходит на фоне и в контексте начатой тут же в 1948 г. новой «холодной войны».

■

Угроза гибели капитализма вызвала появление социально ориентированных динамических элит не только в странах старого континента, но и во многих странах Ближнего Востока, а затем Азии, которые получили свободу строить свою политику в угоду стимулированию национальных интересов, резко отличавшуюся от прежней восточной политики старых имперских властей.

С 1973 г. под влиянием первого нефтяного, а затем энергетического кризиса, разлада валютных систем, под прессом роста национальных, главным образом антиколониальных, движений и последовавшей затем своеобразной социальной декапитализации мира наблюдается резкое замедление темпов мирового экономического роста. Вместо прежних 3–4% мировой доход на душу населения в 1973–2000 гг. прирастает всего на 1,1% в год, что означает всего лишь одну треть ежегодного темпа прироста в золотом веке.

На Западе некоторое замедление было неизбежно еще и потому, что Западная Европа и Япония израсходовали большую часть своих необычных послевоенных возможностей в экономическом соревновании с США. В США в эти годы замедление в большей степени произошло из-за резкого спада производительности, темпы которой упали до нулевых значений, невиданных здесь начиная с XIX в. Значительная доля в замедлении темпов экономического роста в последней четверти XIX в. приходилась также на крупные институциональные ошибки, допущенные в реализации ведущих программ национальной политики, – ошибки, которые еще в более значительных объемах множатся и продолжаются в XXI в. Вот только некоторые примеры таких ошибок.

В 1970-х страны Западной Европы были напуганы развалом валютной системы, вызванным окончательным прекращением конвертируемости доллара США в золото в 1971 г. и последующим переходом к плавающим курсам валют и расчетам в СДР МВФ (1976 г.), всплеском инфляции и большими колебаниями курсов валют и, таким образом, расстались с идеалами справедливых цен и твердых валютных курсов финансовой политики золотого века. Под страхом непрекращающегося роста инфляции национальных и девальвации международных валют страны Запада в эти годы все приоритеты отдали стабилизации цен, либерализации движения капиталов и стимулированию новой валютной системы, основанной на международных расчетах в долларах США, с самого начала заключающих в себе возможности совершения крупных валютных авантюр и угрозы всеобщих мировых кризисов[2].

Новые политические цели, потребовавшие ускоренной реализации дефляционной политики, тут же породили и на деле привели к массовой безработице. Сегодня средний уровень безработицы в Западной Европе колеблется вокруг 9–10% общего числа трудоспособных, что по сравнению с 2,5% в золотом веке очень много. Неприемлемый уровень безработицы (не только экономически, но и социально) создал проблемы роста налогов, что усугубило реализацию приоритетов дефляционного выбора. С подавлением инфляции здесь был подавлен и экономический рост. И тем не менее монетарная политика, открывающая широкую дорогу не только естественному отбору, но и всякого рода крупным аферам, продолжает доминировать, оставаясь по настоянию МВФ руководящей доктриной для всех стран мира в последние 15 лет. Политика, которая пагубно повлияла на деловые ожидания и потребительское поведение, политика, которую все труднее совмещать с интересами экономического роста как в странах с переходной экономикой, так и в странах Западной Европы, равно как и в Японии, и в США, где, казалось бы, как в колыбели монетаризма, проблем на этот счет уже давно не должно возникать.

■

Что же получили сегодня отдельно взятые страны и весь деловой мир в результате практической реализации этой политики? Если говорить коротко, то это непрерывно галопирующие (причем не столько рыночные, сколько спекулятивные) курсы валют, новый скачок цен, новый повышенный уровень безработицы, новые, еще большие темпы рецессии, новые социальные проблемы, новый уровень роста пропасти между богатыми и бедными, зашкаливающий в США за отметку 400 раз (разрыв между доходами высшего менеджмента и доходами рабочих в 2006 г.; 30 лет назад этот разрыв не выходил за пределы 20 раз).

В отдельно взятых странах формы проявления этих тенденций при этом были разные. В Японии из-за неожиданного роста цен на землю, недвижимость и биржевых цен в 80-е годы возник огромный спекулятивный пузырь, который достиг своего пика в 1989 г. и затем лопнул. Отношение финансовых активов к ВВП резко снизилось (до уровней более низких, чем где-нибудь на Западе). В связи с падением процентных ставок до нулевых и даже отрицательных отметок была напрочь ослаблена банковская система, резко понизились биржевые и валютные котировки Японии. Реакция японского правительства была направлена скорее на приукрашивание, чем на разрешение десятилетней финансовой неразберихи, которая в менее обнаженных формах здесь и сейчас продолжается.

В стране уже давно доминируют подавленные ожидания и хронически заниженные темпы экономического роста, которые многократно ниже потенциальных.

В США замедление было смягчено политикой, резко отличающейся от политики Японии и Европы. Здесь были активно реализованы мероприятия, направленные на значительное снижение налогов и банковских ставок, понижение курсов валют, расширение коридоров роста цен и курсов акций и, следовательно, инфляции, достигающей 4–5% прироста в год, повышение квалификации рабочих и уменьшение уровня безработицы, создание и развитие мобильных и гибких рынков труда и капитала, включая миграционные рынки. В немалой степени на экономику США в эти годы работала (продолжает работать и сейчас) сложившаяся в мире с МВФ во главе международная валютная система, попустительствующая подмене доллара как международной расчетной единицы национальным долларом США и угрожающая всеобщим мировым кризисом валютных отношений.

Вместе с тем замедление роста производительности в США, продолжающееся уже более 30 лет, равно как и рост сырьевой зависимости и дефицита торгового и платежного баланса страны, необузданные военные расходы, хронически низкая загрузка производственного потенциала не только угрожают, но и исключают какое-либо существенное повышение здесь темпов НТП, исключают прорыв к новым источникам энергии, обрекая страну на рубежи и потенциалы, которые преобладали в XIX в. Это угрожающее положение уже оказывает угнетающее влияние на потенциал роста в Западной Европе и Японии, которые по тем же причинам ограничения инфляции еще раньше попали в сети политики либеральной турбулентности и продолжают оставаться в них и сейчас.

В Китае и «остальной Азии» (за исключением Ближнего Востока) уровни доходов и производительности в рассматриваемые годы так называемого золотого века были в общем значительно ниже, а границы для экономического роста соответственно шире, чем в указанных развитых странах. Китай и в большинстве «остальная Азия» в 1973–2000 гг. наращивали свою экономику значительно более быстрыми темпами, чем в период золотого века.

Особый вопрос – коллапс экономического роста в 1973–2000 гг. в пяти разных группах так называемых развивающихся стран (ныне страны с переходной экономикой).

В 15 республиках бывшего Советского Союза и 14 других странах социалистической системы, на долю которых в лучшие времена их золотого века (1946-1990 гг.) приходилось до 36% мирового объема промышленного производства, в том числе 20% на долю СССР, объемы ВВП и среднего дохода на душу населения в 2000 г. оказались ниже, чем в 1973 г. (в 1995 г. на целых 60% ниже), что на фоне практически повсеместного положительного роста в других странах мира производило удручающее впечатление.

В исключительных масштабах удручало то, что все здесь произошло не только внешне практически беспричинно, что называется, на пустом месте, но и поражающе быстро, быстрее совершения любого мирового заговора, которого якобы и вовсе не существовало. В результате при увеличении только в последнее 10-летие (1991–2000 гг.) темпов роста ВВП, например, в США почти в 1,7 раза, соответственно в Японии – в 1,3, Ю.Корее – в 2,1, в Австралии – в 1,6, в странах «большой восьмерки» (кроме России) – в 1,5, в Индии – в 2,4, в Китае – в 4, а в целом мире – почти в 1,5 раза (см. **табл. 3**), Россия, впрочем, как и другие бывшие социалистические страны, к 2000 г. не сумела достичь своего прежнего уровня (в России этот уровень в 2000 г. был на 20% ниже 1990 г., в других странах – на 15–25%).

В 1995 г. по сравнению с 1973 г. в 17 странах Ближнего Востока ВВП и средний доход были ниже на 12%; в 56 странах Африки – на 7, в 12 странах Восточной Европы на 60% и ниже, а в 44 странах Латинской Америки хотя и отмечался их определенный рост, он здесь все же был значительно ниже потенциального.

В 1973 г. на долю рассматриваемых стран (их в общей сложности в этот год насчитывалось 144) приходилось 28% мирового объема ВВП. При темпах роста ВВП в 1973–1995 гг. 0,8% в год и в 1996–2005 гг. 0,3% в год и мировых темпах прироста, равных 2,7 и 2,1% соответственно, положение этих стран в мире на про-

[2] Более подробно об этом см., например: *Симчера В.М.* Финансовые вычисления. М.: Маркетинг, 2002. С. 156-217; 371-454.

Таблица 3. Доля России и других стран в мировой экономике (оценки ООН к мировому объему ВВП в международных долларах США 1990 г.)*

Страны и их группы	Млрд долл. США			В % к мировому итогу			
	1990 г.	2003 г.	2005 г.	1990 г.	2003 г.	2005 г.	2005 г. в % к 1990 г.
Мир	22423,9	31082,3	32975,0	100,0	100,0	100,0	147,0
Россия	967,3	767,5	870,5	4,3	2,5**	2,6	90,0
США	5489,6	8346,8	9010,5	24,5	26,8	27,3	164,1
Япония	2970,1	3638,9	3826,8	13,3	11,7	11,6	128,8
G-8***	14762,6	19794,6	20982,4	65,8	63,7	63,6	142,1
ЕС-25	6792,1	9062,8	9419,5	30,3	29,2	28,6	138,7
Китай	387,8	1289,2	1510,9	1,7	4,1	4,6	389,6
Индия	306,0	654,1	735,4	1,4	2,1	2,2	240,3
Ю. Корея	253,7	518,8	563,8	1,1	1,7	1,7	204,5
Австралия	295,6	486,4	517,0	1,3	1,6	1,6	164,5
Остальные страны	4961,7	6317,7	6520,6	22,1	20,3	19,8	131,4

* Statistical Yearbook of the United Nations. New York. 1997. Pp. 159-179; 2005. P. 137-154. Eurostat.
** По паритету покупательной способности (ППС) 2003 г. – 3,5%; в 2005 г. – 3,9%.
*** На страны G-8 «большая восьмерка» в 2005 г. с учетом указанных долей России, США и Японии приходилось 63,6% (в 1990 г. – 65,8%), в том числе на долю Германии – 6,3%, Франции – 4,8, Италии – 4,1, Англии (Соединенное Королевство) – 4,2 и Канады – 2,6% мирового объема ВВП.

тяжении всех этих лет только ухудшалось.

Отрицательные темпы экономического развития, масштабы и продолжительность экономической стагнации и распада экономик целых государств в условиях мирного времени (вторая половина XX в. и первые десять лет XXI в.) продолжающийся рост бедности – явления беспрецедентные и невиданные в истории не только капиталистической, но и всех докапиталистических эпох.

Что случилось? На поверхности – экономическое развитие этих стран, его идеология и доктрины потерпели крах из-за неумелой социальной и национальной политики, господства административно-командных методов управления, игнорирования рыночных реформ, подавления принципов свобод, конкуренции и демократии. На самом деле причины были глубже, напрямую связывались с откровенным предательством высшего руководства этих стран (и прежде всего предательством высшего руководства КПСС), тайной сдачей ведущих позиций иностранным государствам, чем и объясняются трудности и задержки перехода к капиталистическому рынку, которые на поверку оказались здесь на целый порядок большими, чем ожидалось.

Другое дело страны Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока, где в золотой век (напомню, что под золотым веком в мировом экономическом развитии понимаются 1950–1973 гг., когда его темпы, за исключением небольшого числа стран, были максимально высокие, превышая 7–10% ежегодного прироста) положительные темпы роста являли собой по преимуществу не эффект мобилизации внутренних ресурсов, а скорее эффект экспансии навязываемой так называемой экономической помощи стран Запада, преследующей прямые цели закабаления этих стран.

В последующие и нынешние годы в странах Латинской Америки (кроме Кубы, Чили и Мексики, а ныне также Бразилии, Венесуэлы, Боливии и Никарагуа), а также во всех странах Африки (кроме ЮАР и Кении) наблюдается еще большее замедление темпов экономического роста, вызванное целым букетом причин, среди которых, кроме хронической инфляции, кризис неплатежей, налоговые и денежные махинации, а главное – нарастающий, а не сокращающийся диспаритет в торговле с развитыми странами.

Экономику стран Ближнего Востока на всем протяжении лихорадят галопирующие цены на нефть и происходящие из-за них скрытые и открытые войны в Ираке, Афганистане, Ливане, Иране и далее везде, которые, по всей вероятности, имеют одну перспективу – перспективу бесконечного продолжения.

Как выглядят мировая экономика и расстановка в ней основополагающих сил и центров влияния и притяжения в настоящее время в целом? С каким зарядом человеческих ресурсов, какими темпами и на каком уровне экономического развития она стартовала в нынешнее тысячелетие? И где, и на каком месте в ней Россия?

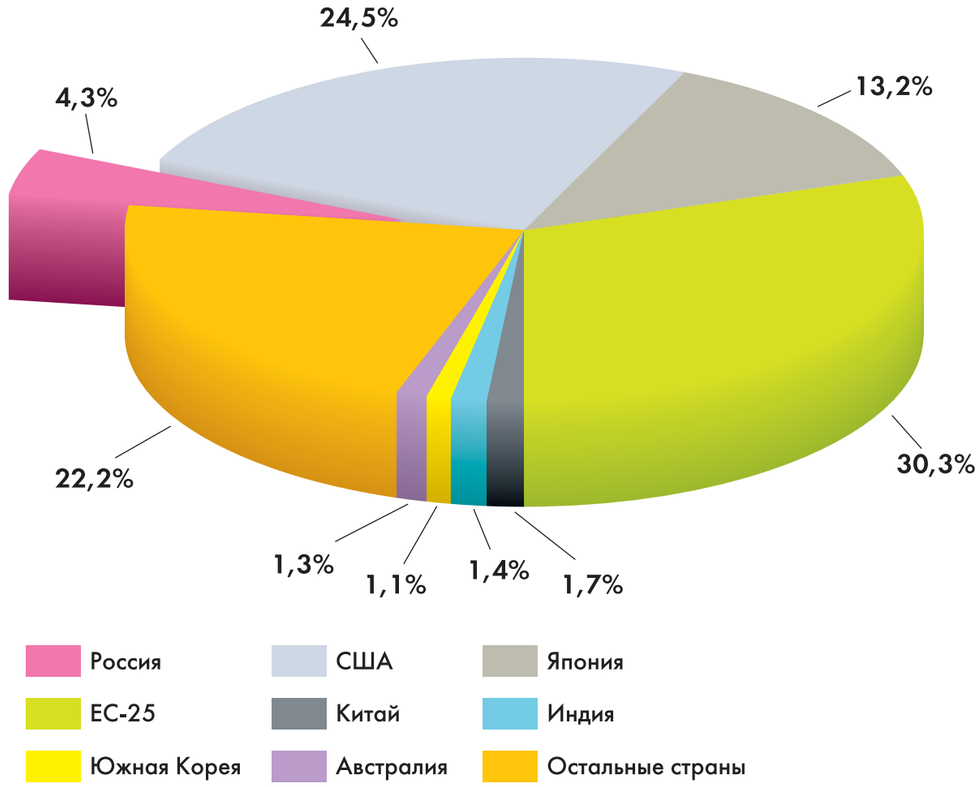


Рис. 1. Доля России и других стран в мировой экономике в 1990 г. (в % к мировому объему ВВП)

Ответ в компактном виде дают данные, приведенные в **табл. 3**, а в наглядной форме те же данные, представленные в графическом виде на **рис. 1** и **2**.

Какой общий вывод можно сделать на основе приведенных данных? В мире меняются не только векторы, но и градусы развития.

Стагнирует, как и ожидалось, экономика Западной Европы, в частности и прежде всего экономика стран ЕС-12 и ЕС-15. Агонизирует, несмотря на предпринимаемые смертельно опасные риски и трюки, экономика США. Всеобщий рецессии подвергнута экономика Японии. В плену дефицитных углеводородов, всеобщего потепления климата и накопленных техногенных угроз и катастроф находятся экономики 175 из 210 ныне зарегистрированных ООН стран мира. В экономике более чем 150 из ныне существующих так называемых развивающихся стран, на долю которых приходится почти 40% мировых ресурсов и всего лишь 20% мирового объема ВВП, продолжают править бал ужасающие проблемы бедности, плавно перекочевавшие из XIX в. в XX в., а из XX в. в XXI в. Снижения доходов на душу населения при малейших потрясениях цен и курсов акций, равно как и валютных курсов на мировых фондовых и товарных рынках, следует ожидать в странах бывшего СССР и бывшего СЭВ и еще большего снижения – в странах Ближнего Востока, Африки и Азии.

Под прессом двойного давления (США и собственных национально-освободительных, ныне по сути социалистических доктрин) продолжают находиться страны Латинской Америки. Наконец, растеряла бывший нейтралитет и попала под прицел критики и угрозу целого ряда стран Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии действующая в угоду США и Англии Австралия.

Демонстрируя мускулы и грубую силу страны «большой восьмерки» ничего не могут (и не способны) поделать не только с мировыми энергетическими вызовами и вызовами так называемых (в большей части надуманных или же порожденных) террористов и глобалистов, но и с внутренними вызовами бедности и разочарований большинства слоев их населения, что особенно наглядно продемонстрировал всему человеческому роду разразившийся в 2008 году и поныне продолжаю-

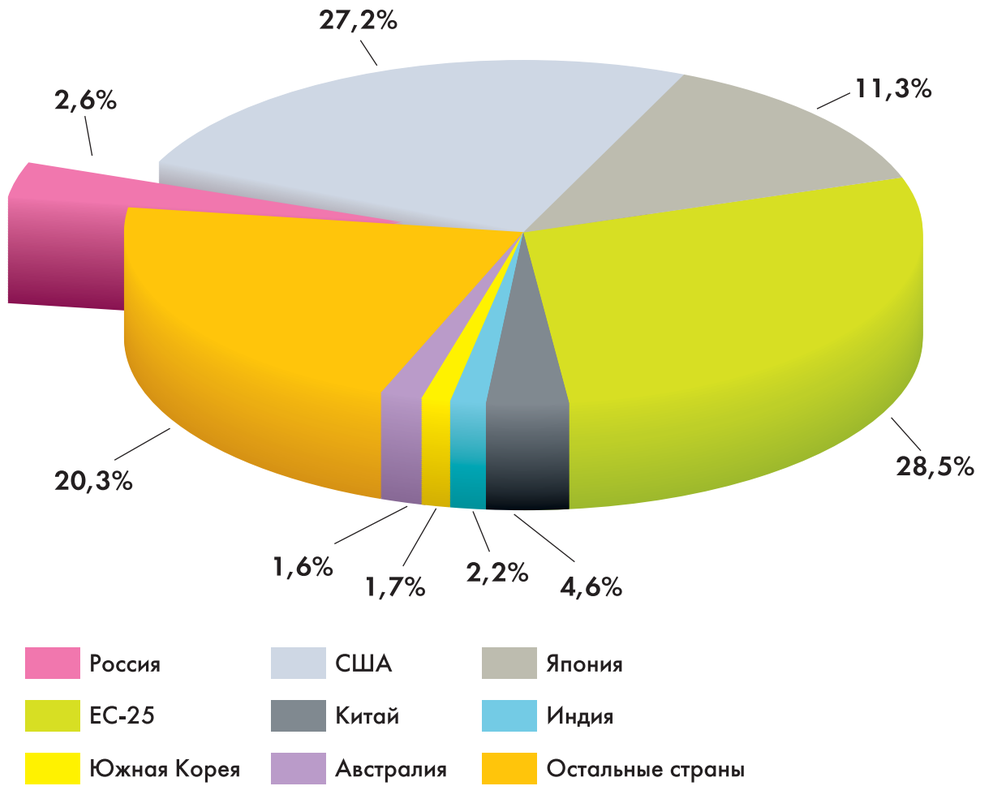


Рис. 2. Доля России и других стран в мировой экономике в 2005 г. (в % к мировому объему ВВП)

щийся очередной мировой финансовый кризис.

И на этом фоне убедительно продолжают прогрессировать Китай, Индия, Южная Корея, Тайвань, Вьетнам, целая группа стран Латинской Америки (Бразилия, Венесуэла, Боливия, Никарагуа, Чили). Во всех отношениях наряду с Китаем и Индией вырывается в мировые лидеры Иран, являя человечеству третьего тысячелетия новый образец суверенного развития в экстремальных условиях с опорой на собственные национальные силы. Странами с неразгаданными возможностями и неразгаданной судьбой продолжают оставаться Индонезия, Камбоджа, Лаос, Шри-Ланка, Куба, Сомали и еще целых 5–6 десятков стран.

Многие из бывших социалистических стран, причем не только и не столько Россия, все еще. должны предпринять значительные институциональные преобразования типа тех, которые Западная Европа прошла в протокапитали-стический период, затратив на это целые столетия. Япония, достигшая общего прогресса в результате медленных, но эффективных реформ Токугавы и восстановления Мейджи, равно как и невиданной никогда и нигде ранее компенсации последствий за собственное поражение во Второй мировой войне, страна, ставшая во многом благодаря этому по уровню экономического развития второй в мире после США, в своем творческом росте практически остановилась, отказавшись от своего былого подражательного ремесла, стремительно теряет обретенное и еще более стремительно (и до презрения церемонно и по-дамски жеманно) проедает на глазах у 5 млрд голодных в мире людей неправедно накопленное богатство. И поэтому не случайно, а закономерно, что у многих на этом калейдоскопическом фоне вызывает существенное сомнение спешка, с которой США на пару с Англией подталкивают всех к подобным преобразованиям. Преобразованиям, которые якобы могут быть легко повторены по мановению волшебной палочки, активов МВФ, валютных инвестиций, создания ТНК или валютных инвестиций, создания ТНК или их политической смеси, породившие экономическое чудо и принесшие успех в 1950–1999 гг. Японии, в 1973–2000 гг. Ю. Корее и поэтому смело могущей принести якобы аналогичный успех любым другим странам. Словом, ведите себя покорно, слушайтесь подобно Японии и Ю. Корее, тогда Америка вам поможет. Дело в реальном масштабе обстоит, конечно, иначе, возможности США, разумеется, дутые, и в ближайшие 25–30 лет их едва ли хватит, чтобы самим уцелеть.

Прогнозируемые возможности, как видно из представленного обзора, располагаются в системе совершенно других координат пространства и времени, они, как показывает опыт последних 25–30 лет, все больше дрейфуют в сторону Китая, Индии, России, новых экономических архипелагов притяжения, опирающихся в своем мировом прогрессе на собственные силы, национальные кадры и свою великую самобытную культуру – ценности, которые не экспортируются и не продаются, ценности, которые можно взрастить только у себя дома.

■

На представленном фоне, что можно сказать о перспективах расстановки современных мировых экономических сил и какое место в этой расстановке отводится России? Каковы эти перспективы и, следовательно, потенциалы современного Русского мира?

При оценке перспектив на следующие 25–30 лет и дальше представляется вероятным, что, несмотря на указанные и возможные другие причины, прогресс высоких технологий в большинстве стран мира, и прежде всего в странах «большой восьмерки», странах ЕС-15 и странах ОЭСР, будет продолжаться.

При этом, учитывая снижение уровня конкурентоспособности, рецессию производительности в США, возрастающую энергетическую зависимость большинства стран мира и вполне возможный крах доллара США как международной валютной единицы, очевидный уже в последней четверти XX в., вполне вероятно, что этот прогресс будет более медленным, чем прежде. Также представляется возможным выравнивание уровней экономического развития капиталистических стран, и прежде всего нивелирование существующего сегодня относительно небольшого разрыва в производительности (и далее в доходах) между странами ЕС-15 и США.

Вероятно замедление в достигнутых бурных темпах экономического роста в странах Азии, особенно в тех из них, которые уже сейчас достигли уровней доходов, равных европейским. Ожидается значительное снижение темпов экономической конкуренции. С учетом недавних потрясений (отток иностранного капитала, коллапс биржевых рынков и курсов валют, галопирующая инфляция, коррумпированность национальных элит), с одной стороны, и иностранной помощи и стабилизационных вливаний МВФ, с другой стороны, в ряде стран Азии (Индонезия, Филиппины, Таиланд, Шри-Ланка) намечаются новые серьезные корректировки экономических курсов.

В другой части Азии, где доходы ниже, а потенциал выше, например в Индии, намечается ускорение темпов экономического роста. Особо высокие потенциалы и, следовательно, перспективы сохраняет Китай, экономика которого, по всей видимости, благодаря удешевлению стоимости единицы производимой продукции и повышению на этой основе конкурентоспособности способна расти еще быстрее, чем раньше. Здесь в ближайшие 25 лет дальнейший рост должен и, очевидно, будет происходить в первую очередь по трем следующим причинам: 1) по причине сохраняющихся в Китае относительно низких реальных доходов населения и еще более низких уровней производительности труда; 2) по причине наличия больших неиспользованных резервов и широких возможностей наращивания инвестиций в интеллектуальный, человеческий и физический капитал; 3) по причине относительно меньшей подверженности потрясениям, которые испытали другие динамично развивающиеся страны Азии, в частности Индия, под влиянием непрекращающегося конфликта с Пакистаном в 1997–2000 гг.

Однако, несмотря на радужные перспективы, темпы роста в Китае в ближайшие 25–30 лет будут, по-видимому, более умеренными, чем достигнутые в 1973–2000 гг. И прежде всего из-за того, что страна медленно, но верно приближается к ключевым проблемам в реформировании государственной инфраструктуры, налоговой и денежной политики, связанным с уничтожением ростков своих прежних реформ (в частности, в сельском хозяйстве). А главное, потому что она входит в плотные слои прямого мирового не только противоборства, но, возможно, и военного столкновения с США и некоторыми другими посягающими на ее лидерство странами, что заключает в себе заряд крупных противоречий и вероятных огромных затрат и потерь, способных отвлечь на эти цели едва ли не половину всех располагаемых современным Китаем национальных сил и ресурсов.

■

В каком соотношении эти перспективы находятся с тем, что имело место в мире 2000 лет тому назад? Существует ли альтернатива возврата к той расстановке экономических сил, которая имела место в мире в начале нашей эры? Каково место в этой расстановке

[3] См.: *Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет. М.: Наука, 2006.

Китая и России как, на наш взгляд, главных движущих сил, своеобразных локомотивов третьего тысячелетия?

Китай – не только как главный локомотив, но и, что, быть может, более важно, как главный код, символ и знак третьего тысячелетия – восстанавливает историческую справедливость в расстановке мировых сил, серьезно претендуя на свою былую (2000 лет тому назад) долю в численности населения (40%) и в ВВП мира (43,3%), кратно превышавшую в те далекие годы начала нашей эры соответствующие доли всех стран старой Европы (точные цифры превышения: 6,4 раза и по численности населения, и по ВВП).

Укажем, что на территории стран Запада в начале нашей эры, как это видно из данных табл. 12.1, проживало всего 25 млн человек (10%), в том числе в странах Европы – всего 16 млн человек (6,4% общей численности населения мира нашей эры), тогда как в остальных странах мира – 226 млн, в том числе в тогдашнем Китае – 102 млн человек. ВВП по долям в те времена между группами указанных стран, судя по данным той же табл. 1, распределялся следующим образом: страны Запада – 9,8%, в том числе страны Европы – 6,8%, остальные страны мира – 90,2%, в том числе Китай – 43,3%.

Обратим внимание на соответствующие данные табл. 1 и 2, согласно которым ныне (2005 г.) на долю Китая приходится всего 4,6% ВВП (практически в 10 раз меньше, чем в начале .эры) при доле населения, составляющей 21,4%, что всего в два раза меньше, чем в начале нашей эры.

По тем же данным табл. 1 и табл. 2, в 2005 г. на долю стран Запада приходилось более 20,2% населения, в том числе на долю стран Европы – 7,6% (соответственно в 2,0 и всего в 1,2 раза больше, чем в начале нашей эры), и более 70% (страны Запада в целом) и 30% (страны Европы в целом) ВВП (соответственно в 7,1 и 4,4 раза больше, чем в начале нашей эры).

Китай, судя по приведенным данным, упорно и верно стремится целиком и полностью восстановить свои утраченные в далеком прошлом лидирующие мировые позиции. Дистанция далекая, но преодолимая. Приз, который ждет Китай, того стоит. И в этом, быть может, как раз и заключается самая главная мотивация и, стало быть, генеральная линия экономического развития в новом тысячелетии.

А как же Россия? Россия, пройдя в прошлом сложный путь многочисленных междоусобиц, внутренних и внешних войн, опираясь на самобытный общинный уклад жизни и самодержавную форму правления, много раз на этом пути обретая и теряя обретенное, следуя раз избранной в конце первого тысячелетия православной вере, борясь и утверждая веками самобытность и самодостаточность, за 1000 лет не только уцелела, но и спрогрессировала. Особенно в эпоху ее собственного протокапитализма (XVIII – середина XX в.), еще более рельефно и разнообразно в эпоху позднего капитализма (вторая половина XIX – начало XX в.) и совсем ярко и мощно в эпоху социализма (1918–1990 гг.), в одночасье растеряв добрую половину обретенного в последнее десятилетие XX в.

В целом за 1000 лет своего государственного существования наша страна выстроила и испытала на практике целых пять империй, в 75 раз увеличила численность своего населения, в 1500 раз ВВП, в 2000 раз уровень жизни, продемонстрировав миру поразительную жизнестойкость, исключительную самобытность и все права на свой особый, русский путь развития и жизни, равный по масштабам и ценностям пути, которые проходили целые мировые цивилизации. Разница только в том, что многие цивилизации, например, Византия, Римская и Османская империи, уже давно исчезли с лица земли, тогда как русская уцелела, находясь едва ли на полдороги к воплощению своих идеалов.

В другой работе обширно, особенно за XX в., показано, как, какими путями, за счет каких ресурсов все это было достигнуто и какая цена за достигнутое была заплачена[3].

Не возвращаясь к уже известному, но опираясь на него, здесь лишь можно уверенно констатировать, что на пути достигнутого в прошлом тысячелетии России как самостоятельной цивилизации в новом третьем тысячелетии определенно гарантирована особая миссия – миссия умножения нравственных свершений и обретений устойчивого социального и экономического прогресса, миссия прозрачной и нравственно чистой страны, число солидарных сторонников которой в мире будет неуклонно увеличиваться. И в исполнении этой миссии заключено особое предназначение России в третьем тысячелетии, ее знаковое место и особая роль в мировой экономике.

Уже практически на протяжении всего второго тысячелетия без России (и как отдельно взятого государства, и как самостоятельной цивилизации), вне ее контекста полноценное развитие мировой экономики было невозможно. Тем более оно будет невозможно (и не только невозможно, но и во многом выхолощено и бессмысленно) в грядущем тысячелетии, органичной частью и активным участником которого наша страна как самобытная и самодостаточная система по определению является.

И что в совокупности все это означает? Ждет ли человечество новый золотой век или оно опять обречено наступать на собственные грабли, ничего полезного не почерпнув из своей прежней истории войн, средневековой инквизиции и полного упадка в первые 1500 лет своего христианского бытия и определенных, правда, вполне умеренных достижений в последующие 500 лет, включая небольшое число лет, а именно 25 лет, золотого века?

■

Наконец, где в этом контексте Русский мир, его экономика? Ведь он реально существует. И если его там нет, как его туда имплантировать? Последний раздел нашей статьи об этом. Вот общие соображения и предложения на этот счет.

Русский мир – это, как отмечалось, не только национальная по духу и интернациональная по форме современная экономика и культура России с их более чем тысячелетней исторической предтечей. И ныне по реальному весу и роли в мировой экономике даже не столько сама по себе отечественная экономика и культура.

Русский мир сегодня – это еще и уникальная, не имеющая аналогов экономика наших зарубежных соотечественников, которых, кстати, сравнительно больше (30 млн человек), чем среди любых других народов мира, исключая китайцев, – экономика, основанная на высокой культуре и истории, мощь и влияние которой на мировую экономику ныне, быть может, кратно больше, чем по нынешним временам многократно недооцененной отечественной экономики, на долю которой, при природных ресурсах, зашкаливающих за 1/3 мировых, наемными комбинаторами и фарисеями современного мира отводится, как показывают данные, приведенные в табл. 3 и на рис. 1 и 2, всего-навсего 1,2-2,5% мирового объема ВВП.

Русский мир – это и громадные, ничем не компенсированные упущенные выгоды и потери наших предков, захороненных за рубежом (их в общей сложности больше 10 млн), не возвращенные, измеряемые ныне триллионами американских долларов долги и культурные ценности и еще большие объемы не только не возвращенного, но толком и не учтенного или за бесценок распроданного советского имущества за рубежом, целая сеть построенных и брошенных там заводов и фабрик, равная по производственной мощности сети заводов и фабрик всех бывших союзных республик СССР. Плюс дешевые природные ресурсы (и прежде всего нефть, газ, лес), поставляемые за рубеж в ущерб себе, и то отрицательное сальдо платежного баланса (в 2009 г. оно составляло более 50 млрд долларов США), подпитывающие на непрерывной основе рост эффективности западной и падение эффективности отечественной экономики.

Наконец, Русский мир, что, возможно, самое главное – это по своей природе мир, созидающий оригинальные и отвергающий фиктивные ценности, реальный мир, который (в отличие от мира фиктивного капитала) продуцирует не товары и услуги как носители денег и наживы, а заключенные в них человеческие блага, приносящие людям удовольствие и счастье, то есть это – не взаимозаменяемый, первичный мир, без которого существование человеческого рода было бы невозможно. Это тот мир, который на базе подлинных ценностей и неподдельных благ и поступков спас человеческий род, а не только русских, от ордынского ига в XIII–XV веках, рабства и инквизиции в XI–XV веках, геноцида и нацизма в XX веке. Смело можно утверждать, что без Русского мира во главе с неоправданно склонным к самопожертвованию Советским Союзом, в XX веке не было бы никакого «третьего мира» с нынешними его «незолотыми» пятью человеческими миллиардами, не существовало бы и, это тоже можно смело утверждать, мира без ядерных угроз и массового терроризма, как, впрочем, и самого преуспевающего капиталистического мира, подпитку которого – на всем протяжении его восхождения к обществу «гедонистического потребления» – Русский мир исправно обеспечивал.

Возможно, что без такой подпитки и сильного Русского мира не обойдется и все последующее будущее человеческого рода, и в этом весь «секрет» существования Русского мира как вселенского донора, принципиальное отличие от всех иных стяжательских «миров», заслуженные претензии на формирование великой мировой Русской цивилизации.

Явивший человечеству невоспроизводимые образцы социалистического созидания добра и справедливости, самобытный и неповторимый мир православного милосердия, побеждавший худшее в человеческом роде – стяжательство, чревоугодие и жадность, – именно этот мир (и при этом не случайно, а вполне закономерно), как светоч, своими и ныне не утраченными знаковыми ценностями, словно ось человеческого мироздания, продолжает притягивать к себе внимание и симпатии все более широкого круга народов и стран всего земного шара.

Анкета-интервью «О развитии»

На вопросы анкеты-интервью отвечает доктор философских наук, профессор, заведующая сектором социальной философии отдела социальной и политической философии Института философии РАН **Валентина Гавриловна Федотова**

Экономическое и общественное развитие

- **Что такое общественное развитие, каковы его признаки и критерии?**

  Общественное развитие – это наиболее абстрактная и не дифференцированная характеристика общественных изменений, имеющих положительную направленность. Сходно с социальными преобразованиями, также предполагающими, что это изменение к лучшему. Именно последним – позитивной направленностью – это понятие отличается от общественных изменений, социальных трансформаций.

- **Что такое экономическое развитие? Является ли экономическое развитие безусловным благом?**

  Экономическое развитие тоже довольно абстрактное понятие: изменение в экономике, имеющее позитивную направленность. Сходно с экономическими преобразованиями, т.е. позитивными направленными изменениями.

- **Экономическое развитие и общественное развитие: в чем состоят их сходство, различие, противоборство?**

  Сходство в предельной абстрактности. Уточняется для общества понятием модернизации, а для экономики – экономическим ростом и капитализацией. Различие и противоборство состоит в том, что модернизация не сводится к развитию экономики, а включает многие сферы общества. А экономическое развитие также не тождественно экономическому росту.

- **Считаете ли вы общепринятые критерии экономического развития удовлетворительными/неудовлетворительными, и с какой точки зрения?**

  Не считаю. Экономика имеет критерием экономический рост и капитализацию всех сфер общества. Экономический рост как абсолютное благо поставлен под вопрос увеличением числа стран быстрого экономического роста (Китай, Индия, Россия, Бразилия, Индонезия и др.), создающих дополнительную нагрузку на планету. Требуется баланс, который бы позволил развиваться, не подрывая ресурсную и сырьевую базу, окружающую среду в целом. Вводя понятия «социальный капитал», «человеческий капитал», «культурный капитал», МВФ надеялся на капитализацию всех сфер общества. Стараниями социальных теоретиков эти понятия стали способом социализации капитала и экономики.

- **Может ли развитие экономики, оцениваемое по современным общепринятым критериям, способствовать замедлению, остановке развития народа и страны или даже их деградации?**

  Примером такой возможности, связанным с перекосом в экономических процессах и их доминировании, явился мировой экономический кризис.

Личность, общество, государство

- **Развитие личности, народа, нации, общества, страны, государства: в чем состоят совпадения и противоречия?**

  Постановка вопроса слишком абстрактная и неточная.

Россия и развитие

- **Какой период сейчас переживает Россия: развитие, застой, деградация, угасание?**

  Официально – период модернизации технико-экономической сферы. Но модернизация должна затрагивать все сферы общества. А научно-техническая модернизации не может строиться на развитии анклава Сколково иностранцами. Российские ученые игнорируются. С. Брин и выпускники физтеха, получившие Нобелевскую премию за открытие графена (А. Гейм и К. Новоселов), уехали из России, где им не удалось бы получить подобные возможности и оценку своей деятельности. Сколково должно стать пилотным проектом для всей России, но это потребует прекращения безграмотной реформы образования, уничтожающей фундаментальные науки. Это не застой, не деградация, не угасание, а безграмотное применение устаревшей догоняющей модели развития технической сферы при игнорировании всех прочих.

- **Укажите признаки успешного развития страны – на примере России или другого государства.**

  Легче всего их указать на примере Китая. Россия пока сидит на нефтяной игле. Нет ни макропроекта с характеристикой ее желаемого будущего, ни микропроектов. Ужасающей для перспектив России является реформа высшего образования, вымывающая фундаментальные научные исследования, ибо именно их технологическое применение – основа успеха Запада и многих незападных стран: Эстонии, Китая. В мировом разделении труда Запад производит модель продукта указанным способом, Азия производит этот продукт, а Индия осуществляет сервис для Запада в области бухгалтерских операций и пр. Россия не имеет своей ниши, но ею могло бы стать производство интеллектуального продукта.

- **Назовите признаки остановки развития, деградации страны – на примере России или другого государства.**

  Россия 1990-х. Анархический порядок, демодернизация, криминализация, разрушение всех социальных, индустриальных, научных и моральных завоеваний общества. Реформы могли бы пойти иначе.

- **Какие страны способствуют развитию России, а какие препятствуют?**

  Никто не препятствует, и никто не способствует. Россия сама себе препятствует отсутствием стратегии.

- **Какие мировые тенденции способствуют развитию России, а какие препятствуют?**

  Россия оказалась в ситуации, когда капитализм возник в незападных странах. Наступило новое время для незападных стран. Это может способствовать развитию России и группы БРИКС.

- **Какие (мировые, региональные) проекты способствуют развитию России, а какие препятствуют?**

  Проект БРИКС способствует, ВТО препятствует из-за отсутствия у нас должной конкурентоспособности.

- **Существуют ли общие для всех стран и народов критерии и цели развития?**

  Сегодня отрицается один путь, признается множество путей, множество национальных вариантов модернизации.

- **Существует ли общий для всех стран и народов образец, алгоритм, технология развития?**

  Нет. Есть некоторые общие закономерности, но не образец. В модели догоняющей модернизации образцом был Запад, но сейчас эта модель отвергнута.

Развитие России
и мировая финансово-экономическая система

Сергей Белкин, Михаил Байдаков

Стратегия дальнейшего бытия России, о существовании которой можно говорить лишь предположительно, формируется в условиях неопределенности критериев и непрозрачности механизма выбора политико-экономических моделей. Решения, принимаемые высшим политическим руководством, особенно те, которые касаются выбора модели, в силу исключительной значимости последствий являются судьбоносными, даже если они таковыми не осознаются и не объявляются. При этом любая избранная модель обязана реализовываться во внешних условиях, динамика и направление изменений которых определяются внешними по отношению к России факторами, интересами и целями. Частью внешней среды и внешних условий является мировая финансово-экономическая система. Стратегия развития России может быть успешной только при правильном и всестороннем учете внутренних и внешних факторов и их изменений.

■

Правящая элита применяет, как правило, ту политико-экономическую модель, которая отвечает ее близлежащим целям, уровню понимания тактики дальнейшего существования и реальным возможностям, которые бывают ограничены непрямолинейным образом. При этом возникают очевидные и неочевидные противоречия между тем, каким путем и куда страна движется, и тем, куда и как ей следовало бы двигаться, если бы во главу угла можно было поставить весь комплекс смыслов существования страны и народа. Очевидные противоречия – это несовпадение целей элиты и большинства населения. Неочевидные – это подмена целей развития страны и народа, целями динамики избранной политико-экономической модели. Подмена может быть осознанной или неосознанной.

Несовпадение первого рода элита пытается разрешить путем воздействия на «большинство населения» через убеждение или навязывание ему тех представлений о благе, которые выгодны элите. Это может принимать разные формы: от идеологического или религиозного тоталитаризма до демократических по форме, но тоталитарных по содержанию технологий преобразования общественного сознания, например, под лозунгом «модернизации сознания». Несовпадение целей элиты и общества – старая болезнь, достаточно хорошо распознаваемая, но не слишком легко поддающаяся лечению: то доктора нет, то лекарство неверно подобрано.

Несовпадение второго рода более опасно – как тем, что оно не видно, не воспринимается без специального анализа, так и своими последствиями: оно смертельно. Можно дать крестьянам волю, народу – конституцию, развить промышленность, и – погибнуть, погубив страну. Можно «догнать Америку по производству молока, мяса и масла на душу населения», полететь в космос, добиться высоких экономических показателей и – погибнуть, погубив страну. Похоже, что можно «удвоить ВВП, модернизировать экономику» и – ...

Известную максиму «мы не знаем страны, в которой живем» следует дополнить: «мы не знаем, зачем эта страна существует».

Правящая элита применяет, как правило, ту политико-экономическую модель, которая отвечает ее близлежащим целям, уровню понимания тактики дальнейшего существования и реальным возможностям, которые бывают ограничены непрямолинейным образом. При этом возникают очевидные и неочевидные противоречия между тем, каким путем и куда страна движется, и тем, куда и как ей следовало бы двигаться, если бы во главу угла можно было поставить весь комплекс смыслов существования страны и народа.

Беря в качестве образца чужую модель, надо непременно взять и чужие смыслы и ценности.

■

Не следует отождествлять экономическое развитие и развитие страны. Экономическое развитие – это стремление к достижению неких финансово-экономических показателей в рамках избранной модели. Развитие страны, включая в себя и экономическую жизнь, означает еще и надлежащее движение в пространстве духовных ценностей и смыслов, соответствие своему предназначению, осознаваемому во всей исторической полноте и целостности. Что является развитием России, а что нет – еще предстоит осознать и сформулировать. Эта работа не проделана, и в этом состоит основная слабость фундамента нашего существования. Известную максиму «мы не знаем страны, в которой живем» следует дополнить: «мы не знаем, зачем эта страна существует».

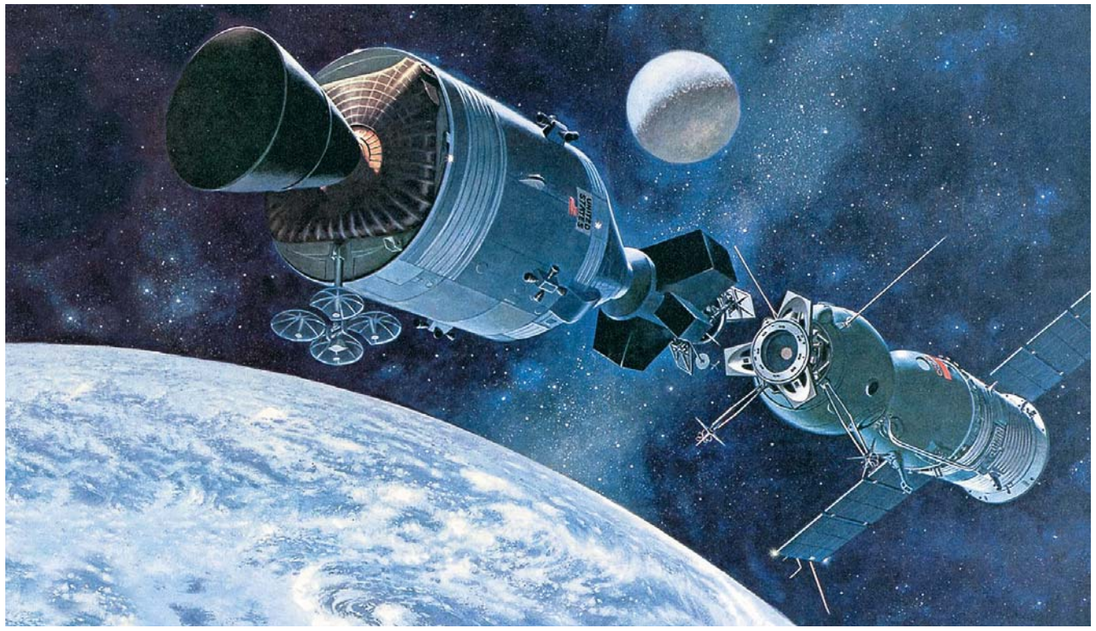
США и Европа, осознавая исчерпанность своей старой, но длительное время приносившей успех модели существования, пытаются перестроить весь мир, не поступаясь при этом своими стратегическими ценностями и целями. Китай не отказывается от собственной модели, приспосабливая ее к меняющейся реальности, но при этом не поступился стратегическими ценностями и целями: сегодня Китай выигрывает. Россия отказалась от участия в мировом конкурентном процессе создания и реализации моделей развития. Отбросив все собственные достижения, знания, навыки, добытые ценой огромных жертв, усилий и затрат, Россия пытается использовать чужую старую модель, способную лишь некоторое время обеспечивать существование элиты, но не способную обеспечить развитие страны и народа. Подводя итог двадцатилетних попыток реализовать чужую модель, следует признать: Россия проиграла.

■

Всякая модель развития, частью которой являются модели экономические, покоится на системе смыслов и ценностей, ради и во имя которых она рождается на свет. Беря в качестве образца чужую модель, надо непременно взять и чужие смыслы и ценности. Мало того: надо от своих ценностей отказаться. Но и этого недостаточно. Сменить ценностный базис может отдельный человек, хоть это и болезненная, чреватая непредсказуемыми последствиями процедура. Народ, нация, страна взять и поменять свое ценностное ядро в короткие сроки не могут. Даже если к этому прилагаются целенаправленные усилия. Единственный способ – полное превращение одного народа в другой: со сменой языка, культуры и, что самое главное, – памяти о своем прошлом. При этом трансформированный, ассимилированный народ мало лишить собственной памяти, – ему надо «вшить» чью-то историю, которую он воспримет как свою.

Россия обладает уникальным опытом целенаправленного изменения ценностного базиса в период строительства социализма и коммунизма. Опыт показал, что относительный успех возможен лишь там, где «новые» ценности весьма близки или полностью совпадают с базисными, когда новыми являются лишь терминология и рациональное обоснование ценности, а не сама ценность. К таким ценностным категориям можно отнести, например, справедливость, солидарность, свободу и ряд других, сохраняемых в русском народном ценностном ядре на протяжении столетий[1]. Но в тех случаях, когда пытались вместо традиционно понимаемой справедливости и ее критериев навязать принципы, например, «революционной целесообразности», называя их тем же словом «справедливость», в тонкой живой ткани народного мироощущения возникала зона воспаленного неприятия подобной подмены, приведшая в конце

[1] Протоиерей В. Чаплин. Вечные ценности – основа российской идентичности. // Материалы XIX Рождественских чтений. М.: 28 января 2011 г., http://www.pravmir.ru



концов к отторжению предложенных принципов. Похожие процессы происходят сейчас с ценностями демократии и свободы.

Опыт модификации, трансформации общественного сознания в СССР и в современной России еще недостаточно изучен, однако ясно, что он позволяет явственнее и точнее определить контуры и содержание базовых ценностей, присущих народам нашей страны. Если этими результатами и знаниями вновь пренебречь, исходом может стать или отторжение предложенных трансформаций, или гибель народа в той или иной форме.

■

Взаимодействие России с другими системами ценностей и присущими им моделями развития осуществляется как в пространстве идей, так и в пространстве материальных отношений.

Россия, бывшая в XX веке несомненным новатором в мире идей, ныне утратила свои позиции, продолжая оставаться в плену ангажированных обоснований текущей политики и критики предшественников. Мир, однако, продолжает ждать от России интеллектуального прорыва именно в сфере новых моделей развития, социогуманитарных технологий.

В материальном мире царят экономические и военные отношения, осуществляемые через различные институты, главным из которых является мировая финансово-экономическая система, частью которой является и российская финансово-экономическая подсистема.

■

Анализируя мировую финансовую систему (МФС), следует правильно себя позиционировать по отношению к ней и внутри нее. Россия

Россия, бывшая в XX веке несомненным новатором в мире идей, ныне утратила свои позиции, продолжая оставаться в плену ангажированных обоснований текущей политики и критики предшественников.

существует внутри МФС, в управлении которой она не участвует, да и заметного влияния на нее оказать не может. До гибели СССР в мире было две самостоятельных финансовых системы, находящихся в режиме взаимодействия и взаимовлияния. Россия не смогла, да и не пыталась, сохранить свою финансовую субъектность и международный баланс финансовых систем. Сегодня финансовая система России является заурядным придатком МФС, и она способна обслуживать лишь экономику и политику сырьевого источника. Механизм формирования валютного курса рубля вкупе с последовательной политикой выравнивания цен на энергоносители и остальные экспортные товары, а также общая деградация промышленного и сельскохозяйственного производства лишают Россию всякой возможности влиять на МФС. Тот способ, каким сегодня Россия является пользователем МФС, не способствует развитию страны.

Китай находится в ином положении как в силу другой структуры экономики и экспорта, так и в силу более независимой политики установления обменного курса. Китай тоже находится внутри МФС и тоже ею не управляет, но он может – в силу масштабов финансово-экономической деятельности и степени взаимозависимости экономик Китая и США – влиять на ситуацию.

Отказ от золотого наполнения доллара, произведенный в 1978 году, не формальность, а глубинная замена золотого стандарта системой виртуальных ценностей, верификация которых осуществляется в форме появления авианосца, истребителя или ракеты США. МФС без военно-политической мощи США не существует.

США – единственный субъект мировой финансовой системы. Только США в полной мере могут управлять происходящими в МФС процессами. И они делают это, исходя, разумеется, из собственных стратегических целей, базирующихся на своей системе ценностей. МФС является лишь частью комплекса жизнеобеспечения США, точнее – западной, или англо-саксонской модели развития. Этот комплекс состоит из системы базовых ценностей, политической системы, военной системы, финансовой системы, системы международных союзов и т.д. Вырывать из этого контекста МФС и рассматривать ее «саму по себе» в надежде понять ее поглубже и спрогнозировать ее возможную динамику – непродуктивно.

■

Принято говорить о проблемах МФС, указывая на непомерное количество эмитированных ФРС долларов, о грандиозном внешнем долге США, в очередной раз упершимся в установленный ими же «предел заимствования». Среди отягчающих положение МФС факторов называют структурный перекос экономики США и захлебнувшийся механизм разгона потребительского спроса через кредитование. Все эти факторы, несомненно, имеют место и, безусловно, давят на МФС, стремясь вывести ее из состояния динамического равновесия. И если бы МФС не являлась подсистемой огромной и разветвленной суперсистемы прочих факторов и систем, включая военно-политическую и ценностную, она давно бы рухнула, даже несмотря на то, что печатный станок остается в ее безраздельном и бесконтрольном владении. Однако «суперсистема-США» остается пока достаточно устойчивой, обеспечивая устойчивость всем составляющим ее системам, включая МФС. Отказ от золотого наполнения доллара, произведенный в 1978 году, не формальность, а глубинная замена золотого стандарта системой виртуальных ценностей, верификация которых осуществляется в форме появления авианосца, истребителя или ракеты США. МФС без военно-политической мощи США не существует.

Рассматривая факторы мировой финансовой динамики, важно не забывать, что для 93% всех денег мира, вращающихся на рынке ценных бумаг и их производных, единственным фактором является норма прибыли. Говорить о других факторах – это значит говорить о 7% денег. Однако об этой малюсенькой части денег говорить стоит, потому что именно на эти деньги живет весь мир, именно они вращаются в реальной экономике. В отношении этих денег определяющими факторами движения являются сначала идеологические, потом – политические, в последнюю очередь – экономические. Идеологические факторы – самые мощные и самые долгоживущие. Это религиозные, цивилизационные, ценностные системы. Их влияние длительно и очень мало изменяется на протяжении жизни нескольких поколений. Политики, в силу ограниченности их горизонта планирования, не учитывают эти факторы или учитывают не в должной мере. Формируя политические цели и вовлекая в их достижение свои страны и народы, они ориентируются на близлежащие экономические и финансовые задачи, упуская из виду последствия для фундаментальной системы ценностей.

■

Рассматривая работу самой МФС, любят говорить о том, что огромный рынок деривативов, который давит на общую денежную массу, есть некий сбой работы системы, произошедший в результате недосмотра за алчностью игроков. Полагаем, что пресловутый финансовый пузырь накачивался осознанно, с пониманием последствий и степени устойчивости системы, которая сегодня выдерживает уже имеющееся давление и уже надутый пузырь. Денежное обращение не прекратилось, доллары остаются общепризнанным средством платежа, альтернативы доллару и на горизонте не видно. Тактически и стратегически правильнее осознавать, что МФС находится «на марше» по переустройству мира и «установлению мирового господства», ежели говорить в таких терминах. Те, кто ей реально управляют, оценивают и отслеживают предел ее устойчивости. Возможно, они ошибаются, но для разговора на эту тему надо иметь на столе какие-либо комплексные оценки устойчивости системы в целом. А их нет. Следует говорить не о том, что МФС испытывает трудности, а о том, что МФС, наряду с другими инструментами США, их создает.

■

Нет сомнений, что достигнутый потолок заимствований будет вновь поднят и вновь достигнут[2]. Нет сомнений, что США не собираются решать возникшие проблемы за счет существенного снижения жизненного уровня своих граждан и бюджетных расходов. Нет сомнений, что США не собираются ни с кем делиться мировым лидерством во всех сферах. Нет сомнений, что США будут использовать все имеющиеся в их распоряжении возможности и инструменты для сохранения, укрепления и продления западной модели бытия и собственного исключительного положения на планете. Западная модель в своей ценностной сути – это христианство с ампутированной совестью. Это христианство, адаптированное для оправдания алчности. Для этого надо мораль – в какой бы форме она ни фиксировалась – поставить ниже права или вообще вывести в другое поле, скажем, за пределы светских ценностей: сделать мораль частью только религиозной, церковной жизни. Отказ от приоритета морали обеспечивает определенные преимущества: можно нажиться за счет разорения другого, можно украсть, если не стыдно, можно убить, если не совестно и

Следует говорить не о том, что МФС испытывает трудности, а о том, что МФС, наряду с другими инструментами США, их создает.

т.д. Можно вообще построить внеморальную систему ценностей и критериев и существовать, исходя из нее. Ярким проявлением такого подхода является экономоцентризм, кратко выраженный в формуле «все имеет свою цену, причем цена всегда может быть исчислена в денежном эквиваленте». Тогда кража, конечно, грех – но об этом поговорим на исповеди, а пока подсчитаем прибыль... Поскольку полностью изъять из человека совесть невозможно, приходится сознание приспосабливать к этому сосуществованию: возникает то, что мож-

[2] Статья написана в июне 2011 г.

Иероним Босх. «Семь смертных грехов»

Западная модель в своей ценностной сути – это христианство с ампутированной совестью. Это христианство, адаптированное для оправдания алчности.

но назвать экономофренией. Экономофрения – это раскол сознания на две сферы: духовную и материальную. Существуют они обе, но связи между ними нет – или она очень слаба. Экономофрения в политике – это стремление к экономическим целям без должного учета неэкономических последствий. Отдельной формой является финансофрения – сведение всех параметров, описывающих не только экономику, но и жизнь в целом, – к финансовым показателям. Уровень материального потребления и производства следует измерять в натуральных показателях – особенно в условиях отсутствия какого-либо общепринятого денежного стандарта, меры стоимости. Когда экономофрения становится базовой доктриной и способом существования, такое общество способно идти по пути наращивания материальных ценностей и роста уровня потребления, используя для этого любые приемы и методы, включая обман и насилие.

Именно таким образом США навязывают миру свой способ существования. Европа пытается предложить что-то очень близкое, но пока она не может обеспечить единение даже в пределах ЕС, не говоря уж об образе глобального единства. Китай и не пытается предложить что-либо миру, кроме материальной продукции. Россия тоже не предлагает ничего, кроме нефти, газа и сообщений об убийствах, грабежах и насилиях. Россия сегодня – это неухоженная разграбленная могила Советского Союза, на которой одновременно остаются и осиротевшие родные и близкие покойного, и его убийцы, и мародеры.

■

Сценарии будущего, конструируемые аналитиками, основаны, как правило, на попытках рассмотреть возможность применения различных способов разрешения финансовых проблем США и путей «схлопывания финансового пузыря». Аналитиками рассматриваются механизмы инфляции и дефляции доллара, механизм большой войны, способной поглотить «лишние» доллары, механизм введения «нового доллара» с переводом существующего доллара в разряд «мусорных валют». Эти сценарии широко представлены в литературе и являют собой пример весьма увлекательного чтения. Они хорошо обоснованы, вполне рациональны и возможны. Их общий единственный недостаток: никто не знает когда и какой именно механизм будет запущен и будет ли запущен вообще.

В большинстве сценариев США в конечном итоге решает свои проблемы и преобразует мир, вгоняя его в свои стандарты и правила. При этом аналитики считают неизбежной лишь ту или иную степень уступки Китаю некоторой доли мирового влияния. На практике, однако, у США далеко не все получается: мир ведет себя как живой организм со своими реакциями и поведением, а не как растянутая на булавках лабораторная лягушка на столе у американского экспериментатора.

Судьба России в большинстве сценариев выглядит малопривлекательной: от наиболее вероятного распада на слабые квазинезависимые территории до сохранения формальной целостности под прямым или косвенным протекторатом США или Китая в режиме обезлюдевшего сырьевого придатка мировой экономики. Председатель Правительства России В.В.Путин говорит об ином: Россия через десять лет будет пятой экономикой мира с высокоразвитой промышленностью и высоким уровнем жизни. Думаю, что сценарий Путина следует рассматривать, по меньшей мере, наравне с прочими. Некоторые заявленные им целевые параметры не вызывают возражений, осталось понять реалистичность их достижения, цену, которую за эти достижения предстоит заплатить, и меру духовных утрат и уступок, на которые в этой связи надо будет пойти.

■

Есть мнение, что Россия, несмотря на свою политическую и экономическую слабость, оказалась в роли страны, которая «всем нужна»: и США, и Китаю, и Европе. И что эту позицию «владельца золотой акции» надо постараться продать с максимальной выгодой, не ошибившись при этом с выбором «фаворита». Думаю, что это путь не только недостойный, но и лишенный даже примитивных перспектив. Надо не забывать две вещи. Первая – что обеспечительным активом «золотой акции России» являются ее ядерные бомбы и средства их доставки, а не что-либо иное. В случае утраты их боеспособности все «иное» отнимается просто и незатейливо. Второе обстоятельство точно и образно сформулировано М.Г. Делягиным: «...если Россия не сможет создать свой макрорегион, то ра-

Экономофрения – это раскол сознания на две сферы: духовную и материальную. Существуют они обе, но связи между ними нет – или она очень слаба. Экономофрения в политике – это стремление к экономическим целям без должного учета неэкономических последствий.

зорвется на части между различными мирами: она будет окраиной исламского мира, окраиной китайского мира, окраиной европейского мира». Создание Россией своего «макрорегиона» включает в себя политический, экономический и культурный аспекты. Если с этой точки зрения оценивать внешнюю политику России, то устойчивым процессом обретения надежных друзей и союзников ее назвать трудно. Хотя нельзя не отметить как позитивный фактор создание Таможенного союза, деятельность ЕврАзЭс и ШОС. Пока экономика России как центр притяжения макрорегиона может рассматриваться таковым лишь с точки зрения источника энергоресурсов. Второй притягательный фактор тоже относится к природным: территория России представляет интерес как транспортный коридор для грузопотоков. Однако в этой важной сфере Россия не в полной мере отвечает требованиям конкурентного международного рынка грузоперевозок: качество и стоимость транзита по территории России должны быть улучшены. Этих двух природных факторов недостаточно для того, чтобы быть экономическим центром кластера. Если Россия сможет восстановить свой научно-технический потенциал и стать источником технологий и высокотехнологичной продукции, у нее появятся дополнительные шансы претендовать на роль устойчивого центра притяжения. Однако жизненно важным для России и стран, входящих в орбиту ее «макрорегиона», является проведение последовательной протекционистской политики, поскольку в условиях открытого мирового рынка и разделения труда наступит почти полная деиндустриализация страны и население России окажется «нерентабельным». Более полноценным региональным экономическим центром Россия может стать, если ко всему сказанному выше удастся добавить соответствующую региональную финансовую инфраструктуру. Отметим, что провозглашенный и начавшийся процесс установления взаиморасчетов между Россией и Китаем в национальных валютах – правильный и благотворный шаг, закладывающий основу возможного локального финансово-экономического кластера, снижающего долларовую зависимость обоих партнеров. Расширение этого кластера, вовлечение в него партнеров по ШОС и БРИКС – еще больше укрепит его финансово-экономическую гибкость. Следующим или параллельным шагом должно стать формирование общей для кластера «корзинной валюты», формируемой по принципам формирования, скажем, СДР с учетом паритета покупательной способности участвующих валют. Это несколько ослабит «долларовую зависимость», снизит валютные риски и удешевит процесс валютного обращения. Стратегически, однако, и этого мало: надо сделать так, чтобы возникающие выгоды и возможности способствовали развитию России (и других стран-участниц), а не оседали там же, где оседают сегодня долларовые выручки. Не следует преувеличивать и фактор «долларовой независимости». Можно рассчитываться в чем угодно, но сравнение цен будет оставаться в привязке к их долларовой мировой цене. Пока это не изменится – выгоды неполноценны. МФС является инструментом, не созданным для достижения Россией целей собственного развития: это чужой инструмент, «заточенный» под чужие цели. Финансовая система России является частью МФС, соответственно, использовать сложившийся инструментарий для развития России весьма затруднительно, если вообще возможно.

■

Чтобы стать жизнеспособным и устойчивым региональным центром, надо рассматривать и оценивать не только экономические перспективы. Россия должна быть привлекательной в духовном смысле, являя себе и миру соответствующую модель бытия, жизнеустройства, не только провозглашая, но и реализуя в действительности защиту своих ценностей. Поскольку Россия, как мы отметили, не сформулировала стратегические ценности и цели, и, соответственно, не может выработать адекватной им модели развития, она не может вести и определяемой этими критериями политики. Тем не менее, политика как некий факт существует, и мы вправе попытаться оценить ее с точки зрения угроз ценностному ядру — или же, напротив, его сбережения.

Внутренняя политика на протяжении двух десятилетий как в сфере идей, так и в области материального производства опирается на некритическое повторение одних и тех же лозунгов борьбы с прошлым и следование неолиберальным принципам. Политическая элита России игнорирует многочисленные и глубокие исследования и рекомендации, продолжающие рождаться в отечественной и мировой науке. О гибельных последствиях такой близорукости мы сказали выше. Сегодня надо попытаться понять причину подобной невосприимчивости «политической элиты». Внешняя политика России тоже вызывает тревогу, поскольку не выглядит последовательной с точки зрения отстаивания и сбережения собственных ценностей.

Россия сегодня – это неухоженная разграбленная могила Советского Союза, на которой одновременно остаются и осиротевшие родные и близкие покойного, и его убийцы, и мародеры.

■

Ценностное ядро народа и смысл его существования обретается и не теряется в форме осознанной модели развития страны. Поиск путей финансовой самостоятельности и устойчивости обретает смысл и перспективы успеха, если он увязан с поиском адекватной модели развития, ее сопоставлением и взаимодействием с другими моделями.

Модель развития США и западного мира в целом находится в стадии глубокой трансформации, проявляющей себя, в частности, в форме финансово-экономического кризиса. Важно понимать, что этот кризис не есть временное заболевание, после которого «все будет по-прежнему». Создается новый мир с новыми правилами отношений, и место России в этом мире может быть приемлемым, неприемлемым и даже просто отсутствовать. Если Россия не предъявит себе и миру своей системы ценностей и целей, которой она не только обладает как данностью, но и готова ее защищать, применяя соответствующую модель развития страны, ее участь будет определена другими странами, исходя из их собственных интересов и целей.

Модель развития Китая нуждается в более глубоком осмыслении, нежели поверхностные оценки типа «плановая», «рыночная», «коммунистическая», «госкапиталистическая» и т.п. Важно понимать, в какой мере цели, ценности и модель развития Китая представляют угрозу или же могут способствовать развитию нашей страны и народа. При этом сопоставлять и сравнивать надо не исходя из голого экономизма – надо анализировать вредное или благотворное влияние в мире духовных ценностей.

Модель развития России нуждается в ином: в появлении на свет. Сегодня ее не существует ни в виде политического кредо, ни в виде социально-экономического проекта, ни в виде осознания метафизического смысла существования. Существуют лишь разнообразные «хвосты», тянущиеся из прошлого.

■

Важно понимать, что модель развития страны не может быть навязана одной частью общества всем остальным. Необходимо осознание и настойчивая артикуляция ценностного ядра народа. Только объединение на основе общего ценностного ядра может стать основой выработки той модели жизнеустройства, которая позволит развивать страну, развиваться ее народам. России нужен ценностный консенсус, примиряющий все сферы: политическую, экономическую, культурную, моральную, светско-религиозную... Консенсус не означает единомыслия или массового благостного отказа от собственных принципов. Россия неоднородна по всем измерениям своего бытия и не станет однородной в обозримом будущем. Любая попытка сделать Россию однородной – приведет ее к гибели. Наше общество расколото очень глубоко и по всем линиям разлома. Оно может существовать и развиваться, только найдя хоть какие-то области согласия в базовых ценностях и целях. Даже если зоны консенсуса окажутся очень маленькими, в них спасение. Если они не будут найдены, мы не обретем смысла совместного бытия и либо мы сами вновь попытаемся перебить друг друга, либо нас рассеют в мировом пространстве «третьи силы», либо оба механизма будут действовать одновременно.

Именно создание новых моделей развития составляет реальный мощный потенциал, лежащий не в сфере финансов и экономики. Новые модели развития – это не разговоры о новой архитектуре МФС. Это системы ценностей, оперирующие такими понятиями, как гуманизм и справедливость, как честь и достоинство, как национальный менталитет и традиции и т.д. Экономические модели есть лишь технологии достижения нематериальных целей. Финансовая система страны должна служить целям развития, быть инструментом развития[3]. Если Россия сможет предложить себе и миру модели развития, ставя при этом нематериальные цели – цели, соответствующие своим представлениям о добре и зле, тогда станут ясны и могут быть выработаны и финансово-экономические технологии их достижения. Образ будущего должен опираться прежде всего на представление о духовно-нравственном состоянии общества, о мере социальной справедливости, об уровне развития культуры, науки, искусств, об экологическом балансе, и лишь во вторую очередь – об уровне необходимого и достаточного материального потребления и производства. Наконец, образ будущего должен исходить – в том числе и в первую очередь – от политической элиты страны. Элита должна ассоциироваться с образом будущего, и образ будущего должен быть связан с элитой настоящего. Если этого нет – значит, тот социальный функционал, который занимает место элиты, неполноценен, непредсказуем и, следовательно, опасен для будущего страны и народа.

Кризис не есть временное заболевание, после которого «все будет по-прежнему». Создается новый мир с новыми правилами отношений, и место России в этом мире может быть приемлемым, неприемлемым и даже просто отсутствовать.

[3] Белкин С. Четвертый ключ к будущему. // Банки и деловой мир. №10(178), октябрь 2009 г., стр.44-46.

Три фасада ЦУМа

Александр Белкин

От редактора:

Архитектура – особый вид искусства. Она развивается в прямой зависимости от уровня материальных условий, эстетических идеалов и идеологических принципов времени. Архитектура отражает и запечатлевает на десятилетия, порой – на века – как взлеты и достижения заказчиков и творцов своего времени, так и их ошибки, заблуждения, дурновкусие. В этом смысле архитектурный облик среды, изменения в ней происходящие, могут служить не только иллюстрацией, но и «измерительным средством», позволяющим исследовать динамику общественных ценностей, способов их сохранения и разрушения.

История зданий ЦУМа – показательный пример. Прежде всего, в том отношении, что во всех трех случаях речь идет о расширении торговых площадей, то есть, перед заказчиками стояла «экономическая» задача, которую архитекторы во всех трех случаях, разумеется, решили. Одновременно с утилитарной «экономической» целью возникали и эстетические цели или как минимум последствия.

В первом случае архитектор Р. Клейн создал эстетически полноценный объект, украсивший город и одновременно усиливающий экономическую выгоду для владельцев магазина: здание привлекает покупателей, оно само стало, говоря современным языком, брендом.

Во втором случае решалась иная эстетическая задача: не навредить городской среде и одновременно показать способность продолжить ту же линию, используя новый архитектурный язык. Несмотря на очевидную скупость средств и ограниченность возможностей, авторы не поступились профессиональным уровнем.

В третьем случае авторы оказались не способны решить ни одной из задач, кроме тривиального увеличения торговых площадей. В результате тот потенциал эстетического развития городской среды, который несло в себе исключительное по своей ценности место – сквер и фасад, выходящий на Кузнецкий мост, – оказался не только не использованным, но использованным во вред: вместо развития налицо регресс.

Архитектурный анализ проблемы – в предлагаемой статье заведующего кафедрой архитектуры Московской государственной академии коммунального хозяйства и строительства проф. **А.Н. Белкина**.

Если смотреть на Центральный универмаг со стороны Большого театра, увидишь три разных фасада одного здания. Это результат двух масштабных реконструкций – 1974 и 2008 годов – знаменитого торгового дома «Мюр и Мерилиз», построенного в 1908 году. Таким образом, фасад ЦУМа по Петровке отражает развитие архитектуры Москвы в течение столетия, при этом каждая из трех его частей является яркой характеристикой своего времени.

■

Здание магазина «Мюр и Мерилиз» было построено по проекту архитектора Р.И. Клейна в 1908 году на месте сгоревшего трехэтажного здания, принадлежавшего уже тогда знаменитому торговому дому. Новая постройка на Театральной площади вызвала противоположные реакции, и это понятно: с одной стороны, новаторское здание в стиле модерн с использованием элементов готики высотой в 7 этажей и активным силуэтом нарушало спокойный строй классицистического ансамбля Театральной площади; с другой стороны, привлекала новизна и выразительность стиля, несомненные функциональные достоинства, обеспеченные, в том числе, новаторским конструктивным решением металлического каркаса, выполненным по проекту инженера В.Г. Шухова.

Свежий, запоминающийся облик каркасного, с огромными окнами здания, его угловая башня стали лучшей рекламой торговому дому. Ширина оконных проемов убывает снизу вверх, обогащая этим ритмом обычно безразличный рисунок фасада каркасного здания. Вдоль неширокой

Николай II и его свита объезжают войска, выстроенные на площади перед Большим театром во время смотра 17 апреля 1900 г. Справа – универмаг «Мюр и Мерилиз» до пожара

Проект бокового фасада

Петровки была устроена проходная галерея со входами внутрь. Окна второго этажа охватывали здание сплошной стеклянной лентой. Окна третьего разделяют соответствующие стойкам каркаса пилястры, выше узкие простенки – импосты делят окна на три и, в верхнем этаже, четыре части. Этот ритм обеспечил эффектную композицию фасадов, в которой легкий низ постепенно переходит в утяжеленный верх, зрительно «отрывая» здание от земли. В общем, к новому зданию магазина привыкли и полюбили его. Его архитектура в полной мере отражала время – и его художественные ценности, и технические достижения, и функциональные приоритеты. В 1974 году была проведена масштабная реконструкция ЦУМа по проекту архитекторов С.И. Никулина, Ю.В. Омельченко и А.А. Казакова. Исторический облик старого здания был сохранен, а интерьеры объединены, фасад по Петровке был продолжен в формах новых, характерных для начала 70-х годов, вдоль Неглинки и Кузнецкого моста также возникли новые фасады. Эта 6-этажная пристройка при всей простоте и скромности, даже скудости архитектуры того времени, обладала цельностью объемного и пластического решения. Высокий профессионализм и талант авторов отразился в глубоком понимании ими композиционной основы исторического реконструируемого здания. Пластика трех новых фасадов продолжила не только основные горизонтальные членения стен постройки Р.И. Клейна, но и динамику ритма оконных проемов по вертикали. Фасад со стороны улицы Кузнецкий мост был увязан с композицией сквера, созданного по проекту (1945 года) архитектора В.И. Долганова. Подпорные стенки, с трех сторон отделявшие территорию сквера от тротуаров, были облицованы гранитными плитами, заготовленными гитлеровцами для возведения монумента в знак победы над СССР.

К 2008 году была завершена вторая реконструкция ЦУМа по проекту коллектива авторов 22-й мастерской Моспроекта-2, возглавляемой А.Д. Мерсоном. Новая пристройка заняла весь сквер по ул.Кузнецкий мост и широкое крыльцо-террасу вдоль ул.Неглинки., был уничтожен также проход-галерея вдоль Петровки. На удивление невыразительные, многостильно-эклектические, никак композиционно не связанные с реконструируемым зданием и окружением фасады откровенно беспомощны. Пристройка высотой в 6 этажей разделена пополам промежуточным карнизом. Плоские пилястры на простенках объединяют 2-й и 3-й этажи, 4-й – 6-й этажи есть не везде, от середины пристройки они уступами спускаются к Кузнецкому мосту так, что фасад по этой улице – трехэтажный. Центр этого фасада прорезан на всю высоту от крыльца до карниза большим витражом, к которому пристроен тамбур с сильно выступающим козырьком. Разностильные детали и приемы декоративного оформления фасадов удивляют своей пластической слабостью. При этом оконные проемы, роль которых столь значима в композиции Клейна, понята и продолжена в реконструкции 1974 года, здесь безразлично одинаковы. Реконструкция 2008 года не просто плоха, она выходит за рамки профессионализма, потому что не несет в себе даже минимально необходимой культуры.

Боковой фасад со стороны Петровки

Новый фасад со стороны Кузнецкого моста

Диалоги о развитии

Ведущий – главный редактор альманаха «Развитие и экономика» **С. Белкин**

Наш собеседник – **Вячеслав Иванович Лупачев,** руководитель подразделения Государственного академического Мариинского театра по развитию и реализации инновационных программ.

Сергей Белкин: Вячеслав Иванович, я хотел бы в нашем с вами общении коснуться как общетеоретических, философских сторон проблем развития, так и практической стороны дела, тем более, что для вас развитие – развитие театра – является просто-напросто прямой служебной обязанностью. Если позволите, я бы предложил двигаться «от теории к практике». Мой первый вопрос относится к сфере фундаментального знания и очень близок к знакомому со студенческой скамьи «основному вопросу философии». Сформулируем его более приземленно, стараясь нащупать верный тон нашего альманаха: «Что – как тема и направление дискуссии – важнее: «культура и развитие» или «экономика и развитие?».

Вячеслав Лупачев: Безусловно, культура является приоритетом, ибо деятельность в сфере «экономического развития» предполагает принятие множества ответственных решений, обоснованность, необходимость и качество которых непосредственно зависят от общего уровня культуры принимающих их субъектов.

С. Б.: Я согласен с вами, но хотел бы кое-что уточнить. Тот аспект роли культуры в обществе, на который вы указали, несомненно, важен и зачастую является определяющим поведение и цели людей, в том числе и лиц, принимающих решение. Я бы назвал его инструментальным аспектом или

В. Гергиев и оркестр Мариинского театра в новом Концертном зале

фактором. Я задам риторический, как мне кажется, вопрос: исчерпывается ли роль и функция культуры этим? Или же культура сама по себе является, или же должна являться ценностью и целью всякого развития, а экономика – всего лишь и только инструмент, средство?

В. Л.: Экономика – это базис, производящий материальную составляющую культуры. В идеале все происходящее в сфере экономического развития должно способствовать гармоничному развитию и приращению духовных ценностей как второй составляющей культуры.

С. Б.: Давайте затронем близкую вам сферу – музыку. При этом я хотел бы коснуться социально-экономических проблем общества, в частности, проблемы потребительства. Механизм современной экономики, так называемого «свободного рынка» требует непрерывной замены одного товара или услуги на нечто новое, призванное его вытеснить. На это работает огромный институт моды, рекламы, искусственной стимуляции спроса и т.д. Это важнейший фактор и инструмент непрерывного разгона мировой экономики, ведущий, по-видимому, в пропасть. Та часть музыки, которая называется масс-культурой, «попсой» и т.п., живет именно по таким законам. Постоянная смена имен исполнителей, их одежд, пластики и манер создает у невзыскательной части публики ощущение некоего непрерывного движения вперед и формирует потребность потреблять «новое». Однако параллельно с этим существует другой мир и другая жизнь. Я имею в виду «классическую» или «академическую» музыку. Она, в отличие от «попсы», не меняется десятилетиями и даже столетиями. Моцарт уже 250 лет не изменяется... Развиваемся ли мы, слушая «одного и того же Моцарта» на протяжении столетий?

В. Л.: Безусловно, развиваемся.

С. Б.: Почему?

В. Л.: Специфика академической музыки (не только Моцарта) в том, что она способна воздействовать на восприятие многоаспектно, доставляя одновременно и чувственное (можно даже сказать, физиологическое) удовольствие, и вызывая эмоциональный, душевный отклик, и пробуждая, активизируя в гораздо большей степени, чем иные жанры, интеллектуальную сферу.

Каждая личность развивается, постигая музыку Моцарта. Суммарным итогом развития множества личностей становятся определенные изменения в определенных частях социума. (Кстати, восприятие музыки, как и любого искусства, в диахроническом разрезе меняется: впечатления современников и потомков могут чрезвычайно разниться).

С. Б.: Как быть с жанрами современной не академической музыки? Является в действительности ли «попса» социальным «дебилизатором»?

В. Л.: Если говорить об иных, не академических жанрах, то и здесь порой происходят такие «попадания». Так что огульно называть все это разнообразие «дебилизатором», вероятно, не стоит. Скорее, это зеркало, в котором отражается современный мир, движущийся во все более убыстряющемся темпе, во все более нервных и рваных ритмах. Кстати, неслучайно, коли уж мы говорим о различных направлениях популярной не академической музыки, появление наиболее сильных, выразительных авторов и исполнителей бывает связано с разного рода протестными движениями.

Конечно, подлинные удачи достаточно редки, но подлинное искусство никогда не рождается просто, ведь академических музыкантов множество, а Моцарт только один.

С. Б.: Величайшие образцы мировой музыки очень часто создавались в неблагоприятных исторических условиях. В чем проблема, есть ли в этом закономерность?

В. Л.: Неблагоприятные исторические условия могут налагать отпечаток на творческий процесс, но от собственных любовных переживаний, к примеру, композитор зависит ничуть не меньше, а то и больше. И, конечно, поиск смысла жизни, духовные искания, которые каждому приходится пройти в зависимости от степени одаренности.

Судите сами: Бетховен жил в эпоху Великой французской революции и наполеоновских войн, а жизнь Чайковского пришлась на редкостную в русской истории эпоху спокойствия (относительного, конечно, как всегда в России). Да и Глинка с Даргомыжским как-то в стороне от катаклизмов остались. И Мусоргский с Бородиным...

С. Б.: Могут ли в современных российских реалиях осуществляться коммерчески успешные музыкальные проекты?

Да, конечно, могут, но при соблюдении некоторых условий: финансовые затраты на организацию должны полностью покрываться стоимостью билетов. Это возможно при организации камерных концертов достаточно популярных солистов и/или небольших коллективов. Ведь не придет в голову считать убыточным сольный концерт певицы Анны Нетребко и пианистки Елены Башкировой в Кремлевском дворце съездов.

А вот при постановке вагнеровского «Кольца» без спонсоров уже не обойтись...

Кстати, многие оперные певцы, выходя на эстраду с популярными песнями, могут обогнать по доходам ветеранов тяжелого рока, кропотливо годами записывающих в студии свои альбомы. Так что и здесь не все так однозначно...

С. Б.: Вот мы и подошли в нашей беседе к практике дня сегодняшнего. Расскажите, пожалуйста, как развивается великий Мариинский (Кировский) театр? Что уже сделано, каковы дальнейшие планы?

В. Л.: Мариинский театр во главе с Валерием Гергиевым за последние два десятилетия стал одним из лидеров мирового музыкально-театрального процесса, широко раздвинув рамки привычного репертуара. Колоссальная просветительская работа, которую коллектив ведет и в родном Петербурге, и по всей России, позволила сотням тысяч преданных поклонников и только начинающих знакомство с миром театра и музыки зрителей прикоснуться к подлинным шедеврам мирового музыкального наследия. И здесь лидерство Мариинского театра бесспорно. Грандиозные фестивали: «Звезды белых ночей», Пасхальный фестиваль, фестиваль балета «Мариинский» и др. – получили широчайшее признание в России и за рубежом.

Сегодня кроме исторического здания Мариинский театр располагает уникальным концертным залом, входящим, без преувеличения, в тройку лучших по акустике залов мира, где в 2009 году был установлен не менее уникальный по своим качествам орган.

Близится к завершению строительство второй сцены.

Еще в прошлом веке, в июне 1999 года, Мариинским театром была проведена первая в мире интернет-трансляция оперы «Пиковая дама».

В апреле 2010 состоялась первая в мире 3-D трансляция и запись балетного представления.

Мариинский театр имеет собственный звукозаписывающий лейбл. Диски, выпускаемые им, регулярно удостаиваются самых высоких оценок музыкальной критики.

И, наконец, Мариинский театр организовал собственный интернет-канал mariinsky.tv В планах руководства театра его расширение в самом ближайшем будущем, как и создание собственного радио Мариинского театра.

С. Б.: То, что Вы рассказали – впечатляет. Мариинский театр несомненно развивается. А вот какой период сейчас переживает Россия?

В. Л.: Сложно ответить однозначно. Однако, несмотря на наличие различных, порой разнонаправленных тенденции, Россия идет вперед...

С. Б.: Спасибо вам, Вячеслав Иванович, за беседу. Надеюсь, мы с вами сможем продолжить разговор «на тему развития» в последующих номерах альманаха.

Круглый стол

«Неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды»

Пицунда, 29-30 ноября 2010 г.

под ред. **М.Ю. Байдакова** и **С.Н. Белкина**

29-30 ноября 2010 года в Пицунде (Абхазия) прошел круглый стол «Неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды», организованный Постоянно действующим форумом (далее ПДФ) «Запад-Восток: интеграция и развитие» и Институтом экономики РАН при поддержке «Миллениум Банк» (ЗАО). Мероприятие проводилось под патронажем Кабинета министров Республики Абхазия и при участии премьер-министра Сергея Шамбы.

Тема круглого стола отразила один из центральных конфликтов нашего времени. Мир находится в стадии глубокой трансформации, которая проявляется, в частности, в глобализации мировых экономических и культурных отношений и сопровождается глубоким системным мировым кризисом. Ученые, политики и общественные деятели обеспокоены тем, как экономические и политические преобразования в разных странах будут влиять на устоявшиеся ценности, лежащие в сфере духовной культуры, традиций, морали. Не меньшую озабоченность вызывает и обратное влияние: как традиционные ценности и культура способствуют или препятствуют внедрению новых социально-экономических подходов? Участников круглого стола объединило стремление к поиску гармоничного взаимодействия и взаимовлияния духовных ценностей общества и необходимых социально-экономических преобразований.

Участники круглого стола приняли итоговые документы: «Открытое обращение» и «Меморандум», в которых выразили уверенность в возможности установления гармонии между прогрессом и традицией и призывали всех присоединиться к дальнейшему обсуждению проблемы.

Ведущими круглого стола выступили генеральный директор ПДФ «Запад-Восток: интеграция и развитие» **М.Ю. Байдаков** и академик **О.Т. Богомолов** — научный руководитель междисциплинарного проекта РАН «Взаимовлияние экономики и общественной среды».

ОРГКОМИТЕТ

Сопредседатели оргкомитета:

Байдаков Михаил Юрьевич – Генеральный директор Постоянно действующего Форума «Запад-Восток: интеграция и развитие», Председатель Правления «Миллениум Банк» (ЗАО).

Гринберг Руслан Семенович – Член-корр. РАН, директор Института экономики РАН.

Научный руководитель проекта:

Богомолов Олег Тимофеевич – Академик РАН, научный руководитель междисциплинарного проекта «Взаимодействие экономики и общественной среды».

Заместитель председателя оргкомитета:

Белкин Сергей Николаевич – Исполнительный директор Постоянно действующего Форума «Запад-Восток: интеграция и развитие».

Члены оргкомитета:

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Сильверстов Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе Финансовой академии.

Симчера Василий Михайлович – доктор экономических наук. Профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Института НИИ статистики Росстата.

Словачевский Валентин Михайлович – доктор экономических наук, старший советник Председателя Правления - Руководитель группы развития «Миллениум Банк» (ЗАО).

Смирнов Вильям Викторович – доктор юридических наук, профессор, зав. сектором политологических исследований Института государства и права РАН.

Сорокин Дмитрий Евгеньевич – Член-корр. РАН, Первый заместитель директора Института экономики РАН.

Шевцова Галина Игоревна – кандидат исторических наук, координатор мероприятия.

М.Ю. Байдаков

Приветственное слово

Я хочу поблагодарить наших абхазских коллег за то, что круглый стол будет проходить на этой гостеприимной земле. Я хочу поблагодарить Сергея Мироновича Шамбу, премьер-министра Республики Абхазия, который нашел время для того, чтобы присутствовать сегодня здесь, с нами. И я хочу пожелать всем нам успешной работы.

Сегодня перед нами стоит задача оценить состояние российской экономики по сравнению с социальными, культурными, демографическими проблемами. Стоит обсудить цивилизационную проблему развития, упомянуть о комплексности не только кризиса, а вообще о том, что развитие человечества, его существование и мировоззрение являются комплексной и очень цельной структурой. Этому совершенно не уделяется внимание, а ведь этот вопрос необходимо серьезно исследовать.

Я хотел бы обозначить три основных задачи этого круглого стола. Во-первых, мы должны заявить о том, что необходимо в междисциплинарном, в межнаучном пространстве начинать исследовать комплексность развития человечества. Второе – необходимо начать собирать костяк людей, готовых к постоянной работе в этой области. И третье – следует попытаться структурировать эту задачу.

С.М. Шамба

Приветственное слово

Я приветствую всех участников круглого стола и хочу сразу отметить, что для Правительства Республики Абхазия является очень важным и значимым тот факт, что такой представительный форум будет проходить на нашей земле. Тем более, что темы, которые здесь будут обсуждаться, сейчас становятся для нашей страны особенно актуальными. Абхазия сейчас переживает такой период, когда духовно-нравственное состояние общества подвергается сильному воздействию внешней среды. Даже экономический кризис не так сильно давит на нас, потому что мы перешли в эту стадию из гораздо худшего состояния.

В нашем обществе традиционно существует такая культура, как Апсуара. Это нравственный кодекс поведения, чести, который сложился издревле, и на него наложили отпечатки разные культуры, с которыми соприкасалось абхазское общество. Так, в разных слоях общества можно заметить влияние, скажем, античной культуры, византийской, с которой Абхазия соприкасалась непосредственно, персидской, османской и, естественно, русской и советской. Сейчас мы видим, что к Апсуара очень часто начали возвращаться и в народе, и в научных кругах. Есть несколько новых серьезных монографий на эту тему. И сохранение этой особой идентичности, наверное, всегда было главной задачей абхазского общества, тем более что, как я сказал, воздействие внешних сил сказалось на многих отраслях нашей жизни. Несмотря на все эти сложности, сохранился абхазский этнос со своей культурой, со своим древним кодексом Апсуара, который, если коротко его сформулировать, говорит о том, что эту землю абхазам дал Бог. И главная задача абхазцев – защищать эту землю, а потом уже заниматься всем остальным, производным от этого. Сквозь века, сквозь различные перипетии исторической судьбы наши предки дошли до наших дней, все-таки сохранив свой язык, свою древнюю культуру.

Сейчас наступает новая угроза – глобализация. С одной стороны, это прогрессивное явление, с другой – угроза для небольших этносов. Абхазскому народу необходимо найти в сложившейся ситуации золотую середину, как это в свое время сделали японцы, провозгласив доктрину «Западные технологии, японский дух». Они совместили свои традиции и технологические воздействия Запада. Мы сейчас как раз находимся на такой стадии, когда нам нужно выбрать путь, при котором возможно было бы и сохранить идентичность, и вовлечь Абхазию в глобализационные процессы. Именно поэтому Ваш форум и темы, которые будут здесь обсуждаться, представляют для нас особый интерес. И Абхазия достойна и готова стать традиционной площадкой для подобных встреч.

УЧАСТНИКИ

Основные докладчики:

Байдаков Михаил Юрьевич – Генеральный директор Постоянно действующего Форума «Запад-Восток: интеграция и развитие», Председатель Правления «Миллениум Банк» (ЗАО).

Белкин Сергей Николаевич – Исполнительный директор Постоянно действующего Форума «Запад-Восток: интеграция и развитие», кандидат физико-математических наук.

Богомолов Олег Тимофеевич – Академик РАН, научный руководитель междисциплинарного проекта «Взаимодействие экономики и общественной среды».

Дамениа Олег Несторович – руководитель Центра стратегических исследований при Президенте Абхазской Республики.

Коврига Александр Васильевич – заместитель главного редактора научного журнала «Социальная экономика» Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина.

Кучкаров Захирджан Анварович – доктор экономических наук, профессор, директор Аналитического центра «Концепт».

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Павленко Юрий Григорьевич – доктор экономических наук, заведующий Центром изучения институтов гражданского общества Института экономики РАН.

Разлогов Кирилл Эмильевич – доктор искусствоведения, директор Института культурологии РАН.

Симчера Василий Михайлович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Института НИИ статистики Росстата.

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, заведующая лабораторией социально-трудовых отношений Института экономики РАН.

Томашевская Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор, сотрудник Центра стратегических исследований при Президенте Абхазской Республики.

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан социологического факультета РГГУ.

Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, заведующая сектором социальной философии Института философии РАН.

Федотова Наталья Николаевна – кандидат социологических наук, доцент МГИМО (У).

Шевцова Галина Игоревна – кандидат исторических наук, координатор мероприятия.

Участники дискуссии:

Кочеляева Н.А., ученый секретарь Российского института культурологии Министерства культуры РФ.

Шашкин П.А., отв. секретарь экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси.

Шпотя Д.А., стажер-исследователь Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Чернов М.И., руководитель движения «За Свободную Осетию».

Камкия Б.А., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Сочинского института РУДН, к.ф.н., доцент.

ДОКЛАДЫ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ДИСКУССИИ

Олег Тимофеевич Богомолов,
Академик РАН, научный руководитель междисциплинарного проекта «Взаимодействие экономики и общественной среды».

Роль неэкономических сфер в модернизации экономики

Только что увидело свет подготовленное под моим руководством междисциплинарное исследование «Неэкономические грани экономики». Данная книга содержит научные и публицистические статьи известных ученых и общественных деятелей. Читателя может озадачить, почему в тот момент, когда нас тревожит состояние российской экономики, мы выбрали то, что, казалось бы, лежит за пределами волнующих нас проблем? Дело в том, что другие сферы общественной жизни оказывают существенное воздействие на состояние дел и в экономической области. Я постараюсь на примерах подтвердить это. Разве столь малозначительны для экономики идеи влиятельных ученых и политиков, господствующие в обществе идеологии? От них зависит очень многое – и курс развития, и его результаты. Едва ли можно пренебречь тем, что сегодня наука обозначается как «человеческий капитал», то есть знаниями людей, квалификацией, здоровьем населения. Разве человеческий капитал – это не важнейший фактор экономической и социальной модернизации? И разве демократические процессы в стране не связаны с экономикой, с нашим будущим? К сожалению, архитекторы российских реформ недооценили тот факт, что общество – единый организм, в котором все системы тесно взаимосвязаны и взаимодействуют. Книга обращает внимание на то, что нередко ускользает из поля зрения политиков и экономистов, на остающееся еще непознанным в полной мере взаимодействие духовных и материальных, экономических и социальных начал в развитии общества.

Избранная авторами тема подсказана необходимостью разобраться в причинах переживаемого страной затяжного кризиса. Беды, испытываемые нашим обществом, ныне усугублены глобальным экономическим кризисом. Но их корни следует искать не столько вовне, сколько внутри России. Страна на протяжении почти двух десятилетий реформируется по западным, неолиберальным лекалам, которые, как показал опыт, не подошли России. Кроме того, они оказались вчерашним днем идеологической моды.

Глобальный кризис выявил пороки современного капитализма. Они со всей очевидностью вскрылись не только в сфере финансов, денежно-кредитного и валютного оборота, не только в производстве и торговле, но и в функционировании западной демократии, в состоянии культуры и нравственности. «Рыночный фундаментализм laissez-faire последних 20 лет драматически провалил экзамен», – говорится в докладе ЮНКТАД «Глобальный экономический кризис: системные провалы и мультилатеральные средства лечения». Даже из лагеря убежденных либералов все громче раздаются критические голоса. В январском номере 2010 года журнала «Экономист» констатируется: «Мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который можно назвать «государственным капитализмом»[1]. Словом, зреет понимание необходимости перехода к новой модели развития общества и его экономики. Какие выводы могут вытекать из этого для развития России?

По мнению авторов упомянутой книги, выход из российского кризиса не сводится к устранению выявившихся сбоев в функционировании финансово-кредитной и производственных систем, снятию остроты возникших в экономике проблем. Оздоровление и модернизация экономики станут возможными лишь тогда, когда будут опираться на новую идеологию и стратегию переустройства общества, когда общество будет вооружено пониманием конечных целей преобразований, а сами цели будут рождать подъем народного духа и энергии. Реформы, требующие из года в год жертв со стороны основной массы населения, вызывают разочарование и апатию. По мысли авторов книги, успех реформирования и его народная поддержка гарантированы тогда, когда оно шаг за шагом повышает уровень жизни населения, неуклонно расширяет его платежеспособный спрос и, как следствие, рынок для промышленности и сельского хозяйства. При этом на базе роста производства усиливается социальная направленность политики государства.

> **Страна на протяжении почти двух десятилетий реформируется по западным, неолиберальным лекалам, которые, как показал опыт, не подошли России.**

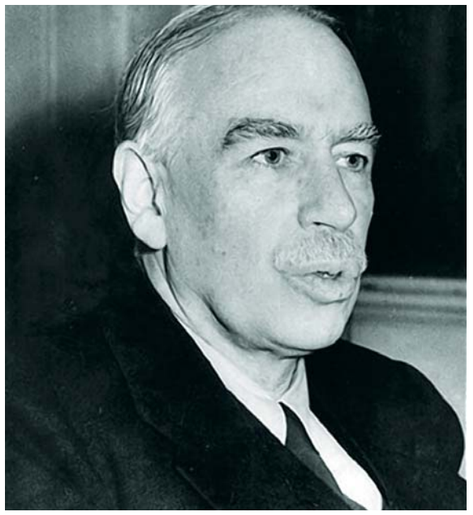
Экономическая роль государства является одной из центральных в рассматриваемой тематике. Должно ли оно максимально уступить место частному бизнесу и проводить политику «дерегулирования», или, напротив, совершенствовать свои управляющие функции, чтобы восполнять провалы рынка, обеспечивать социальную справедливость и гармонию интересов различных слоев общества? От правильного решения этой дилеммы многое зависит.

Предстоит направить максимум усилий и средств на построение правового государства и гражданского общества, на развитие образования, здравоохранения, науки, подъем культуры, воспитание подрастающего поколения, оздоровление морального климата в стране. Без этого переход на инновационную модель развития едва ли осуществим.

Возникает вопрос, является ли политика приоритетной или экономика предопределяет все остальное? Считалось, что материальное бытие определяет характер и архитектуру политической надстройки. Однако переход от административно-плановой системы управления страной к рыночным механизмам показал, что связь как раз обратная – первенство идеологии и политики над экономикой несомненно. А это означает, что от политического выбора, воли правящей верхушки зависит общая направленность и этапы изменений в экономике, и верные политические решения определяют экономический успех. Эффективность и компетентность государственного управления – вот приоритетная сфера, потому что ошибки в этой «надстройке» ведут к серьезным провалам в экономическом развитии.

В связи с этим хочу остановиться на таком понятии как сила идей. Всякая политика опирается на определенные идеологические установки, а идеология формируется на основе тех или иных теоретических концепций. Формулируемые учеными закономерности, даже если их знание ложно, могут быть взяты на вооружение государственной политикой и подчинять себе поведение миллионов людей. И только тогда, когда

[1] The Economist, January 23rd-29th 2010. p.22.



само развитие общества выявит ошибочность этих идей, наступают изменения, коррекция курса, но это часто бывает связано с большими катаклизмами.

Джон Мейнард Кейнс, знаменитый английский экономист первой половины XX века, писал, что «идеи экономистов и политологов – и когда они правы, и когда ошибаются, – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они правят миром»... Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей... Рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла». Идеи и теории, овладевающие большими массами людей, становятся материальной силой и могут изменить природу общества. В истории нашей страны мы столкнулись с тем, что на протяжении 70 лет развитием общества управляли далеко не бесспорные идеи. Затем выявилось, что они не соответствуют объективным условиям, их пришлось корректировать и менять.

Российский либеральный фундаментализм, скроенный по американским лекалам и лежащий в основе наших сегодняшних реформ, тоже все очевиднее обнаруживает свою несостоятельность. В массовом сознании зреет понимание, что так долго продолжаться не может, и как идеология, так и политика нуждаются в пересмотре.

Джон Мейнард Кейнс:

«Идеи экономистов и политологов – и когда они правы, и когда ошибаются, – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они правят миром»…

Это подтверждает и мировой опыт. Современный капитализм вынужден во имя социального мира и консолидации общества придавать экономическому развитию все большую социальную ориентацию. Это становится императивом для многих стран. Не случайно в Европе появилась социальная модель капитализма. У немцев еще в послевоенные годы возникла идея социального рыночного хозяйства, которую они положили в основу экономической политики. Сегодня мы чаще всего говорим о государствах социального благосостояния. Журнал Newsweek недавно опубликовал рейтинг стран мира, составленный по пяти основным критериям: состояние образования, здравоохранения, качество жизни, включающее материальный уровень и многие другие его показатели, и, наконец динамику экономического развития и политическую обстановку в стране. Лидером по совокупности критериев стала Финляндия. Помимо Финляндии в первую десятку стран вошли Швеция, Швейцария, Норвегия, Нидерланды, Дания, Канада, то есть те государства, которые мы обычно причисляем к социальной модели капитализма, или государствам благосостояния. Россия в этом рейтинге заняла только 51-е место. У Соединенных Штатов тоже не лидирующие позиции – 11-е место.

Государства социального благосостояния, которое либералы критикуют как нежизнеспособную модель, на самом деле показывают достаточно впечатляющие результаты. Чтобы подтвердить это, приведу некоторые статистические данные. Какова роль государства в ориентации экономического развития? Эта роль может быть проиллюстрирована на примере распределения созданного в стране валового внутреннего продукта (ВВП).

Государства все активнее участвуют в его перераспределении. Сто лет назад их участие было довольно скромным. Доля государственных расходов в ВВП в целом ряде стран мира в 1913 году, то есть сто лет тому назад, составляла около 10%. Рекордсменом была Франция —17%. Но к концу XX века этот показатель поднялся почти до 50%. и выше. Что это означает? В пору столетней давности бюджетные деньги тратились в основном на содержание государственного аппарата и военные нужды. Но с тех пор наблюдается все большее участие государства в обеспечении целого ряда социальных потребностей. Это новая структура расходов: на здравоохранение, образование, науку и культуру, охрану окружающей среды и пр. Чем выше эти расходы, тем более бюджет и распределение доходов приобретают социальную ориентацию. Доля государства в распределении ВВП сильно возросла, но особенно увеличились его расходы на социальные трансферты, то есть на финансирование новых статей бюджета, удовлетворяющих социальные нужды населения и способствующих поддержанию мира и спокойствия в обществе.

Государства социального благосостояния, особенно европейские, стремятся путем своего вмешательства в распределение доходов свести разницу между бедными и богатыми к более или менее приемлемым пропорциям. Это стало в наш век залогом экономического подъема и конкурентоспособности стран на мировой арене. Без этого нельзя прирастить и социальный капитал, который характеризует духовный климат общества, доверие людей и друг к другу, и к социально-экономическому устройству страны, и к власти. А благоприятный духовный климат тоже существенно воздействует на положение дел в экономике.

Напомню, что в Конституции Российской Федерации наше государство названо социальным, но, к сожалению, нет расшифровки, что такое социальное государство сегодня. Что должно входить в это понятие? Это предстоит выяснить науке и закрепить в идеологии. Пока 20 лет наших реформ не говорят о том, что развитие страны приобрело социальный вектор. Между тем, построение в России социального государства, на мой взгляд, гораздо в большей степени, чем реставрация капитализма, отвечает психологии людей и историческому опыту. В общем, должна быть связь между временами. Нельзя отбросить все, что было, и начать строить заново, тем более что в прошлом у нас была одна из лучших систем образования и здравоохранения. Мир во многом ориентировался на то, что делалось в Советском Союзе, когда на Западе происходили соответствующие социальные сдвиги. Выбор модели социального государства, на мой взгляд, означает целый ряд признаков, в частности, сохранение завоеваний прошлого и большую регулирующую роль государства. Также это недопущение неоправданного, избыточного разрыва между бедными и богатыми, нищеты и большой безработицы, равные возможности в реализации своих способностей, в получении образования и обеспечении своим трудом достойного уровня жизни. Помимо этого стоит упомянуть об обеспечении демократических процедур принятия решений и честного информирования общества о положения дел в стране, поддержке институтов гражданского общества, расширении свободы СМИ и критике негативных явлений в жизни общества.

Не надо доказывать, что многое зависит и от того, какая политика проводится и как информировано население о реальных проблемах, существующих в стране. Здесь большая ответственность ложится на средства массовой информации, особенно на телевидение. Одна из самых существенных черт нашего времени – небывало возросшая роль СМИ. Они стали оказывать беспрецедентное воздействие на общество и общественные процессы, формировать доминирующие в нем политические настроения и нравственные установки. Они воздействуют на наши умы, а через умы, через наше поведение – на экономику. Они могут либо возвышать кого-то, «делать» новых героев, либо, наоборот, топить неугодных публичных деятелей.

Социальный компонент в развитии, осуществление на практике таких ценностей, как справедливость, солидарность, демократическое устройство, забота об общем благе – это веление времени, но это и продукт политического курса, во многом определяемый тем, какие новые идеи внедряют в общество, как СМИ информируют население. От этого во многом зависят предпосылки успешного подъема экономики, ее конкурентоспособности на мировой арене.

СМИ воздействуют на наши умы, а через умы, через наше поведение – на экономику.

Некритичное заимствование западных либеральных моделей политического и экономического устройства без учета собственной истории и специфики уже привело к серьезным осложнениям в постсоциалистической трансформации ряда стран.

Ключевое значение приобретает эффективность политической системы. Как ее выстроить, чтобы она наилучшим образом способствовала общественной стабильности, верховенству закона, отбору достойных лидеров, экономическому, духовному и нравственному прогрессу в обществе? Что нужно, чтобы политическое устройство было оптимальным? Какую модель мы могли бы предложить для современного общества, и ка-

кая модель преобладает в мире сегодня? Этот вопрос не относится к экономике напрямую, но сильно воздействует на экономические процессы.

Демократия или авторитаризм – что предпочтительнее? Многие считают, что порядок, «сильная рука», авторитарный лидер – это преимущество для страны. И действительно, есть примеры, когда экономика при авторитарном режиме развивалась вполне успешно. Но мировой опыт последних десятилетий говорит о том, что авторитаризм уже осужден историей, а демократия стала велением времени. Хотя и демократия может быть декоративной, когда за демократическим фасадом скрывается авторитарный режим. Кстати, демократические порядки, которые существуют в США и европейских странах, сегодня подвергаются суровой критике. Вы можете прочитать в их прессе, что утрачена свобода выбора избирателей. Фактически выбора нет, потому что общественным мнением манипулируют через средства массовой информации, навязывают то, что нужно заинтересованным политическим кругам. Что делать, чтобы избежать этого? Отказаться от демократических порядков или найти способы их усовершенствовать, чтобы они помогали решать главные проблемы? Верен второй путь.

А какие проблемы в первую очередь должно решать демократическое устройство? Обеспечение гармонии и согласия интересов между различными слоями населения, гармонии между эффективностью и справедливостью, консолидации общества, отбора наиболее честных, добросовестных, авторитетных и влиятельных лидеров. Если демократией манипулируют, то под ее прикрытием лидеры получают возможность назначать себе преемников. Подобные примеры имеются: Джордж Буш-старший, в конечном счете, привел к власти своего сына, и Буш- младший в течение двух сроков был президентом США. Необходимо также разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, развитие гражданского общества, чтобы не допускать произвола и ошибок в государственном управлении. Должен работать механизм сдержек и противовесов. Только подлинная демократия в состоянии это обеспечить. Политическая мысль и воля способны найти соответствующие решения.

В России наблюдается так называемый «реформаторский зуд», мы так и сяк перетряхиваем министерства, но заметного результата не видим.

Словом, не все определяют экономические отношения. Нельзя недооценивать, например, роль административных отношений. В силу усложняющейся и возрастающей роли государства приобретает особое значение усовершенствование именно административных отношений, с которыми мы постоянно сталкиваемся. Это отношения подчинения на основе должностной иерархии; бюрократические порядки, которые устанавливаются во взаимоотношениях между населением и теми, кто находится во власти, и т. д. Характер административных отношений определяют не только ведомственные инструкции, но и личные связи, компетентность, добросовестность чиновников, их симпатии и антипатии друг к другу. Плохо, когда сугубо личностные качества, карьеризм начинают превалировать и отодвигать на второе место деловые качества. Фаворитизм, корпоративность, непотизм, поведение, продиктованное преданностью к начальству – все это для экономики контрпродуктивно, потому что мешает продвижению наиболее талантливых людей на лидирующие позиции. Неформальные отношения создают питательную среду и для коррупции, которая, к сожалению, тянет назад экономику и, в сущности, разъедает общественную среду. По коррупции мы находимся в самом конце того рейтинга стран, который составляют международные организации. Система государственного управления, как показывает опыт ряда стран, сильно влияет на результаты экономического развития. Но чтобы отладить административные отношения, сделать их эффективными, требуется много времени. Особенно долгий и сложный процесс подбора и выращивания компетентных и неподкупных, честных управленцев. К сожалению, в России наблюдается так называемый «реформаторский зуд», мы так и сяк перетряхиваем министерства, но заметного результата не видим. Постоянно реформируем образование, хотя советское образование было одним из лучших в мире, и это признавалось в международном сообществе. Единый государственный экзамен – позитивное или негативное нововведение? Неизвестно. Многие сомневаются в его пользе и даже считают вредным. Увлечение перманентными реформами, на мой взгляд, непродуктивно.

Качество государственного управления выдвигается на одно из первых мест, определяющих конкурентоспособность национальных экономик. Вот цитата из официального документа ООН: «Основой японского чуда 1950–1960-х годов стало наличие чрезвычайно эффективной и беспристрастной системы государственной службы, которая разрабатывала экономическую и торговую политику.

Обратимся теперь к культуре населения. Какую роль она играет в экономическом развитии и прогрессе всего общества. С понятием «культура» в обыденной жизни люди связывают искусство, литературу, просвещение, науку, религию, знания, духовное и нравственное состояние общества. Эта культура, может быть, не оказывает на экономику непосредственного воздействия, но она создает интеллектуальную базу всякого прогресса, влияет на общий нравственный климат в стране, на наше стремление к знаниям, представление об эстетических ценностях, о добре и зле, о том, что такое «прекрасное». Она влияет на развитие нашего языка, а это главное средство общения, в том числе и в экономике. Словом, культура задает высокие стандарты развития человеческого духа и способностей.

Но есть еще одна культура, о которой приходится говорить с тревогой, – культура общения и поведения в быту. Когда вы видите лежащие на полу в вагонах метро, на тротуарах, в траве и в цветочных клумбах бутылки, банки, пакеты и т.д., видите, как захламляются берега водоемов, пригородные леса – это не только проявление низкой поведенческой культуры, это и экономические потери. Ведь кто-то должен убирать мусор, а на это требуются дополнительные расходы. Я уже не говорю о том, что такое поведение портит и отравляет природу, подвергает угрозе здоровье людей. Экономические последствия бескультурья могут быть весьма опасными. Например, выброшенный из окна машины окурок сигареты может стать причиной лесного пожара. Так что низкая бытовая культура, пренебрежение элементарными правилами поведения, навыками гигиены негативно отражаются на здоровье и экономике.

Пора осознать, что в России духовное и нравственное возрождение населения, его культурное возвышение – вопрос выживания нации и главное условие оздоровления экономики.

Общественная мораль является также составной частью культуры. Аморальность многих рядовых граждан и представителей элит, отсутствие малейшего чувства солидарности, взаимовыручки, неуважение к закону, неприкрытый эгоизм, стремление к выгоде в ущерб окружающим, даже всему обществу – типичная картина нашей жизни. Думаю, что в этом отношении показательны наши автомобильные дороги и поведение водителей. И то, что у нас едва ли не самая высокая в мире аварийность, обусловлено в немалой степени не только плохим качеством дорог, но и отсутствием культуры водителей. Хамство, грубость, озлобленность, недоброжелательность, с которыми люди сталкиваются дома и вне дома, способны надолго испортить настроение, они отравляют социальный климат, и это отражается на качестве и производительности труда.

Еще один вопрос – нужна ли мораль рынку? Или его участники должны жить по понятиям – что кажется тебе выгодным, то и морально? И вновь неэкономическая категория имеет большое экономическое значение, потому что порождаемая рынком жажда наживы, жесткая конкурентная борьба способны привести к дикости, бесчеловечности, если не ввести рыночные отношения в определенные моральные рамки. Даже бывший канцлер Федеративной Республики Германия Гельмут Шмидт говорил: «некоторые высшие менеджеры забыли все приличия. Звериный грабительский капитализм угрожает открытому обществу»[2]. На эту тему написаны целые труды, в частности, известная германская журналистка графиня Марион Денхофф выпустила книгу, переведенную на русский язык, о принципах морали, не соблюдаемых в рыночной экономике, и сформулировала кодекс моральных норм, требующих существенного отхода от господствующей в бизнесе практики.

Какие моральные ценности важны для прогресса экономики в первую очередь? Прежде всего, должны цениться честность и добросовестность и осуждаться обман и нарушение слова. Для бизнеса это очень важно, не все можно прописать в законе. Но даже если есть закон, который регламентирует те или иные отношения, то в случае нарушения этого закона попробуйте добиться правды в судах. Это требует и денежных затрат, и долгого разбирательства. Поэтому ценится тот партнер, слово которого надежно, кто соблюдает свои

[2] Die Zeit. 2003. [1] 50.

обещания и на кого можно рассчитывать и полагаться.

Доверие граждан к власти – еще одна фундаментальная предпосылка экономического прогресса. Если такое доверие отсутствует, если нет веры в цифры, которые публикует статистическое ведомство, если государство часто нарушает свои обещания, то это сказывается на экономическом развитии.

К морали относится и такой, имеющий большое экономическое значение, принцип, как соблюдение социальной справедливости. Это одна из главных нравственных ценностей, влияющих на эффективность экономики. Много ли у нас, вообще говоря, приходится слышать о социальной справедливости? А между тем вот цитата из доклада Всемирного банка о мировом развитии: «Необходимо выдвинуть соображения справедливости на центральное место как в социальной диагностике, то есть в социальном анализе положения дел, так и в практической политике».

У понятия социальной справедливости большая история – уже много веков назад человечество убедилось, что надо соблюдать справедливость, а для этого требуются законы, признанные моральные нормы. Справедливость и правду можно трактовать по-разному, но в общественном сознании есть сложившиеся представления о том, что справедливо, а что нет. В этой связи особенно чувствительна проблема распределения национального дохода. Для ее анализа выделяют в составе населения десять групп по среднему уровню дохода, и разница между самой богатой и самой бедной группами определяет степень социальной дифференциации. Обычно эта разница характеризуется децильным коэффициентом, то есть соотношением среднего дохода крайних первой и десятой групп. В развитых странах Европы и США средний доход 10% самых богатых жителей страны превышает средний доход 10% самых бедных в 7–8 раз. В нашей стране этот коэффициент, если подсчитать его честно, с учетом «серых» доходов, достигает 30; в крупных городах, включая Санкт-Петербург, децильный коэффициент доходит до 50, а в Москве – до 70. Такая социальная дифференциация очень опасна для общества. Это недопустимый вызов народному чувству социальной справедливости.

Исследования серьезных ученых доказывают, что запредельное имущественное расслоение населения выступает в качестве одной из важных причин, тормозящих экономический рост и обуславливающих процесс сокращения численности населения.

Пора осознать, что в России духовное и нравственное возрождение населения, его культурное возвышение – вопрос выживания нации и главное условие оздоровления экономики. Уповать здесь только на стихийные силы самосовершенствования не приходится. К сожалению, жизнь не по законам, а по понятиям, воровство, стяжательство, мошенничество – довольно распространенные явления в нашем обществе. Но это связано с огромными дополнительными расходами – на содержание охранников, правоохранительных органов и пенитенциарных систем, бюрократического аппарата, на бумаготворчество и т. д. Не говоря уже о прямом экономическом ущербе. К сожалению, в ходе реформ оказались подорванными многие духовные устои и культурные традиции. Более того, общество сознательно растлевалось. Особенно здесь велика ответственность телевидения и печати, потому что в силу своих финансовых интересов, с помощью рекламы они потакали и продолжают потакать самым низменным вкусам и интересам людей, превращать насилие, бандитизм, секс в превалирующие мотивы.

Трудно преувеличить роль науки в модернизации экономики. За двадцать лет реформ существенно разрушился наш научно-технический потенциал, произошла массовая «утечка умов» на Запад. Серьезно пострадала и академическая, и вузовская наука, оказались практически уничтожены отраслевые НИИ. По доле научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в ВВП Россия в 2–3 раза отстает от развитых стран Запада. А в новой экономике основой считаются как раз знания, они будут во многом определять лицо XXI века. Отставание в этой области означает окончательное перемещение на периферию прогресса. Хорошо, что теперь это осознается. Но вот вопрос – как возродить отечественную науку и преодолеть отставание? К сожалению, вместо того чтобы осуществлять достойное финансирование, мы опять готовы обратиться к Западу с поклоном и стараемся, как при Петре, зазвать иностранных ученых, чтобы выправить положение. Но ни одна страна не поделится своими последними достижениями, тем более безвозмездно. Напротив, нам всегда будут предлагать вчерашний день, по крайней мере, в технических областях и важных научных достижениях. Но ведь наибольшие доходы дают самые последние разработки. Поэтому необходимо заботиться о собственном развитии, стремиться самим вырваться на передовые позиции. Нам нужна не стратегия заимствования и догоняющего развития, а стратегия опережающего развития.

секция 1

В поисках идеологии и модели развития: есть ли **возможность выбора**?

О.Н. Дамениа

В поисках будущего

Будущее как проблема стало восприниматься в нашем обществе лишь недавно. Раньше, в традиционном абхазском обществе, социальное будущее формировалось, если можно так выразиться, «по образу и подобию» прошлого. Социальное прошлое воспринималось как нечто идеальное, совершенное, сакральное. Оно изображалось в возвышенных образах, как предмет гордости, эталон подражания. Потому люди здесь стремились быть похожими на своих предков. Критического отношения к ним, к их социальному опыту не допускалось. Каждое новое поколение считало своим долгом относиться благоговейно к памяти предков. Настоящее оценивалось сравнительно с прошлым. Исходя из прошлого, люди ориентировались в жизни и формировали свое будущее. При такой ценностной ориентации главная задача, которую они решали, заключалась в повторении социального опыта прошлого. Через механизмы повторяемости они поддерживали свое существование.

В традиционном абхазском обществе социальное будущее формировалось «по образу и подобию» прошлого. Каждое новое поколение считало своим долгом относиться благоговейно к памяти предков.

Социальная креативность как таковая была здесь менее востребована. Людям не приходилось заниматься проектированием социального будущего. Они не испытывали нужды в преобразовании наличной формы бытия и воспринимали ее как готовую.

Дамениа Олег Несторович – руководитель Центра стратегических исследований при Президенте Абхазской Республики

Тем самым социальный идеал в традиционном абхазском обществе, как платоновский «золотой век», оказывался в прошлом. Несмотря на это, социальное будущее здесь не было окутано мраком неизвестности. Оно представлялось людям, повторюсь, «по образу и подобию» прошлого, о котором в их памяти хранились достаточно ясные и образные представления. Как раз путем экстраполяции этих представлений на будущее и происходило его формирование.

Такой социальный опыт, накопленный в традиционном абхазском обществе, позволял ему функционировать достаточно стабильно на протяжении веков. Но в ходе трансформационных процессов и под воздействием внешних сил этот опыт стал меняться. Вследствие этого людям пришлось переходить к другой культурной матрице – поддерживать свое существование через механизмы не повторения унаследованного ими социального опыта, а развития его. Такие изменения усиливались в связи с наращиванием российско-кавказских интеграционных процессов.

Правда, и в российском обществе роль социального идеала при формировании будущего была чрезвычайно велика. Но при этом социальный идеал, к которому люди стремились, не отождествлялся с прошлым. Напротив, представления о будущем формировались здесь как отрицание наличной формы бытия, в том числе и прошлого. Потому социальное будущее как идеал не имело реального (чувственного) аналога и представляло собой лишь мысленную (абстрактную) конструкцию.

Иначе говоря, к социальному будущему люди стремились здесь не через повторения прошлого, а посредством его отрицания. Потому отношение к социальному прошлому в российском обществе было, как правило, критическим. Прошлое воспринималось как несовершенное. Задача, возникавшая в этой связи, как раз состояла в том, чтобы сделать его совершенным. Но сделать общество более совершенным можно лишь в будущем. Только будущее может быть воплощением социального идеала. Тем самым социальный идеал в самосознании общества оказывался не в прошлом, а в будущем. Не прошлое, а именно будущее, в котором мыслилась возможность достижения социального идеала, выступало в качестве исходной модели действия и критерия оценки реального состояния общества.

Однако готового и понятного для всего общества социального идеала здесь не было, поэтому приходилось его создавать. Это происходило исключительно в элитных кругах. Будущее в таком идеале изображалось как некое предельно справедливое и совершенное общество. Люди же в основной своей массе оставались носителями весьма смутных представлений о предстоявшем будущем. В силу этого они не могли осмысленно и конструктивно участвовать в реализации предлагавшегося им политической элитой того или иного социального проекта. Потому процесс формирования социального будущего в российском обществе, как правило, носил и продолжает носить сложный и напряженный характер.

Течение социального времени по-разному воспринималось в абхазской и русской культурах, по-разному происходило в них формирование социального будущего. Однако это различие не помешало процессу интеграции. В ходе этого процесса абхазская культура по существу перешла на новую (русскую) схему социальной конструкции. Но этот переход долго не осознавался, и будущее по-прежнему не представляло для абхазской культуры какой-либо проблемы. Будущее Абхазии мыслилось ее народом в контексте общероссийского культурно-цивилизационного пространства.

Лишь на рубеже XX-XXI веков, в связи с распадом СССР, проблема будущего встала во весь свой рост и перед Абхазией. Но тогда, в конце прошлого столетия, сколько-нибудь рационализировать свои представления о будущем Абхазии нам не удалось. Помешала война, а также ее последствия (международная изоляция и др.), когда нам приходилось выживать и действовать по схеме «здесь» и «сейчас». О проектировании социального развития общества тогда и речи не могло быть. Будущее в тех условиях осознавалось в обществе через образование независимого государства. Сама независимость понималась довольно узко – исключительно как политическая независимость от Грузии. Люди стремились к политической независимости, но мало задумывались над тем, как ее использовать. Более того, идея независимости, выстраданная людьми столь дорогой ценой, воспринималась ими как самодовлеющая цель. Потому признание независимости Абхазии было воспринято общественным сознанием как достижение некой заветной мечты (конечной цели). Это вызвало некоторое замешательство в общественном сознании: люди вдруг оказались в непривычной ситуации, в ситуации как бы без будущего.

Только сейчас, после признания независимости и обеспечения гарантированной безопасности от внешних угроз, общественное сознание стало освобождаться от политизированных представлений о будущем и концентрироваться на решении задач внутрисоциального обустройства. Истоки такой трансформации общественного сознания нетрудно понять: люди, пережившие войну и послевоенную разруху, хотят восстановить социальный порядок, добиться политической стабильности в обществе и улучшить качество своей жизни. Они хотят жить лучше, но не знают, как это сделать. Их желание жить лучше – это огромный социальный потенциал, который может стать как созидательной, так и разрушительной силой. Благо у нас теперь есть своя государственность, которая может и должна не допустить превращения этого потенциала в разрушительную стихию. Ситуация, возникшая после признания, существенно повлияла и на понимание самой идеи абхазской государственности: люди начинают осознавать, что политическая независимость – это не только средство противостояния грузинским вызовам, но и мощный инструмент для достижения более высокой и значимой цели! Они начинают все большее внимание уделять выполнению государством своих социальных (организующей, управляющей, контролирующей, регулирующей и др.) функций.

В этом контексте, в контексте начавшегося после признания восстановительного процесса, и возникла острая надобность в социальном проектировании, направленном на формирование будущего Абхазии. Решение этой отнюдь не простой задачи требует выполнения ряда условий, ключевым из которых является моделирование самого социального будущего. Чтобы формировать социальное будущее, его мысленный образ должен быть в сознании действующего коллективного социального субъекта (КСС).

Это означает, что уже сегодня мы должны понимать, в каком обществе хотели бы жить в будущем. Иначе говоря, нам важно знать, кто мы есть на самом деле и кем хотели бы стать в будущем. Одним только политическим самоопределением вряд ли возможно ответить на этот вопрос. Здесь требуется так же культурно-цивилизационное самоопределение.

Очевидно, что без зримых представлений о будущем осознанно формировать его невозможно. Анализ и оценка текущих социальных реалий предполагают учет того идеала (цели), к которому общество стремится. Будущее, таким образом, влияет на настоящее и во многом определяет то, что делают люди в своей повседневной жизни. На текущие социальные реалии влияет не только прошлое, но и будущее. Привычный причинно-следственный (детерминистский) подход к социальной практике не раскрывает всей ее сложности. Связь между прошлым, настоящим и будущим не однолинейная, а многосторонняя; будущее, еще не состоявшееся, здесь может оказать влияние и на настоящее, и даже на восприятие уже прошедшего. Будущее таким образом предваряет начало процесса социальных преобразований, осуществляемых реально действующим КСС.

Как видно, социальное будущее играет ключевую роль в социальном проектировании. Но может ли оно играть такую роль, когда в нашем сознании уже имеются достаточно определенные и значимые с точки зрения текущих реалий представления о нем? В этой связи важно знать, что мы понимаем под определением «социальное будущее»?

Однозначно ответить на этот вопрос нам пока трудно. Си-

РОССИЯ

В российском обществе социальный идеал, к которому люди стремились, не отождествлялся с прошлым. Напротив, представления о будущем формировались как отрицание наличной формы бытия, в том числе и прошлого.

ЗАПАД

Запад исповедует сегодня либеральное мировоззрение, в основе которого лежит индивидуальное начало. Человек в условиях современной техногенной цивилизации ориентирован на потребление и наслаждение, которые являются для него высшей ценностью и составляют смысл его бытия.

Чтобы формировать социальное будущее, его мысленный образ должен быть в сознании действующего коллективного социального субъекта.

В поисках новой модели социального жизнеустройства будущего нам часто приходится оглядываться на культурно-историческое наследие, которым мы сегодня располагаем. При всей его важности на одном только собственном опыте формировать свое социальное будущее будет чрезвычайно сложно.

ВОСТОК

Социальная максима Востока состоит не в изменении (преобразовании) сложившейся формы жизни, а в ее сохранении (повторении). Социум организован здесь на коллективистском начале, в котором свобода индивида ограничена и подчинена интересам групповой солидарности.

Примат духовных ценностей над материальными, культуры над экономикой стал традиционной нормой жизни для восточных обществ.

туация усугубляется тем, что в обществе нет ясных представлений о своем будущем, по которому люди могли бы ориентироваться в своей жизни. Повторяю, политическое самоопределение не может служить ответом на выше поставленный вопрос. Речь здесь идет о социокультурном мире, в котором мы хотели бы жить в будущем.

В поисках новой модели социального жизнеустройства будущего нам часто приходится оглядываться на культурно-историческое наследие, которым мы сегодня располагаем. При всей его важности на одном только собственном опыте формировать свое социальное будущее будет чрезвычайно сложно. Мы не можем развиваться каким-то своим особым путем. Абхазия – это маленькая страна, и она очень зависима от внешнего мира, и прежде всего от России. Для нас важно знать, в каком направлении развивается сегодня внешний мир. Но Россия, судя по всему, пока стоит на перепутье. Выбор той или иной политической доктрины, как видно, еще не означает, что соответственно ему меняется и ценностная ориентация общества, менталитет и ментальность людей. Будучи на стыке Запада и Востока, придерживающихся полярных моделей социального развития, Россия не свободна от их влияния. Запад, как известно, исповедует сегодня либеральное мировоззрение, в основе которого лежит индивидуальное начало. Человек в условиях современной техногенной цивилизации ориентирован в конечном итоге на потребление и наслаждение. Последние для него являются высшей ценностью и составляют смысл его бытия. Причем используемая здесь технология жизнеобеспечения развивается человеком таким образом, чтобы он мог постоянно наращивать свой капитал при минимуме затрат на его производство. Этим вызван примат материальных ценностей над духовными, экономики над культурой в жизни Запада.

Дальнейшая индивидуализация человека в российском обществе стала уже серьезной угрозой самому его существованию.

Противоположной модели социальной организации придерживается Восток. В основе этой модели лежит консервативное мировоззрение. Его социальная максима состоит не в изменении (преобразовании) сложившейся формы жизни, а в ее сохранении (повторении). Сам социум организован здесь на коллективистском начале, в котором свобода индивида ограничена и подчинена интересам групповой солидарности. Формирование самой групповой солидарности происходит здесь на базе прежде всего духовной общности людей. Потому примат духовных ценностей над материальными, культуры над экономикой стал традиционной нормой жизни для восточных обществ. В конкурентной борьбе с Западом сила Востока состоит не в наращивании военно-технического потенциала, а в генерировании собственно человеческих ресурсов.

Трудно смоделировать здесь третий путь развития, хотя история в будущем может внести свои коррективы. Правда, теоретически третий путь можно осмыслить как синтез либерального и консервативного, индивидуального и коллективного, материального и духовного, но это уже из области мифотворчества. В действительности же России придется сделать свой выбор. Но это, видимо, долгий и мучительный процесс. Очевидно, что выбор Россией своего пути развития во многом зависит от динамики взаимоотношений Запада и Востока. В то же время Россия обладает огромным ресурсным, а не только углеводородным, потенциалом. Сможет ли она воспользоваться этим потенциалом - покажет будущее. Пока же можно сказать лишь то, что дальнейшая индивидуализация человека в российском обществе стала уже серьезной угрозой самому его существованию. Это стало угрозой и для нас.

Благо понимание этой угрозы и других современных вызовов в российском обществе есть. Есть оно и в нашем обществе, хотя не всегда выражено в адекватной форме. Это вселяет определенный оптимизм в наши представления о будущем. Вообще, сам процесс поиска, несомненно, содержит определенные перспективы. Важно только, чтобы коллективный социальный субъект был активно включен в этот процесс.

В.Е. Лепский

Проблемы становления субъектности человечества и модели развития

Бессубъектность развития – **главная болезнь** мирового сообщества

В начале XXI века мировое сообщество все более отчетливо начинает осознавать, что старые парадигмы организации мирового порядка, отношений между государствами, этносами, культурами и их носителями, конфессиями, экономическими субъектами и другими социальными образованиями безнадежно устарели и могут привести всех нас к катастрофе.

Процесс социальной эволюции на нашей планете подошел к критической фазе макросдвига[3], когда трансформация общества достигает критического порога. Общество вступает в период социального и культурного хаоса, когда одни люди придерживаются установившейся системы ценностей и неизменно пользуются испытанными и испробованными методами. Но все больше людей пытаются найти альтернативы. Человечество подошло к своего рода метасистемному цивилизационному переходу[4] (В.Ф. Турчин).

«И если следовать нынешнему ходу событий, экстраполировать в будущее те тенденции, которые мы наблюдаем сегодня, то надо полагать, что нас может ожидать только дальнейшая деградация. Причем во всех направлениях – в области экономики и культуры, в нравственном климате. Особенно в области образования. Для того, чтобы остановить сползание в небытие, граждане <...> однажды будут вынуждены представить себе ожидающую нас бездну, заглянуть в нее и увидеть реальность... Надо искать новые дороги. Нужно на новом основании построить новое здание с новыми нравственными устремлениями. Но такое основание надо еще разыскать. В том числе и в нашем прошлом, далеком и близком»[5].

Ярко проявившийся в последние годы мировой финансово-экономический кризис, для которого, по мнению ведущих аналитиков, больше подошло бы название «системный кризис мирового сообщества», добавил весомые аргументы в пользу утверждения, что человечество не готово к адекватным ответам на любые вызовы, будь то вызовы финансовые, экономические, экологические, социальные, техногенные, природные и т.п. Обоснование этого утверждения прозвучало также в выступлениях ведущих политических деятелей планеты на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2010 года, и особенно четко это представлено в докладах Барака Обамы и Николя Саркози. Выделим несколько базо-

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

Процесс социальной эволюции на нашей планете подошел к критической фазе, когда общество вступает в период социального и культурного хаоса.

[3] *Ласло Э.* Макросдвиг.М., 2004. С. 26
[4] *Турчин В.Ф.* Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. – Изд. 2-е. – М.: Словарное издательство ЭТС. – 2000. – 368 с.
[5] *Моисеев Н. Н.* «Круглый стол» на тему «Быть или не быть... человечеству?», 29 февраля 2000 г., Москва.

вых положений из доклада Саркози[6].

Во-первых, он призывает задуматься о состоянии мирового сообщества, для которого он ставит диагноз – шизофрения, аргументируя этот диагноз тем, что одни и те же члены мирового сообщества отрицают во Всемирной торговой организации и Мировом валютном фонде то, что они принимают в Международной организации труда и Всемирной организации здравоохранения.

Во-вторых, он обосновывает кризис существующей формы капитализма, утверждая, что жизнеспособное развитие не может быть достигнуто, если единственным критерием будет стремление к немедленной прибыли.

В-третьих, он призывает искать новую модель роста, найти новые образы государства, компаний, городов и других социальных образований XXI века.

Аналогичные тезисы выдвигает и Обама, объявивший «крестовый поход» на банковскую систему и открыто вставший на путь воплощения в жизнь социальных идей.

Позиции Саркози и Обамы фактически являются серьезным аргументом в пользу тезиса, что современный мировой финансово-экономический кризис следует рассматривать как кризис принятых форм жизнедеятельности на планете, кризис современного мирового порядка.

Почему мировое сообщество постоянно оказывается в ситуациях «неожиданно» возникающих угроз (ядерной, экологической, демографической, информационной, террористической, финансово-экономической)? Каждый раз осознание этих угроз приходит тогда, когда требуются невероятные усилия для их нейтрализации, а порой вообще отсутствуют гарантии успешности их решения.

Ответ прост – мировое сообщество не свободно в определении своего пути развития. Атрофированы механизмы рефлексии, позволяющие осознанно организовывать развитие. Оно само ограничило свою свободу в силу того, что оказалось в плену стереотипов, преодолеть которые не удалось в прошедшем тысячелетии.

Мировое сообщество не осознает целей и возможностей своего развития, не берет в должной степени ответственности за свои же деяния перед жителями планеты и различными социокультурными образованиями, перед Природой и Мирозданием в целом. «Бессубъектность» – главная болезнь мирового сообщества[7].

В XXI веке эпоха естественно-исторического развития, детерминированного экономически, исчерпала себя. Должно наступить время целенаправленного и искусственно конструируемого развития общества. Развитие человечества все в большей степени переходит от эволюционного к проектному. Происходит и смена доминанты парадигм: от каузального подхода (причинно-следственного) к телеологическому (целевая детерминация). Мы становимся свидетелями и участниками сложнейших процессов сотрудничества и конфликтов субъектов, реализующих разнообразные социальные мегапроекты. Чтобы разобраться в сложнейших хитросплетениях полисубъектных отношений в современном мире, нужна высокая культура системного проектного подхода, опирающаяся на адекватную систему ценностей[8].

Происходящие в мировом обществе фундаментальные перемены несут в себе как угрозы для человечества, так и новые возможности для его развития. Процессы глобализации имеют естественный характер эволюционных преобразований в обществе, но также стимулируются искусственным вмешательством в эти процессы заинтересованных субъектов финансовой, экономической и политической деятельности. Сегодня плоды процессов глобализации в основном достаются тем, кто наиболее продвинулся на пути построения капиталистических форм хозяйствования. Однако нет оснований утверждать, что глобализация навсегда и органично связана с формой капиталистических отношений. Кто обнаружит в ней ростки новых форм социальности и соответствующие формы экономических отношений, тот и сможет стать лидером в продуктивном освоении плодов глобализации. Понимание социальных тенденций, связанных с процессами глобализации, является потенциалом развития.

Сегодня плоды процессов глобализации достаются тем, кто наиболее продвинулся на пути построения капиталистических форм хозяйствования. Однако нет оснований утверждать, что глобализация навсегда и органично связана с формой капиталистических отношений.

[6] *Николя Саркози*. Речь на открытии 40-го Всемирного форума в Давосе 27 января 2010 г. www.diplomatie.gouv.fr

[7] *Лепский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 1, 2002. С.5-23.

[8] *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию – М.: Изд-во «Когито-Центр», Гриф ИФ РАН, 2009. – 208 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2009s.pdf.

Экономика – от локомотива общественного развития к **поиску** своего **развития** во взаимовлиянии с общественной средой

Во второй половине прошлого века многие экономисты реагировали на неуклонно растущий перечень примеров так называемых «парадоксов рациональности» путем сооружения «защитного пояса» вокруг аксиоматических моделей[9], а в более широком контексте – вокруг экономического редукционизма в моделировании поведения человека. Грубо говоря, они действовали по типу «если факты против нас, то тем хуже для фактов». Одно из немногих исключений составлял Г. Саймон (1916–2001), которому Нобелевская премия была присуждена за новаторские исследования процесса принятия решений в экономических организациях.

Принципиально важное ограничение в попытках моделирования экономического поведения человека на основе теории полезности связано с игнорированием распространить эту теорию на область моральных ценностей. Произошло это потому, что моральные ценности принципиально не могут быть упорядочены. Что важнее – сохранить жизнь отца или жизнь матери? Мы не можем ответить на этот вопрос[10].

В начале XXI века картина заметно изменилась: пришло не только осознание важности общественной среды, но и стремление черпать из нее материал для развития самой экономической теории. Наметились четко выраженные тенденции к переходу от управления экономическими системами к парадигмам «субъект – субъект» и «субъект – полисубъектная среда», которые потребовали использования широкого спектра социогуманитарных знаний.

Эти тенденции отчетливо просматриваются в содержании большинства Нобелевских премий по экономике XXI века[11].

2001 год – «Информационная экономика». Джордж Акерлоф (George Akerlof), Майкл Спенс (A. Michael Spence), Джозеф Юджин Стиглиц (Joseph E. Stiglitz). Во-первых, речь идет о необходимости учета наличия разных картин мира у участников (субъектов) рыночных отношений, а во-вторых, четко ставится и решается проблема управления информационными моделями субъектов рыночных отношений, т.е. учитываются механизмы рефлексивного управления[12].

Экономика утратила позицию доминирования в конструировании будущего.

2002 год – «Психологическая и экспериментальная экономика». Дэниэл Канеман (Daniel Kahneman), Вернон Ломакс Смит (Vernon Lomax Smith). Речь идет о лабораторных экспериментах как средстве в эмпирическом экономическом анализе, в особенности в анализе альтернативных рыночных механизмов» (Вернон Ломакс Смит – отец «экспериментальной экономики»). В работах В. Смита просматривается в управлении экономическими системами парадигма «субъект – среда» через использование экспериментальных (игровых) моделей с участием конкретных субъектов для анализа рыночных механизмов.

2005 год – «Коммуникативная экономика». Исраэль Роберт Джон Ауманн (Yisrael Robert John Aumann), Томас Кромби Шеллинг (Thomas Crombie Schelling). Т. Шеллинг, вероятно, одним из первых заметил, что рациональное поведение в играх может состоять не только в том, чтобы максимизировать свой собственный ожидаемый доход, но и в том, чтобы убедить оппонента, какой стратегии стоит придерживаться, – иначе говоря, рациональное поведение в игре должно носить стратегический характер. Убедительна его аргументация о неотвратимости включения в анализ практики саморегулирования и стимулирующих самоограничений (Schelling, 1985). В последующие годы проблемы самоограничения, самоконтроля и вообще внутренних конфликтов между разными «я» стали одной из основных

[9] *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Мир. 1977. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум. 1995.

[10] *Лефевр В.А.* Высшие ценности и формальная теория выбора // Рефлексивные процессы и управление. 2009. №1-2. С.51-56.

[11] *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. С. 117-128.

[12] Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под ред. В.Е.Лепского – М. «Когито-Центр», 2009. – 447с.

тем поведенческой экономической теории[13]. Исходная установка Д. Ауманна состоит в том, что общее равновесие – это, прежде всего, игра, участники которой преследуют свои интересы: вступают в конфликты, ищут компромиссы, договариваются о параметрах сделок, вступают в партнерские отношения и т.д. Равновесие понимается как предельный результат сложных процессов социального взаимодействия, причем результат этот оказывается кооперативным, то есть максимизирующим возможное благосостояние всех участников[14]. Фактически Ауманн ввел в экономический анализ рефлексивные процессы, имеющие место в интерактивном взаимодействии участников экономических отношений.

2006 год – «Информированность субъектов как детерминанта экономических процессов». Эдмунд Фелпс (Edmund S. Phelps). Исходя из этого, Фелпс сформулировал свою гипотезу кривой Филипса, в которой изменения в занятости вызывает не сама инфляция, а ее отклонения от ожидаемых значений. В контексте рефлексивного анализа следует выделить необходимость учета в экономических моделях степени информированности конкретных субъектов экономических отношений. Эта работа также может рассматриваться как вклад в развитие парадигмы «субъект – субъект» в управлении экономическими системами.

2007 год – «Экономические механизмы». Леонид Гурвич (Leonid Hurwicz), Эрик Маскин (Eric S. Maskin), Роджер Брюс Майерсон (Roger Bruce Myerson) предложили исследовать децентрализованные рыночные механизмы – и для того, чтобы понять, как и почему реальные рынки собирают и передают информацию, и для того, чтобы можно было создавать специальные механизмы для решения конкретных проблем. Их работы четко ориентированы на парадигму «субъект – полисубъектная среда» в управлении экономическими системами.

2008 год – «Механизмы свободной торговли и глобализации». Пол Кругман (Paul Krugman). Модель Кругмана демонстрирует, что рост специализации и расширение международного обмена дает гораздо большие преимущества потребителям во всех странах, нежели изоляционизм и протекционизм. Его исследование может в какой-то мере рассматриваться как теоретическое обоснование процессов глобализации. Фактически, как и в 2007 году, премия дана за исследование механизмов среды и возможность их использования в управлении в соответствии с парадигмой «субъект – полисубъектная среда».

2009 год – «За исследования в области экономической организации и анализ внерыночных экономических трансакций». Элинор Остром (Elinor Ostrom), Оливер Уильямсон (Oliver Williamson). Как и премии за два предыдущие года, эта премия дана за исследование механизмов среды и возможности их использования в управлении в соответствии с парадигмой «субъект – полисубъектная среда».

2010 год – «Исследования рынков с моделями поиска – «трение» в макроэкономике». Питер Даймонд (Peter Diamond), Дэйл Мортенсен (Dale Mortensen) и Кристофер Писсаридес (Christopher Pissarides). Фактически речь идет об особенностях поведения экономических факторов в сложной среде, ориентированных на устранение таких ее несоответствий как высокий уровень безработицы, наличие большого числа вакантных мест и т.п.

Выявленные тенденции дают основание сделать вывод, что экономика утратила позицию доминирования в конструировании будущего и встала на позицию поиска своих направлений развития во взаимовлиянии с общественной средой, в установлении более тесных связей с социогуманитарными областями знания. Фактически экономика встала на путь своего развития в контексте постнеклассической науки и неявно приняла ведущую роль постнеклассической рациональности[15].

Проблематизация сложившейся ситуации

Для организации процессов развития необходимо начинать с проблематизации сложившейся ситуации. Под проблематизацией мы понимаем:

во-первых, не только выражение или выявление определенных познавательных «препятствий», но и разработку условий, когда возникают возможные ответы[16];

во-вторых, эта процедура не может состояться вне исторического осознания ситуации и понимания типа реальности, с которой мы имеем дело, вне контекста культуры, под которой в данном случае целесообразно понимать предельную общность всех основных слоев исторического процесса (экономических, социально-политических, идеологических, практически-технических, ремесленных, научных, художественных, моральных, религиозных, философских, национально-народных, бытовых)[17];

в-третьих, проблематизация как принимаемая на себя миссия осуществляющих ее субъектов, т.е. персонифицированная проблематизация (Г.П. Щедровицкий);

Основой для проблематизации сложившейся ситуации является фиксация базовых вызовов (препятствий, точек разрыва), через преодоление которых может осуществляться развитие. Нам представляется целесообразным зафиксировать следующие вызовы начала XXI века:

ВЫЗОВЫ начала XXI века:

- управление мировым сообществом в интересах отдельных субъектов через финансовые механизмы, оторванные от активов (материальных и нематериальных);
- массовое разрушение субъектности развития (устранение конкурентов в сфере развития высоких технологий);
- нарастание тенденций организованного сокращения численности населения в странах, не включенных в круг избранных;
- снижение социокультурного разнообразия мирового сообщества; слабая защищенность от технологических вызовов XXI века; низкая степень субъектности развития человечества.

Для адекватного реагирования на эти вызовы целесообразна фиксация следующих исходных оснований для поиска адекватных ответов:

◆ Вызовы имеют системный характер.

◆ Проблема суперсложная и требует для решения системного реагирования, а не фрагментарного, как это происходит сейчас.

◆ Точкой опоры для реагирования на все виды вызовов является преодоление бессубъектности развития человечества.

◆ Локомотивом развития человечества должны быть адекватные формы жизнедеятельности, а не финансово-экономические механизмы.

◆ Для поиска адекватных форм жизнедеятельности нужны: полигоны, инкубаторы, социогуманитарные коллайдеры.

Средовая парадигма и проблема субъектности человечества (идея альтернативной глобализации)

Человечество находится в системном кризисе. Назревают грандиозные межцивилизационные конфликты, поскольку безнадежно устарели несправедливые механизмы обмена между экономически сильными и слабыми субъектами. Фактически в новых более изощренных формах на планете процветает колониальная политика. Кажется незыблемым представление об «обществе потребления» как безальтернативной и прогрессивной модели развития. Куда приведет эта гонка в условиях ограниченных ресурсов планеты?

Общепланетарное мировоззрение, выдвинутое Н.Ф. Федоровым и русскими философами-космистами, ныне по праву называют «мировоззрением третьего тысячелетия».

Если человечество не сконцентрирует свой интеллект и ресурсы для перехода на ноосферную организацию всех сторон жизнедеятельности общества, оно может оказаться перед лицом глобальной духовно-нравственной катастрофы.

Мысль о человеке как существе сознательно-творческом, как агенте эволюции, ответственном за все живое на планете, идея земли как «общего дома» важна в современную эпоху, когда как никогда остро перед человечеством встают вопросы об отношении к природе, ее ресурсам, к самому несовершенному смертному естеству человека, рождающему зло индивидуальное и социальное.

Если человечество не сконцентрирует свой интеллект и ресурсы для перехода на ноосферную организацию всех сторон жизнедеятельности общества, оно может оказаться перед лицом глобальной духовно-нравственной катастрофы. Наш цивилизационный потенциал дает основания утве-

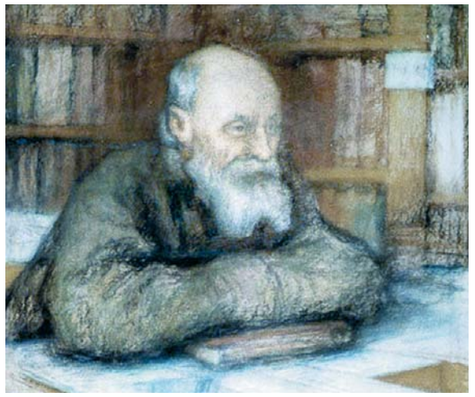
[13] *Белянин А.* Томас Шеллинг, Роберт Ауман и теория интерактивных взаимодействий (Нобелевские премии 2005 года по экономике) // Вопросы экономики. 2006. N1.

[14] В этой связи интересна разработанная нами математическая модель многошагового сходящегося процесса принятия решений по распределению общего ресурса с учетом отношений между субъектами. *Лефевр В.А., Баранов П.В., Лепский В.Е.* Внутренняя валюта в рефлексивных играх // Известия академии наук СССР. Техническая кибернетика. 1969, N4. 29-33. http://www.reflexion.ru/Library/Lefebvre1969.doc

[15] Проблемы субъектов в постнеклассической науке // Препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского – М.: Когито-Центр. 2007. – 176 с.

[16] *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Ч.3. Статьи и интервью 1970 - 1984.-М.: Праксис, 2006.

[17] *Лосев А.Ф.* Философия культуры http://humanities.edu.ru/db/msg/22664



Николай Федоров

рждать, что Россия может стать духовным лидером мирового сообщества в созидании новых форм жизнедеятельности на планете, которые обеспечат гармонизацию межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных, межрегиональных и межцивилизационных отношений.

Россия может стать духовным лидером мирового сообщества в созидании новых форм жизнедеятельности на планете.

Культ денег, вера во всемогущую силу богатства определяет духовный мир представителя западной цивилизации, его мироощущение, отношение к обществу, взгляд на государство, право, мораль и нравственность. Оправдывается отсутствие моральной ответственности личности перед обществом, а такая категория, как справедливость, просто исчезает из отношений за ненадобностью.

По-иному формировался духовный мир русских – самого многочисленного народа России. Общинный уклад с давних пор был необходимым требованием для отпора захватчикам, взаимопомощи при выживании в трудных климатических и географических условиях. Наши предки осознавали, что сама возможность существования и личного благополучия зависит от защиты и реализации ими общих интересов. Личные интересы соотносились с интересами общества. Эта зависимость от общества наполняла мировоззрение отдельного человека значительным общественным содержанием, в определенных критических обстоятельствах ставила личность перед необходимостью жертвовать личным ради общего.

Вера в социальную справедливость является мировоззренческим стержнем нации; она, а также благополучие большинства должны быть главными целями любых государственных программ, государственной политики, если мы хотим, чтобы их не постигла участь тех «реформ», которые в последние годы проносятся по России.

Важнейшей отличительной чертой русского народа является терпимость как проявление развитого чувства общинности, стремления к дружеским, равноправным отношениям между людьми, где ради общего дела мира, согласия и успеха подавляются частные настроения. Русская терпимость может рассматриваться как основа философии ненасилия.

Истина ненасилия с трудом внедряется в сознание и опыт. Если брать намеренно культивируемые формы жизни, она все еще остается маленьким оазисом в пустыне заблуждений. Однако важно, что она твердо заявлена и по крайней мере трижды продемонстрировала свою действенность в качестве силы исторического масштаба. В первом случае – как заложенное Л.Н. Толстым начало духовного обновления, отзвуки которого были услышаны во всем мире. Во втором случае – в ходе борьбы за национальную независимость Индии под руководством М. Ганди. В третьем – в борьбе чернокожих американцев за гражданское равноправие под руководством М.Л. Кинга. Здесь мы имеем дело с движением, единым и в идейных основаниях, и в исторических проявлениях: М. Ганди испытал сильное влияние Л.Н. Толстого, М.Л. Кинг был последователем М. Ганди.

В рамках синергетической идеи об «осознанно продуцируемых флуктуациях» – как рефлексивно осознаваемых попытках прорыва к новой социокультурной парадигме эволюции человеческой цивилизации, основанной на новой планетарной этике взаимной ответственности, креативного сотрудничества, предполагающей новый образ жизни, предлагается идея проекта «Альтернативная глобализация», ориентированного на развитие и использование социогуманитарных технологий седьмого технологического уклада[18].

ЗАПАД

Духовный мир представителя западной цивилизации, его мироощущение, отношение к обществу, взгляд на государство, право, мораль и нравственность определяет культ денег, вера во всемогущую силу богатства. Оправдывается отсутствие моральной ответственности личности перед обществом, а такая категория, как справедливость, просто исчезает из отношений за ненадобностью.

[18] *Лепский В.Е.* Седьмой социогуманитарный технологический уклад – локомотив инновационного развития и модернизации России // Высокие технологии – стратегия XXI века. Материалы конференции XI Международного форума «Высокие технологии XXI века», 19-22 апреля 2010 года – М.: ЗАО «ИНВЕСТ», 2010. С.241-245.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Формирование квазиавтономных социальных образований, ориентированных на моделирование и выращивание разнообразных форм жизнедеятельности, с ориентацией:

- на сохранение и развитие социокультурного разнообразия;
- на доминирование духовных потребностей над материальными;
- на творчество как ведущую форму воплощения людей;
- на максимальное использование технологий шестого уклада;
- на создание новых механизмов экономических отношений;
- на формирование новой планетарной этики сотрудничества, взаимной ответственности, мира и справедливости.

Суть проекта в формировании сложноорганизованных сред «квазиавтономных социальных образований», ориентированных на моделирование и «выращивание» разнообразных форм жизнедеятельности на планете, с ведущей ориентацией на сохранение и развитие социокультурного разнообразия, на доминирование духовных потребностей над материальными, на творчество как ведущую форму воплощения людей, на максимальное использование в квазиавтономных территориальных образованиях технологий шестого уклада, на создание новых механизмов экономических отношений, на формирование новой планетарной этики сотрудничества, взаимной ответственности, мира и справедливости.

Этот проект мог бы способствовать решению многих актуальных проблем, стоящих перед современной Россией:

- поиск национальной идеи – формирования новых форм жизнедеятельности на планете (Россия как мировоззренческий лидер мирового сообщества);
- создание экспериментальной среды для поиска новых форм жизнедеятельности на планете;
- выращивание стратегических субъектов гармонизации мировых процессов;
- сохранение и выращивание разнообразных социально контролируемых культур и субкультур;
- инициирование индустрии новых высокотехнологичных производств для обеспечения автономных поселений;
- формирование локомотива инновационного развития страны;
- повышение благосостояния населения за счет организации высокой производительности труда в автономных поселениях;
- повышение социальной стабильности за счет сокращения разрыва между богатыми и бедными;
- снижения уровня безработицы;
- создание возможностей для диверсификации и свертывания нерентабельных производств;
- разработка новых подходов к решению демографической проблемы;
- создание новых механизмов управления миграционными процессами;
- создание условий для возврата из эмиграции соотечественников;
- отработка моделей поселений для освоения космического пространства и т.п.[19]

Более того, лидерство в социогуманитарных технологиях создания сети высокоинтеллектуальных «квазиавтономных социальных образований» позволило бы России стать лидером шестого технологического уклада, поскольку технологии седьмого социогуманитарного уклада могли бы выступать в роли метатехнологий для шестого уклада.

На наш взгляд, на основе предлагаемой идеи возможна разработка проекта «Россия – мировоззренческий лидер мирового сообщества», который инициировал бы «проектную идентификацию» и сборку российского общества.

РОССИЯ

Возможность существования и личного благополучия зависит от защиты и реализации общих интересов. Личные интересы соотносятся с интересами общества.

Вера в социальную справедливость является мировоззренческим стержнем нации; она, а также благополучие большинства должны быть главными целями любой государственной политики.

Важнейшей отличительной чертой русского народа является терпимость как проявление развитого чувства общинности, стремления к дружеским отношениям между людьми, где ради общего дела мира, согласия и успеха подавляются частные настроения. Русская терпимость может рассматриваться как основа философии ненасилия.

[19] *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. С. 133-136.

В.Г. Федотова

Можно ли сделать неосознанные компоненты взаимодействия экономики и социальной среды осознанными факторами развития?

Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, заведующая сектором социальной философии Института философии РАН

Уважаемые коллеги, я благодарна за приглашение на это заседание и считаю такое междисциплинарное сотрудничество действительно имеющим перспективу.

Для меня примером удивительной способности к выявлению этих неосознанных факторов среды является Карл Поланьи и то, что с ним произошло в Америке. Это венгерский эмигрант, который прибыл в Америку в период Второй мировой войны, спасаясь от фашизма. Он был профессором в ряде университетов США, в одном из которых он получил большой грант на написание книги «Великая трансформация», направленной на критику завершающего этапа либерализма XIX века как предтечи фашизма.

Когда читаешь, даже не веришь. Америка находится в войне с фашизмом. Антифашистская пропаганда, весь мир ненавидит фашизм. А Поланьи критикует завершающий этап экономического либерализма XIX века. За что? Он говорит, что в начале своего развития рыночные отношения вписывались в социальные связи, а на завершающем этапе социальные связи вписывались в рыночные отношения. Рынок поглотил общество. И в этом он увидел основную причину конфликта. Увлекшись успехами, общество не увидело грядущих опасностей.

И позже в Америке другие люди писали об этом. Например, фон Лауэ говорил о «главной революции – вестернизации», считая, что именно реакцией на нее является коммунизм, фашизм, национализм. Позже, уже в постсоветский период, четверо венгерских ученых написали статью, опубликованную в американском социологическом журнале «Синдром иммунодефицита», где они показывали, что рекомендации странам, вступившим в капитализм, дают западные специалисты, не сведущие, не знающие культуры страны, которой они рекомендуют что-либо, не знающие языка этой страны, отводящие ученым этой страны совершенно подчиненное значение в оценке перспектив ее развития и выдвижения предложений относительно их осуществления. Эти ученые рассматриваются западными экспертами как источник базы данных, их концепции и фундаментальные результаты не принимаются ими во внимание.

По существу все приведенные примеры иллюстрируют роль внеэкономических факторов в развитии экономики.

Конечно, это не мэйнстрим. Но когда А. Гринспен, глава Федеральной резервной системы США, кается в том, что он слишком полагался на неолиберальную концепцию, нельзя не задуматься, что действительно мир сильно меняется, что внеэкономические факторы приобретают все большее значение для экономики. Прогноз Американского разведывательного совета, подготовленный для Б. Обамы (обычно дается при вступлении в президентство, открытый, опубликованный) состоит в том, что до 2025 года произойдут следующие смены фаз: 1) мир без Запада, победа БРИК ((Бразилия, Россия, Индия, Китай), выравнивание экономического потенциала БРИК и Запада; 2) климатическая катастрофа; 3) развал БРИК из-за нехватки ресурсов для столь интенсивного экономического

роста; 4) распад Вестфальской системы национальных государств, хаос и переход к попытке управления со стороны неправительственных организаций.

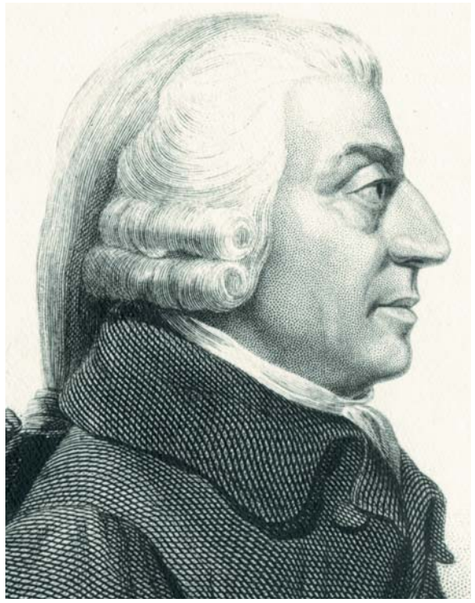
Карл Поланьи:
«В начале своего развития рыночные отношения вписывались в социальные связи, а на завершающем этапе социальные связи вписывались в рыночные отношения. Рынок поглотил общество».

В Америке платят за предсказание рисков, у нас платят за апологетику. Возьмем тот проект, который уже упомянул Олег Тимофеевич. Это проект модернизации. Его подготовили экономисты (И. Юргенс, Е. Гонтмахер). Я участвовала в нескольких обсуждениях этого проекта. Что это за проект? Это проект экономического роста, написан он безо всякого учета социальной среды. Это проект технического развития. Это проект, в котором не изучена ни одна теория модернизации и ни одна история модернизации, несмотря на то, что таких работ очень много.

И, несмотря на то, что этот проект принят именно в указанном виде, мы ощущаем, что он невыполним хотя бы потому, что модель экономического роста сегодня корректируется с помощью новых понятий, о которых говорил Олег Тимофеевич (социального капитала, культурного капитала). Эти понятия ввел Международный валютный фонд. Они отразили универсальность капитализации, ее распространение на нематериальные сферы. А получилось, что социологи, философы, культурологи, используя эти понятия, показали обратное, а именно то, что экономический капитал – это только часть системы капиталов, которая существует в обществе.

В конечном счете, политическая система осуществляет выбор между моделями, в одной из которых экономика отделена от общества и возвышается над ним, и в другой – внеэкономические факторы активно используются в развитии экономики. Только политическая система влияет на выбор. Мне кажется, что у нас произошел неудачный выбор. Пронзительное впечатление произвела на меня статья Олега Тимофеевича в журнале «Мир перемен». Он высказывает позицию ученого, спрашивающего о том, что мы можем, как мы должны действовать.

Я хотела бы высказаться по поводу универсального применения сегодня слова «проект». Оно очень распространено. Например, все говорят: «Модерн – незавершенный проект». Да, Ю. Хабермас это сказал. Но это своего рода метафора. Модерн – это система многообразных и часто противоречивых проектов, а также естественно-исторических изменений и действий, явно непроектных и непредвиденных. Но когда говорит В.Е. Лепский о проектах, он говорит о своей проблематике, о том, что он работает в сфере проектов.



Адам Смит

Конечно, нельзя думать, что все можно исправить посредством проектирования. При этом мы недооцениваем, видимо, то, что познание сделало с нашим миром и обществом. Например, если бы К. Маркс не обратился к классовой борьбе, то вся система последующего разворачивания конфликтов по линии классовых, а не каких-либо других конфликтов не могла бы быть осуществлена. Скорее всего, ведущее место имели бы концепции, в которых преобладал бы национальный конфликт. И в жизни мы сквозь эти очки

фом. Он написал книгу о богатстве народов через 17 лет после своей работы «Теории нравственных чувств». В «Теории нравственных чувств» он рассматривает альтруистов, а в «Богатстве народов» – эгоистов. Он находит место эгоистам в хозяйственной деятельности, когда пишет, что пивовар для нас ценен не тем, что он хороший человек, а тем, что он варит хорошее пиво. Но общество, в понимании

Адам Смит:
«Пивовар для нас ценен не тем, что он хороший человек, а тем, что он варит хорошее пиво. Но общество создано Богом. Поэтому эгоистический пивовар не может оказаться духовным лидером этого общества».

Смита, создано Богом. Поэтому эгоистический пивовар не может оказаться духовным лидером этого общества. У Смита сбалансированы нравственные и экономические тенденции. Смит привлекает его и тем, что он верил в будущее возрождение Китая.

Сам Арриги говорит следующее: если Китай не построит социализм, это не будет значить, что он построил капитализм. А если Китай не построит капитализм, это не будет значить, что он построил социализм. Это не проект, это некий когнитивный вывод.

Власть не доверяет науке, она не видит в ней никакой, ни малейшей пользы.

теории видели бы в большей мере национальные, а не классовые столкновения.

Дж. Арриги, очень известный экономист и социолог, умерший совсем недавно, высказал ряд очень важных новых положений относительно экономики. Во-первых, он сказал много нового об Адаме Смите. Мы знаем, что Адам Смит был, прежде всего, шотландским моральным философом. Но посмотрите, какую социально-конструктивную роль он играет вообще в утверждении неких конвергентных систем, которые не будут ни капиталистическими, ни социалистическими.

Такие возможности, конечно, не исследованы нами. И они не исследованы потому, что, мне кажется, у нас имплицитно в головах сидит классическая концепция истины, что познание отражает мир, какой он есть. Но есть разные перспективы: «Нет, я считаю мир не таким, как у Маркса, не классы, а нации сталкиваются». – «А я считаю, что в Китае будет социализм». – «А я считаю, что в Китае будет капитализм».

На самом деле, сегодня концепции не являются чистыми отражениями некой реальности. Они также говорят о том, что мы находимся в мире, где познавательная система связана и с субъектной действительностью, и с применением на практике. И поэтому сегодня мы больше должны смотреть не только на проекты, а на проективные, социально-конструктивные функции наших познавательных выводов.

Я хотела бы также сказать, почему нередко выбирают первый попавшийся проект. Потому что власть не доверяет науке, она не видит в ней никакой, ни малейшей пользы. Приведу пример. Несколько лет назад Президент предложил передать финансирование президентской стипендии от ученых к общественным организациям. Я присутствовала на совещании в Институте общественного проектирования, где были люди из общественных организаций и некоторые ученые. Раздался голос из общественной организации «Сестры», созданной женщинами, выступающими против насилия: «Мы и так пострадали от насилия, почему мы сами должны изучать причины, ведь мы не ученые». Один из организаторов объяснил, что наука не справляется

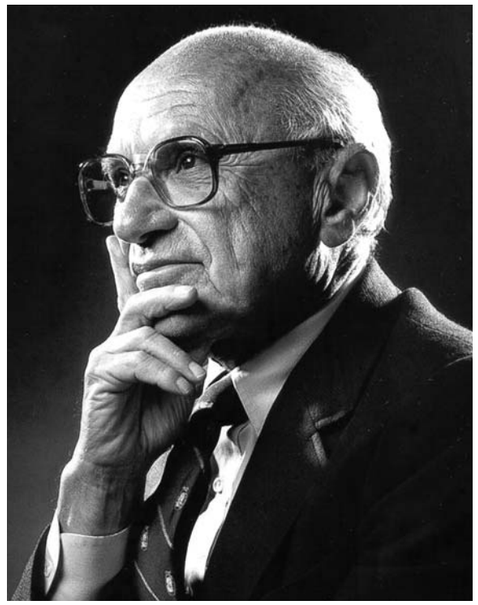
с общественными проблемами. В частности, он говорил: «Экономика ничего не может, она ничего не сделала, экономическая наука на нуле».

Я спросила выступавшего: «А вы изучали экономические мотивации, когда ориентировались на неолиберальный проект?» Я на студентах проводила эксперимент. Спрашиваю: «Если вы производите картошки по 30 рублей килограмм, а я буду покупать по 60, произведете больше, меньше или столько же?» Везде – в Америке, Германии, в Норвегии – отвечали «больше». В России – «меньше», «столько же». Сегодня значительное количество людей говорят «больше» или «столько же». Но даже бизнесмены в ту пору говорили, что меньше, ведь «денег у меня будет больше». То есть экономические мотивации и культурные традиции не учитывались.

М. Фридман, видный представитель Чикагской школы либеральной экономики, к которой относили у нас Е. Гайдара, на мой взгляд, ошибочно, опубликовал в журнале «Общественные науки и современность» в 1993 году статью «Четыре шага к свободе». Неолибералы говорили: «А если голод? Пусть, либеральная экономическая машина все исправит. А если бандитизм? Пусть, экономическая машина все исправит». М. Фридман призывал в этой статье Россию не идти по неолиберальному пути, утверждая, что это не наш путь, что нам больше подходит модель экономического развития Гонконга или что-то подобное. Только чудовищное невежество позволяет ловко навешивать ярлыки, не задумываясь о сущности преобразований.

Далее Г. Павловский говорил на этом заседании: «Мы так доверяли социологии, мы так любили социологию. А что они сделали? Ничего». Я высказала мнение о том, что они сделали. Они привели Ельцина к власти, потому что когда рейтинг Ельцина оказался 4% и приехавшие из Америки имиджмейкеры (имиджмейкеры Клинтона, имиджмейкеры губернатора из Калифорнии) сказали: «Ни в одной стране он не может победить», наши социологи сказали: «Может – в нашей». Они повезли этих имиджмейкеров по России. И они спрашивали людей: «А скажите, пожалуйста, что вы ненавидите больше Ельцина?» – «Гражданскую войну». – «Ура, голосуйте сердцем, иначе у нас будет плохо, у нас будет гражданская война». Они использовали социологов. А теперь им социологи не нужны, они виноваты. Я выступила и сказала: «Вы не дали экономистам изучить ситуацию, при которой вы выбрали проект. Вы не дали социологам проявить свою главную сущность – анализ конфликтов. Ведь когда О. Конт создавал социологию, выдвинул идею социологии, он имел в виду не допустить повторения Великой французской революции. Вы используете науку для затычки ваших дыр, а не для подлинного анализа и не для нахождения и изучения реальных конфликтов».

Милтон Фридман:
«Россия не должна идти по неолиберальному пути, это не российский путь, России больше подходит модель экономического развития Гонконга»...



Таким образом, возникает вопрос, что же может и чего не может сделать наука? Приведу легенду, рассказанную Э.Ю. Соловьевым – легенду о купце, у которого была тысяча золотых монет. К нему пришел алхимик и обнаружил, что на самом деле он имеет только пять. Алхимик сделал ему еще пять, ибо быстрее и больше он не умел. Моральная дезориентация купца была огромной, он обнаружил, что его фиктивное богатство уменьшилось в сто раз, а реальное его богатство возросло всего в два раза. Наука разрушает иллюзии. Она не может говорить: «Я вам создам светлое будущее завтра, иного не дано». Она не может сказать «иного не дано». «Иного не дано» – это революционная формула, а не научная формула. Единственное, мне кажется, что мы можем сделать, – доказать это властям.

Наука не может говорить: «Я вам создам светлое будущее завтра, иного не дано». Она не может сказать «иного не дано». «Иного не дано» – это революционная, а не научная формула.

Левая сторона стола:
А.В. Коврига,
Ю.Г. Павленко,
В.М. Симчера,
С.Н. Белкин,
Ж.Т. Тощенко,
З.А. Кучкаров.
Правая сторона, слева направо:
В.Е. Лепский,
В.Г. Федотова,
С.М, Шамба,
О.Н. Домениа,
З.И. Шалашава.

Дискуссия

С.Н. Белкин: Спасибо. Вопросы по первой части нашего заседания, пожалуйста.
В.Е. Лепский: Мне бы хотелось спросить нашу докладчицу, уважаемого профессора: а все-таки кто же субъекты этих перемен?
В.Г. Федотова: Мы написали книгу. Она заняла первое место на Всероссийском конкурсе и первое место в Институте философии. Это «История капитализма и трех современностей: первой, второй и третьей». Мне кажется, вопрос о субъекте в проекте – это законный субъект. А в истории – часто мы не можем эксплицировать этого субъекта. И мы не можем, доверяя проектной деятельности, перейти к отрицанию естественноисторических процессов как столкновения самых разных сил.
Когда Горбачев хотел организовать социал-демократию и пытался это сделать, возникал вопрос, а кто субъект. Мадзини сказал однажды: «Мы создали Италию, теперь мы будем создавать итальянцев». Часто этот субъект является продуктом возникающих по ходу дела процессов. Но также субъект может возникнуть и позже, чем возникли ситуации его формирования. В рамках темы Владимира Евгеньевича Лепского я считаю, что проект будет неудачным, если нет субъекта, который его формирует и реализует. Но в рамках всемирно-исторического развития такого субъекта может и не быть.
А.В. Коврига: Мне кажется, что в той теме, которую задает Валентина Гавриловна, важнейший момент – это знание и власть, динамика знаний.
В.Г. Федотова: Как я понимаю, вы будете говорить о когнитивном капитализме. Мы увидим, что знание – это вообще сейчас первый уровень.
А.В. Коврига: Динамика власти, динамика знаний – они взаимодействуют. И вот та утрата статуса науки, которая произошла в последнее десятилетие в ходе реформирования, она, с моей точки зрения, связана с тем, что этот институт не реорганизовался и не трансформировался сам по себе вот в этой связке. Потому что является ли наш институт науки и то, что мы делаем здесь, источником тех знаний, которые обеспечивают власть или что-то делают с ней? Это очень важный вопрос.
Процесс знания неразрывно связан с целеопределением и формированием нравственных ориентиров. И ученые, и исследовательский процесс обязательно что-то делают с этим. Субъективация и постановки стратегических задач по тому, что делать внутри страны, обязательно с этим связаны.
В.Г. Федотова: Я работаю в Академии наук три десятка лет. В советское время мы получали задания, которые шли наверх. Сейчас я считаю, что власть обслуживает себя параллельным знанием тех людей, которые могут выразить научным языком некоторый ее собственный замысел, тех людей, которым она бесспорно доверяет.

Джузеппе Мадзини: «Мы создали Италию, теперь мы будем создавать итальянцев».

У нас в институте издается 140 книг в год. Мы в этом году отметили юбилей института, на который приехало полмира, все восхищались еще сохранившейся профессиональной деятельностью таких больших научных коллективов. Но наше влияние мизерное. Мы пытаемся его оказывать через прессу, телевидение. Иногда это срабатывает. Например, мне удалось добиться того, чтобы не расформировали Пензенскую область, которую хотел расформировать Кириенко. Он был в Поволжском федеральном округе представителем Президента. С его либеральных позиций старинный русский город – это пустое место. Я написала статью в «Независимой газете», каким-то чудом она попала к Путину, каким-то чудом мне позвонили и закрыли этот проект. А Кириенко стал утверждать, что ему навязали этот проект, хотя об этом были написаны многие документы и статьи. То есть, конечно, это очень больной пункт. Просто иногда удивляешься, как быть. Но я считаю, что наше когнитивное влияние на действительность все-таки социально-конструктивное и может состояться. Это дает нам возможность работать и быть уверенными.
С.М. Шамба, Премьер-министр Республики Абхазия: Я хотел бы на примере Абхазии этот вопрос конкретизировать. С первого дня, буквально с первых дней после войны наша власть во главе с первым Президентом Абхазии Владиславом Григорьевичем Ардзинбой поручила нашим ученым разработать всю налоговую систему, все налоговое законодательство Абхазии. Это впервые формировалось. Позже, уже в банковской сфере, практически вся законодательная деятельность была на плечах ученых Абхазии и совместных практиков. Самое последнее решение нашего Президента: группе ученых Абхазского государственного университета было поручено совместно с российскими учеными разных вузов (Московского госуниверситета, Академии госслужбы, Северо-Западной академии госслужбы, вузы Юга России) разработать стратегии развития Абхазии на перспективный период.
Также сегодня был задан вопрос насчет учета фактора курорта, туризма и культуры. Курортная сфера у нас рассматривается как приоритетная отрасль. И само собой, что одним из главнейших в этой стратегии является как раз ориентир на развитие этой сферы как дающей более быстрый эффект в экономике, а также развитие сельского хозяйства.
Также хотелось бы обратить внимание на затронутый Олегом Нестеровичем Даме-ния вопрос взаимодействия культуры России и Абхазии. Во время абхазской войны в Москве был сделан доклад известным общественным деятелем Абхазии – профессором Вороновым Юрием Николаевичем. Он обосновал тесное взаимодействие Абхазии с Россией во всех сферах деятельности, в том числе в экономике (и в досоветский, и в советский период).
И напоследок хотелось бы отметить, что у нас есть замечательные ученые во всех областях: экономической, технической, физико-математической, философской. Хотелось бы, чтобы они также принимали участие в подобного рода мероприятиях, а руководство нашей страны будет этому всячески содействовать.
С.Н. Белкин: Спасибо. На этом наша дискуссия по вопросам, затронутым в докладах первой секции, завершается. Мы переходим ко второму тематическому разделу круглого стола.

секция 2

Духовно-нравственные **устои и модернизация** общественно-экономического устройства

Н.Н. Томашевская

Гуманизация экономической парадигмы в обществе потребления услуг

Томашевская Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор, сотрудник Центра стратегических исследований при Президенте Абхазской Республики

Одной из черт современного общества является характеристика его как общества потребления. Данное понятие характеризует еще индустриальное общество в эпоху зрелого капитализма. Однако в постиндустриальном обществе (другие названия – информационное, технотронное) общество потребления сильно отличается стилем потребления.

Каковы основные особенности этого нового стиля? Это высокий уровень потребления основной массы населения, изобилие материальных благ и услуг, распространение городских форм и условий потребления на сельскую местность. Городской стиль жизни превращается во всеобщий образец и вытесняет другие жизненные стили вместе с традициями потребления. На первое место в структуре потребления выдвигаются знания и информация. Постоянно растет потребность в разнообразных информационных услугах. Вместо экономики, основанной на растущем производстве товаров, начинает формироваться экономика услуг как разновидность товарного продукта. Совершается своеобразный возврат к базовым ценностям доиндустриальной эпохи, но на гораздо более высоком уровне потребления. Снова усиливается интерес к полному, качественному удовлетворению основных, базовых потребностей человека (натуральные продукты, одежда из натуральных материалов, здоровый режим труда и отдыха, полноценное человеческое общение и т.п.). Растет престиж здорового образа жизни. Входят в моду различные методы оздоровления, открывается множество спортивных клубов, ведется пропаганда против курения, алкоголизма и наркомании. Расширяется сеть магазинов, торгующих экологически чистыми продуктами, изобретаются всевозможные оздоровительные диеты; борьба с избыточным весом приобретает масштабы общенациональной кампании.

Культура становится своеобразным фактором хозяйства в сфере маркетинга, в области рекламы, при оформлении продукта, в сфере маркетинга товарного потребления. Слово «потреблять» означает теперь новое эмоциональное отношение между человеком и объектом, между человеком и его местом жительства или местом временного пребывания. Неслучайно потребление в ушедшем столетии означало прежде всего потребление образных, наглядных впечатлений.

Сфера «культуры» современного абхазского общества претерпевает сегодня значительные изменения: появляются новые поколения производителей и потребителей культурных продуктов, распространения и потребления культуры, формируется сектор «коммерческой культуры». С другой стороны, присутствуют тенденции традиционализма. Превалирует взгляд государства на культуру как на «оплот традиций», пространство «стабильности» для своих граждан или как политический ресурс в сохранении независимого государства.

Но культура – это еще и экономический ресурс, а в лице общества – человеческий капитал государства. Каково качество человеческого ресурса – такова и экономика и культура. Поэтому государственная поддержка развития экономики должна способствовать развитию тех отраслей хозяйства, которые служат удовлетворению растущих потребностей товарами и благами культурного и эстетически совершенного характера. К примеру, поддержка развития экономики со стороны государства должна отвечать широко распространенной потребности в эстетическом совершенствовании наших построек и мест проживания. Для этого оно должно предоставлять в распоряжение средства для испытания, исследования альтернативных форм хозяйства и организации. В качестве примеров такого рода альтернативных форм можно назвать экологически чистое сельское строительство, кооперативные мастерские, развитие техники, не наносящей вреда природе, создание сети восстановительного лечения с целью сохранения трудоспособности людей, индивидуальные сообщества самообеспечения или смешанные формы рыночного производства, предусматривающие производство товаров для собственных нужд, а также ресурсосберегающие виды туризма – экологический, сельский (деревенский), зеленый.

В международном масштабе внешняя культурная политика, наряду с ее дипломатическими и политическими задачам, могла бы рассматриваться как «культурный маркетинг» в экспорте товаров и услуг страны и как реклама для культурного покрытия потребительной стоимости товара, произведенного в Абхазии.

Культура становится фактором хозяйства в сфере маркетинга, в области рекламы, при оформлении продукта. Слово «потреблять» означает новое эмоциональное отношение между человеком и объектом.

Культурный знак товарного экспорта делает его невозможным для замены подобным товаром другой экспортирующей стороны, а значит – конкурентоспособным. Внешняя культурная политика (требовательная, взыскательная) по своему содержанию становится не просто инструментом содействия разносторонним связям, но и продуцирует «высокую культуру» (Й. Хейзинга). Согласованность культурных и экономических характеристик экспортируемых товаров создает новые возможности для сотрудничества между политикой, экономикой, культурой, наукой и искусством.

Например, поддержка деятелей искусства и культуры, благодаря персональной и деловой поддержке, может стать для предприятий стратегией, благоприятной для маркетинга и саморекламы. В цепочке: «государственный заказ – контракт на исполнение заказа между фирмой и художником» – обслуживаются художник, фирма и государство. Последнее получает свой доход от налогов и на практике реализует культурную политику поддержки высоких образцов искусства в оформлении улиц, площадей, торговых марок, национальных брендов и др.

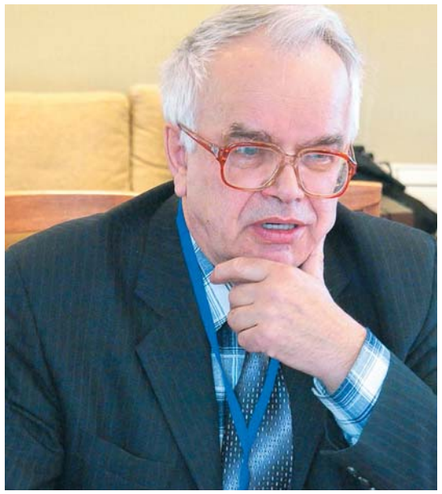
Взаимное оплодотворение экономического и художественного производства способствует эстетическому обучению и воспитанию населения, созданию незабываемой атмосферы от пребывания в этом месте. Как правило, такую особую атмосферу создают образцы национального искусства, декора, архитектуры. Такая атмосфера приобретает ценностное выражение в туристском продукте и бесценное для проживающего здесь населения, сохраняя артефакты местности, региона, этнической и экологической систем. Потребление благ такой атмосферы выравнивает в ее лице степень доступности разным слоям общества нематериализованной, неосязаемой услуги, гуманизируя социальные практики пространства потребления.

Поэтому образцы решения учеными проблем в структуре стоимости товаров и услуг должны ориентироваться не только на традиционную меновую (рыночную) и потребительную формы стоимости, но и стоимость символическую.

Ж.Т. Тощенко

«Кентавр-проблемы» как особый случай противоречия между экономикой и нравственностью

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан социологического факультета РГГУ



Уважаемые коллеги! Я хотел бы напомнить вам общепринятые принципы научного познания, когда мы анализируем социальную реальность. Наиболее часто (это первый вариант) мы выявляем состояние и тенденции в развитии тех или иных экономических, политических, культурных, духовных процессов. Второй вариант – когда мы специально ищем и позитивное, и негативное, то есть выделяем то, что нужно поддержать, а что – ограничить. Третий вариант заключается в том специфическом анализе, когда мы пытаемся выявить некоторые гибридные формы явлений и процессов, которые порождены то ли традициями, то ли взаимодействием с культурами и другими сферами общественной жизни.

Надо слушать и слышать в первую очередь не экономические, а внеэкономические – социальные, нравственные, духовные – факторы, ориентироваться на народное общественное мнение и настроение и только на этой основе строить управление.

Но я хотел бы остановиться на таком классе явлений, который, на мой взгляд, сейчас приобретает все большее и большее значение, потому что происходящие сейчас изменения в современной России породили такие процессы, которые раньше или мало присутствовали в нашей жизни, или были в зародышевом состоянии. Они отражают феномен «сочетания несочетаемого», «совмещение несовместимого», Я называю их кентавр-проблемами, кентавр-процессами, кентавр-явлениями. Напомню, что слово «кентавр» в античной мифологии характеризовало племя диких кочевников, жившее на севере фессалийских городов в Древней Греции. Племя нападало на эти города, занималось грабежом и моментально исчезало. В преданиях, в мифах, в человеческом представлении, в легендах сохранилось представление, что люди имели дело с человеком-лошадью, который олицетворял некое единое существо.

Конечно, с точки зрения биологии, вы понимаете, не может быть существования такого образования, такого создания. Но мне кажется, что условное перенесение этих моментов на общественные процессы позволяет нам говорить, что мы чаще всего встречаемся с этими явлениями, которые, с одной стороны, вроде не должны возникать и появляться, но они, тем не менее, реально существуют. Я напомню часто обсуждаемое сегодня событие в станице Кущевской Краснодарского края. Напомню, что это – эффективно действующий сельскохозяйственный холдинг «Агро», возглавляемый матерью бандита, который ставился в пример краевой печатью как образцовое хозяйство. Более того, со стороны администрации было выделено даже 16 миллионов рублей на развитие этого агрохолдинга. То есть с точки зрения формальной, официальной – все это поддерживалось, все это приветствовалось, об этом говорилось как об эффективно действующем хозяйстве. На уровне же реальной повседневной жизни были сигналы о неблагополучии, были даже действия против этой организованной банды, но все это затмевала показная экономическая эффективность.

И то, что власть не обращала внимания, не реагировала на эти все возрастающие конфликты, на увеличивающийся беспредел, позволило образоваться такому кентавр-явлению, которое в конечном счете лопнуло, вышло с исключительнейшими негативными последствиями, которые можно было бы предотвратить, если бы не обращалось внимания только на одну сторону этого действия – экономическую. И вот образовался кентавр, который, по сути, по элементарному смыслу не должен был существовать, но тем не менее жил, разрастался и увеличивал свою мощь и влияние. Но, как любой кентавр, он все равно должен был исчезнуть. Но какую цену за это исчезновение пришлось заплатить!

Отсюда вытекает достаточно ясное политическое и практическое действие – каким образом реагировать на происходящие неоднозначные процессы, чтобы эти кентавр-проблемы не появлялись? В принципе, при определенных обстоятельствах можно было улавливать и эту назревающую напряженность, этот рост негативных явлений, подозрительных тенденций. Надо слушать и слышать в первую очередь не экономические, а внеэкономические – социальные, нравственные, духовные – факторы, ориентироваться на народное общественное мнение и настроение и только на этой основе строить управление и на сельском, и на районном, на региональном и всероссийском уровнях.

Этот факт стал кентавристическим феноменом – когда соединилось то, что формально взаимоисключало друг друга, но, тем не менее, в реальной жизни соединилось и существовало определенный период времени. Более того, как вы видите, это не исключение из правил, не экстравагантный случай совмещения несовместимого. Это присуще не только станице Кущевской. Аналогичные процессы выявились в Саратовской области, в Гусь-Хрустальном, в ряде других мест. Почему это произошло и даже еще в большем или ином проявлении? Я думаю, что произошел один существенный сдвиг по сравнению с 1990-ми годами. В период становления капитализма в России происходило сращивание преступности и капитала, а сейчас еще добавилось сращивание с властью, что неизбежно привело к образованию такого «кентавра», который ставит под сомнение существование правопорядка, возникшего после распада СССР.

«Кентавр» ставит под сомнение существование правопорядка, возникшего после распада СССР.

Этот феномен – порождение и появление новых кентавр-явлений и процессов – имеет тенденцию множиться, проявлять себя в самых разнообразных комбинациях, в самых различных областях нашей жизни. И они часто рождаются не стихийно, а под воздействием сознательно сформулированных экономических и политических установок, которые характеризуются невежеством, отсутствием всякого критического мышления и умения видеть проблемы в комплексе составляющих и опосредующих элементов, или сознательно проводимой политикой, преследующей своекорыстные, эгоистические корпоративные интересы. Возьмем, к примеру, такую острую социально-экономическую проблему, как реформа ЖКХ. Для чего она проводится? Провозглашается, что ради оказания услуг населению. А на деле? Ведь создаваемым этой реформой организациям,

Реформа ЖКХ нацелена не на оказание услуг, а на получение прибыли, и, соответственно, превращается в прямо противоположное тому, что должно облегчать человеческую жизнь.

Таблица 1

Как вам кажется, начиная с августа 1991 года, страна шла в правильном или неправильном направлении?

Варианты ответов	2003	2005	2007	2008	2009
В правильном направлении	30	25	28	33	42
В неправильном направлении	47	50	37	40	39
Затруднились ответить	23	25	35	27	19

Источник: Общественное мнение-2008. М.: Левада-Центр.2008. С.177 и данные текущего архива этого Центра.

кооперативам, товариществам ставится задача извлечения прибыли. Их деятельность регулируется теми же правилами и законами, как и любое коммерческое предприятие. А к чему это ведет? К безудержному росту цен на эти услуги. Если обнажить сущность этой искусственно сконструированной программы, то становится очевидным, что она нацелена не на оказание услуг, а на получение прибыли, потому что эти жилищно-коммунальные организации должны отдавать прибыль государству, платить налоги, а соответственно превращаться в прямо противоположное тому, что должно облегчать человеческую жизнь.

Эти кентавристические образования часто возникают, когда они при попустительстве государства появляются в нашей жизни. Именно недодуманностью, несовершенством и даже прямым попустительством можно назвать такое явление, как обманутые дольщики в строительном бизнесе. Возникла удивительная болезненная ситуация, характеризующаяся обманом людей при молчаливом невмешательстве официальных структур, позиция которых сводится к одному – пострадавшие должны ответственно относиться к своим личным делам, не доверять жуликам, знать, что они вступили в рыночные отношения со всеми возможными издержками. А ведь, по самым скромным подсчетам, людей, которые вошли в строительные кооперативы, в строительные аферы, насчитывается около 40 тысяч по всей России, и не только в Москве и Подмосковье. И вполне резонно ставится уже вопрос о том, должно ли государство закрывать глаза на подобного рода проблемы.

Произвол кентаризма присущ и стратегическим решениям государства, когда в его деятельности в той или иной мере продолжают господствовать технико-экономические ориентиры. Сейчас в политике господствует при оценке деятельности экономики в основном только один показатель – ВВП. А ведь даже многие видные российские экономисты, такие как Богомолов, Куликов, Некипелов, Лесина, Серегина считают, что нельзя его ставить единственным показателем при характеристике нашего развития. Это важная, значимая характеристика развития, но когда ее делают единственной, это сразу серьезно ограничивает возможности для взвешенной многосторонней оценки состояния нашей экономики. Если мы не учитываем такие моменты, которые далеки от статистически предлагаемых ориентиров, то полностью игнорируем то, что происходит в общественном сознании.

Все эти кентавристические проблемы возникли и продолжают существовать как результат неолиберальной политики, невразумительной несостыковки их квазитеоретических построений и их поразительного несовпадения с требованиями реальной жизни.

Таблица 2

Лично вы, ваша семья выиграли или проиграли от перемен, которые происходят в стране, начиная с 1992 года? (В % к числу ответивших. N=1600)

Варианты оценок	Дек. 1999	Дек. 2002	Апр. 2008
Выиграли	10	22	36
Проиграли	74	57	37
Затруднились ответить	16	21	27

Источник: Общественное мнение-2008. М.:Левада-центр.2008. С.31.

Таблица 3

Насколько возможны, на ваш взгляд, в вашем городе, сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями отставки Президента, Правительства, роспуска Парламента? (в % к числу ответивших. N=1800)

Варианты ответов	1997	2000	2005	2007
Вполне возможны	37	12	28	20
Маловероятны	47	71	55	61
Затрудняюсь ответить	16	17	17	19

Источник: Данные ВЦИОМ.

Я хотел бы привести несколько социологических данных, которые знаменуют оценку усилий неолиберальной политики *(см. табл. 1)*.

Данные свидетельствуют о том, что страна практически разделилась поровну, демонстрируя такое явление в общественной жизни, которое можно назвать антиномией, когда люди имеют веские основания доказывать истинность своих убеждений. Как показывают эти данные, противостояние двух взаимоисключающих позиций общественного сознания продолжается и имеет тенденцию не одобрять нынешний либеральный курс. Экономический и финансовый кризис еще в большей степени уменьшил число сторонников экономических реформ, особенно если на эти процессы посмотреть с позиций личного благополучия человека *(см. табл. 2)*.

Исходя из этих данных, обращает внимание на себя тот факт, что наряду с увеличением признающих, что они выиграли от происходящих изменений, остается значительное число проигравших, а также тех, кто не может определить свое отношение к свершившимся изменениям.

Поэтому неудивительно, что в обществе достаточно высок протестный потенциал. Резкое уменьшение доверия к основным политическим институтам страны выразилось в негативной оценке деятельности Государственной Думы, правительства, что многократно превышало процент позитивных оценок. Политическому руководству не был прощен ни один просчет – спад производства, обнищание основной массы населения, преступность, межэтнические конфликты, монетаризация льгот и т.п. Все это отразилось, хотя с некоторыми колебаниями, на достаточно высоком уровне фрустрации (стремлении к протесту), который уже в условиях кризиса повысился в различных регионах на 10-12 пунктов *(см. табл. 3)*

В политических концепциях есть такая аксиома: «Народ нельзя обмануть. Если же это случается, то ненадолго». Посылы начала 1990-х гг. были встречены с одобрением и вдохновением (большинство населения признавало, что «так жить нельзя»). Но люди довольно быстро осознали порочность и гибельность предложенных преобразований, что привело к политической смерти многих «прорабов» перестройки и «творцов» реформ. Реализация их помыслов привела к тому, что согласно всероссийским опросам, почти 20% населения считают, что возможна угроза гражданской войны и этнических столкновений. Таким образом, можно сказать, что прожекты неолибералов, даже будучи продиктованы хорошими намерениями, не были сопоставлены с реальной жизненной практикой, с менталитетом народа.

Все это позволяет сделать парадоксальный вывод, которого я как социолог придерживаюсь – «Народ всегда прав, даже если он неправ». Люди будут всегда поступать так, как они думают, как понимают происходящее с позиций личных или групповых интересов. Нам надо понять, почему они пришли к таким выводам и заключениям, которые идут вразрез с вроде бы рациональными предложениямя и предлагаемой им политикой. Поэтому исследование и понимание того, что происходит в общественном сознании, начиная от первичной производственной или территориальной организации и завершая общероссийскими характеристиками, позволит преодолеть разрыв между экономическими и неэкономическими факторами нашего общественного развития и направить наши усилия на достижение социальной справедливости и благосостояния всех членов российского общества.

В.М. Симчера

Физика и метафизика неосознанных рыночных взаимодействий

Современные либералы договорились до того, что их детище – вторичная по своему содержанию и метафизическая по своей природе монетаристская экономика – без реальной физической экономики якобы может обойтись, а вот физическая экономика (экономика, занятая производством материальных благ, услуг и капиталов) без виртуальной метафизической экономики существовать не может. Нечто подобное в истории с определенной регулярностью не раз повторялось. Историческая спираль топтания на низах убогих притязаний такая. Под лозунгами улучшения жизни и защиты прав человека на смену племенному общинному строю (из всех известных до сих пор самому демократичному по форме и свободному по содержанию) приходит рабовладельческий, а затем феодальный строй с его латифундиями и физиократами. В свою очередь, на смену им появляются фритредеры и протекционисты с их торговыми капиталами, бесконечными войнами и захватами чужих территорий. Затем наступает эпоха возрождения, и на мировую арену с лозунгами защиты частной собственности (в целях создания и приумножения прибавочной стоимости) выходят эксплуататоры всех эксплуататоров – капиталисты. Спустя 300 лет против них во главе с социалистами и коммунистами выступает пролетариат, на смену которому с пафосными лозунгами повсеместного утверждения принципов первобытных демократических ценностей, прав и свобод человека, по поговорке «мужик и ахнуть не успел, как на него медведь насел», с молниеносной исторической быстротой приходят представители либеральной экономики.

Круг замкнулся. Формы и методы смены общественных укладов, как видим, разные, суть практически одна и та же – эксплуатация, обман и надувательство. И как неизменное общее следствие – преступное обогащение и безнаказанное мракобесие правящего класса с одной стороны, и беспробудная бедность и нищета широких народных масс с другой. Мир, как и автомобиль, за всю историю своего существования мало изменился.

Симчера Василий Михайлович – доктор экономических наук. Профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Института НИИ статистики Росстата.

Что скрывается за этими формами и методами сегодня в России?

60% активов в России, 70% прибылей, 80% акций на российских рынках и 90% грантов принадлежит иностранцам в России. Что вы в России хотите от науки, и какая национальная наука в этих условиях может существовать?

В России материальные активы занижены в 10 раз. Основные фонды – это 3 триллиона при 1,5 триллиона ВВП. Это ничто. На самом деле, реальная цена этих материальных активов, превышает 35-40 триллионов USD. Проданы они будут в очередной раз анонимно, на подставных лиц примерно за 3-4 триллиона. Не более. Что вы хотите, и как вы хотите развивать экономику на такой обесцененной и безнадежно неэквивалентной основе? Такой экономики быть не может, ее надо просто выдумывать и апологетировать.

Вместе с тем нематериальные активы России завышены десятикратно. А вслед за этим и нематериальные активы всего мира. Реальный мир, с учетом теневой экономики, продуцирует 70 триллионов ценностей в год (общий мировой объем ВВП), причем 40 из них – нематериальные ценности, и только 30 триллионов – это материальные ценности. И при этом он номинирует капиталы, которые производит, в величину, превышающую 700 триллионов USD, то есть в 10 раз больше.

Все сегодня заострены на легкой наживе, мать которой – спекуляция, отец – обман, а кокон – виртуальная экономика.

Байка о том, что виртуальная экономика стала реальностью и якобы может обойтись без реальной экономики, широко укоренилась в сознании не только прожженных махинаторов, но и широких народных масс. Все сегодня заострены на легкой наживе, мать которой – спекуляция, отец – обман, а кокон – виртуальная экономика. Но, конечно же, это всего лишь байка. На самом деле – это реальная экономика, в конце концов, может обойтись без виртуальных активов, но никак не наоборот.

В эпоху торжества тупой корысти, денег, а не ума и благ, естественно, что мы имеем дело с осознанно (или неосознанно, что еще хуже) превращенной экономикой, о которой Маркс много в свое время писал как о модифицированной и притворной. И тьма отсюда. Видимый виртуальный прогресс ведет к парадоксальному регрессу и обесценению. И, следовательно, – бедности, нищете и голоду: сегодня 4 миллиарда из 6,5 миллиарда людей живут в день за 2,5 доллара. Как эти люди могут на вас работать? И тем более голосовать за вас, махинаторов-эксплуататоров, на выборах?

И в этом, мне кажется, главное все еще неосознанное социальное и экономическое противоречие мира. Саркози, Берлускони и иже с ними хотят купить народ, но они скупые, жадные и не могут дорасти до того, чтобы среднюю заработную плату в мире довести до 1,5 тысячи долларов в расчете на каждого. В месяц! У нас платят 400 долларов и считают – «ребята, все в порядке». И наши маргиналы на это согласны.

Осознанные ли у нас социальные конфликты в обществе? Говорят 37, 40, 60% населения страны якобы готово уже сегодня выступить против них. Кто они, где они? Пугают. В нашей стране уже все 20 лет некому ни воевать, ни выступать, ни бунтовать! Публика на низах прикормлена.

О.Т. Богомолов: Говоря о зарплате, необходимо сделать поправку на наш курс, заниженный в два раза. Если пересчитать по правильному курсу, то есть по ППС, то будет почти тысяча долларов.

В.М. Симчера: Правильно. Тысяча условно-расчетных долларов будет, но из нее надо вычитать вмененные расходы. Если у вас вмененные расходы в условиях социализма составляли 10% (по максимуму), то теперь они составят все 75%. Вы должны заплатить за имущество, школу, ВУЗ, больницу, транспорт, за квартиру, заплатить по вмененным расходам, вы должны платить штрафы, пошлины, поборы, взятки, покрывать немеренные налоги, инфляции, курсовые разницы и т.д.

О.Т. Богомолов: Так поясните, что такое вмененные расходы.

В.М. Симчера: Это то, что обязательно надо платить, и никуда от этого не увернуться. Иначе у тебя квартиру заберут, иначе тебя с работы прогонят, иначе не дадут справку. И так далее, и так далее. Вы должны заплатить за билет не ту цену, которая есть, а ту, которую вам вменили.

О.Т. Богомолов: А медицинские и образовательные услуги? Вмененные?

В.М. Симчера: Абсолютно вмененные. И многие былые бесплатные бытовые услуги, включая бесплатные путевки в санатории, – ныне тоже вмененные расходы. Ведь до этого они уже были включены в цену товара, которую платит каждый. В социальном государстве, а мы мним себя социальным государством, они должны быть бесплатными. И что после этого остается? Остается меньше, чем человек имел в советский период. Каждый добросовестный ученый сегодня испытывает все это на своем собственном опыте.

Удельный вес материальной части ВВП, то есть материального продукта, у нас – это одна треть, причем эта треть растет с отрицательными темпами. А с положительными темпами растет нематериальная часть продукта, обменные операции и посреднические услуги, спекулятивный капитал. Ясно, что такая экономика долго существовать не может.

О.Т. Богомолов: Но в эту материальную часть услуги реального сектора входят?

В.М. Симчера: Да, реальные услуги, в частности, ремонт машин или обуви, туда входит.

Видимый виртуальный прогресс ведет к парадоксальному регрессу и обесценению.

И транспортные расходы, и охрана, и провайдерские услуги.

О.Т. Богомолов: То есть все за исключением ...

В.М. Симчера: Все, что реально, – входит, а нереальное, виртуальное, спекулятивные накрутки – не входят.

Паритеты валют страшно деформируют экономику. Но мы как нация даже не доросли до того, чтобы в стране иметь курс своей валюты. Мы как африканцы: котируем и тупо следуем курсам иностранных валют.

О.Т. Богомолов: А курс рубля?

В.М. Симчера: Нет у нас курса рубля. Вглядитесь в таблоиды, которых в Москве больше чем собак. Не доросли до того, чтобы иметь курс рубля в стра-

Мы как нация даже не доросли до того, чтобы в стране иметь курс своей валюты. Мы как африканцы: котируем и тупо следуем курсам иностранных валют.

не. У нас котируются курсы иностранных валют десяти различных стран, хотя в Конституции рубль – национальное достояние. Какое же это национальное достояние, если вы котируете в собственной стране не рубль, а доллар и евро? Выходит, национальное достояние России это доллар и евро, а вовсе не рубль!

При сравнении с Западом наши показатели следует пересчитывать в паритетные курсы (ППС). Доллар по ППС сегодня – 16,5 рублей, в 2006 г. – 14,5 рублей, прежде (2003 г.) – 12, а в 2000 г. – всего 9 рублей. Мы раз в каждые три года счет стоимостных показателей по ППС и обменному курсу доллара США ведем отдельно.

О.Т. Богомолов: То есть счет валового продукта, зарплаты, инвестиций?

В.М. Симчера: ВВП – да. Зарплаты и инвестиции – нет. ППС определяется путем сравнения цен по 2500 товарным позициям. На дату сравниваем текущие цены у нас и в США по этим 2500 позициям и выводим индекс цен двух стран, который и есть реальный паритет покупательной способности рубля и доллара США.

О.Т. Богомолов: Именно этот курс, 16,5 рублей за доллар?

В.М. Симчера: Это реальный паритет. Вы его можете найти в любом статистическом издании у нас.

Но он никому не нужен. Это декорация. И ничего в стране для наших соотечественников на основе этого реального курса рубля не делается: ни зарплата не назначается, ни реальные активы не оцениваются, ни инвестиции не привлекаются – ничего.

О.Т. Богомолов: Иностранцы выгодно скупают наши активы...

В.М. Симчера: И обеды, номера в гостиницах по 16,5 рублей за доллар, получив до этого у нас же за свои доллары по 30 рублей. Только для них и стараемся, чтобы такой благоприятный курс у нас применялся.

А.В. Коврига: А если реальный курс применять, то вообще рухнет экономика?

В.М. Симчера: Это компрадорская экономика рухнет, а национальная экономика не рухнет. Это компрадоры в стране утверждают, что «если мы понизим курс – у нас понизится экспорт и повысится импорт. Если мы будем по 16,5 рублей с экспортерами рассчитываться, то нефть невыгодно будет экспортировать». Разве наше правительство дало клятву работать на экспортеров, а не на народ? Разве интересы 15% экспортеров и иже с ними выше интересов остальных 85% населения?

О.Т. Богомолов: А Китай?

В.М. Симчера: Китай доминирует и живет на экспорте. Заметим, на эквивалентном экспорте. У Китая курс юаня работает на народ, а у нас наш обменный курс рубля против кошелька народа. Нельзя же от народа требовать платить за доллар вот уже целых 20 лет втридорога. Посчитайте сами, сколько народ за эти годы переплатил американцам за «пустые бумажки». Если мы можем различать, если вводим типологию экономических ситуаций и типологию экономик, тогда все встает на свои места. А если мы нарушаем типологию и все суем в один мешок – получается абракадабра.

Фундаментальное экономическое положение заключается в том, следует или не следует ли та или иная национальная экономика принципам эквивалентного обмена. Вывод из того, что я утверждаю, простой: экономика Китая следует, экономика России – не следует. При этом, по сравнению с советскими временами, неэквивалентность экономики России круто возросла. Отсюда все беды. И если мы не понимаем алгебру этих экономических отношений, а просто (а то и вульгарно) сравниваем цифры без понимания их составляющих, мы причиняем национальным интересам нашей страны огромный вред.

Если бы мы сегодня покупали доллары США за 16,5 рублей, именно по такому курсу номинировали, в том числе теперешние рублевые доли в «Газпроме», Сбербанке и в ВТБ, то мы бы что-то получили. Но поскольку, как и прежде, бездарно все продадим из расчета текущего обменного

	Параметры	Декларируемые данные	Фактические значения	Разрывы в разах
1	Заниженные оценки национального богатства России	$4,0 трлн	$40 трлн.	в 10 раз больше
	в том числе основные фонды	$2,7 трлн	$16,2	в 6 раз больше
2	Завышенные оценки фиктивного капитала в мире	$700 трлн	$70,0 трлн	в 10 раз меньше
	в том числе в России	$24 трлн	$1,2 трлн	в 20 раз меньше
3	Заниженные оценки интеллектуального капитала	$1,5 трлн	$25 трлн	в 16,7 раз больше
4	ВВП наблюдаемой экономики (2009 г.)	$1,2 трлн	$2,6 трлн	в 2,2 раза больше
5	ВВП ненаблюдаемой экономики (2009 г.)	Не декларируются	$1,4 трлн	Неизвестны
6	Доля инвестиций в % ВВП	18,5	12,2	на 33,3% меньше
	в том числе доля инноваций	3,2	0,9	на 72% меньше
7	Доля материального продукта в % к ВВП	2/3	1,3	на 50% меньше
8	Темпы прироста ВВП в %	6	4	на 33% меньше
9	Темпы прироста материального продукта в год, %	3	-3	в два раза меньше
10	Темпы прироста инфляции, % в год	6-8	18,27	в 3,0-3,4 раза выше
11	Курсы руб./долл. США	28-32 (обменный курс)	12-15 (ППС)	на 43-47% завышены
12	Разрывы в доходах богатых и бедных, в разах	16	28-36	в два раза больше
13	Разрывы в уровнях регионального развития, в разах	14	42	в три раза больше
14	Уровень социальной однородности общества	65	9-12	на 76,2% меньше
15	Доля бездомных и других социально деклассированных групп населения, в % к общей численности населения	1,5	45	в 30 раз больше
	Доля проживающих на 2.5$ в день	0,5	27	в 54 раза больше
16	Уровень эффективности экономики в целом, в том числе	4,5	2,3	в два раза ниже
	в % к выручке	8	4	в два раза ниже
	в % к активам (в том числе монополий)	5	2	в четыре раза ниже
17	Удельный вес убыточных предприятий, в %	8	40	в 5 раз больше

Таблица 1. Характеристики современной физической и метафизической экономики России

	Параметры	Декларируемые данные	Фактические значения	Разрывы в разах
18	Доля административного ресурса в экономическом росте 2009 г., в %	3	33	в 11 раз
19	Ресурсы модернизации (млрд руб.)	750	30	в 40 раз меньше
20	Эффективность модернизации, в % к затратам	25	2,5	в 10 раз меньше
21	Уровень общего налогообложения, в % от полученных доходов	45	90	в два раза выше нормы
22	Уровень уклонения от уплаты налогов, в % от доходов	30	80	в 2,3 раза выше
23	Пенсионные накопления, в % от ВВП	6,5	5,5	на 15,4% меньше нормы
24	Расходы на социально-культурные мероприятия в % к бюджету	21,7	18,5	на 14,8% меньше нормы
25	Социальные расходы в США	32,8	32,8	нет разрыва
26	Социальные пособия и помощь, в % от ВВП	2,0	1,5	на 25% меньше нормы
27	Доля иностранного капитала в экономике России, в целом, в том числе	20	75	в 3,5 раза выше
	в имуществе, в %	25	60	в 2,4 раза больше
	в прибылях	21	70	в 3,3 раза больше
	в акциях	18	80	в 4,4 раза больше
	в грантах	14	90	в 6,4 раза больше
28	Уровень безработицы (в % к занятости)	2-3	10-12	в 4-5 раза выше
29	Численность совершенных преступлений, 2009 г., млн чел.	3,0	4,8	в 1,6 раза больше
30	Уровень протестных настроений в обществе			
	(доля лиц, в общей численности взрослого населения, готовых выступить против нынешней власти)	3-7	30-42	в 7-10 раз больше
	удельный вес несогласных с нынешней властью	37	74	в два раза больше
31	Уровень удовлетворенных жизнью в Российской Федерации (лица с доходами свыше 15 тыс. долларов США в месяц, в % к общей численности работающих)	32,8	11,6	в 3,5 раза меньше

Таблица 1. Характеристики современной физической и метафизической экономики России (продолжение)

	Параметры	Декларируемые данные	Фактические значения	Разрывы в разах
32	Потери и упущенные выгоды, в % от ВВП	3	9	в 3 раза больше
	в том числе в самом обществе	35	50	в 1,4 раза больше
33	Разница между ценами производителей и розничными ценами, в разах	1,5	3,2	в 2,1 раза больше
	В том числе:			
	в сельском хозяйстве	1,3	4,0	в 3,1 раза больше
	в государственных закупках	1,1	1,6	в 1,5 раза больше
34	Разница между назначаемыми и оплачиваемыми тарифами естественных монополий, в разах	1,1	1,7	в 1,5 раза больше
	в том числе в коммунальных платежах	1,2	2,4	в два раза больше
35	Степень износа основных фондов, в %	48,8	75,4	в 1,5 раза выше
36	Норма эксплуатации трудящихся в России			
	Отношение произведенного ВВП на одного работника к его среднегодовой зарплате, в %	193,6	406,6	в 2,1 раза выше
	Отношение прибыли к фонду заработной платы, в %, 2009 г.	93,6	196,6	в 2,1 раза выше

Таблица 1. Характеристики современной физической и метафизической экономики России (окончание)

курса, который у нас в два раза ниже настоящего курса, то мы от этого ничего в плюсе не получим, кроме того, что получат посредники, мужья и жены операторов этих сделок. Страна же на этих сделках уже потеряла триллион долларов США и будет при сохранении таких вырожденных порядков терять и дальше. Заметим, что благодаря массированной пропаганде наших продажных СМИ такие убитые сделки номинируются у нас как благо для России, а их критика подавляется или расценивается как маргинальная.

Характерно, что наш Совет Безопасности при этом безмолвствует. Может быть, от того, что он у нас легитимно так и не стал полноценным высшим органом конституционной власти, призванной защищать национальные интересы России.

Разрывы между доходами богатых и бедных (если считать по паритетному курсу рубля и реальному индексу инфляции) зашкаливают за отметку 44. В областных регионах-реципиентах России они еще выше. Оценки этих разрывов в 15 раз являются чисто декоративными. Вообще говоря, существуют методы статистического счета, когда они будут еще меньшими. Дело все в том, что индексы инфляции у нас на регулярной основе искусственно в 2-3 раза занижаются, а индекс социальной инфляции (рост цен на товары, которые покупают бедные, в том числе все 90 % пенсионеров) – еще больше занижается.

Спрашивается, как в условиях существования таких явно перекошенных экономических отношений в нашей стране можно осуществлять хотя бы простое реальное воспроизводство? Очевидно, что невозможно, не говоря о расширенном воспроизводстве, с которого начинается экономика. Поэтому мы говорим о больной экономике, имеем дело с больными людьми, а не с тем, что могло бы быть сегодня в России.

Такую экономику я как раз и номинирую как метафизическую, а выстраиваемые на ее

У Китая курс юаня работает на народ, а у нас наш обменный курс рубля против кошелька народа.

основе отношения – как неосознанные, нынешний градус иррациональности которых угрожает самому факту ее физического существования.

Реальные физические процессы, факты, истина в такой экономике не имеют практически никакого значения, в такой экономике нет места не только для мнений, но нет места даже для фальсификаций, отправной точкой которых являются те же факты.

Центром, альфой и омегой такой экономики являются вымыслы и фантомы, где физическая экономика и реальный мир ничто, а метафизика и виртуальные ценности – все. Человека со своими протонами и нейтронами его атомизированной среды обитания, его персонализированного мира интересов, работы, семьи и т.д., в такой экономике больше нет. Свойства, параметры, цифры, факты (и даже мнения) о такой экономике назначаются, а не объективным способом формируются, причины подменяются следствиями, цели превращаются в средства, а средства – в цели.

Именно поэтому такую иррациональную экономику мы номинируем как метафизическую и отличаем от реальной физической экономики, где осознанные процессы доминируют над неосознанными. И, в отличие от нынешних гносеологических представлений целого ряда метафизических школ, считаем, что реальный мир в критических ситуациях без такой экономики может обойтись (и обходился в прошлом), тогда как она без физической экономики существовать не может.

Понятно, что разрывы между параметрами в той и другой экономике могут быть сколь угодно большими. Вот какими разрывами характеризуется современная физическая и метафизическая экономика России *(см. табл. 1)*.

О.Т. Богомолов: Мы знаем! Достоверных цифр нет или ничтожно мало.

В.М. Симчера: Олег Тимофеевич, знать мало! Ситуацию надо менять! Реальные цифры надо ввести в активную часть политики нашей страны. Протестовать против дороги через Химкинский лес, где потери исчисляются миллионами, и этими протестами заслонять протесты народа против повышения тарифов на услуги естественных монополий, где потери исчисляются миллиардами, – попросту глупо. Власть предержащие разговаривают с народом (и учеными тоже) на уровне детей. Давайте разговор будем вести серьезно. Давайте будем исходить из реальных оценок реального положения, которое у нас есть. Если Симчера врет – поправьте его, дайте свои оценки.

О.Т. Богомолов: Мы Вам поверим, но необходимо, чтобы независимая комиссия эти оценки тоже подтвердила.

В.М. Симчера: Абсолютно верно. Надо организовать комиссию по экспертизе независимых оценок. Дело трудоемкое. Особенно если такую экспертизу проводить не на основе мнений отдельно взятых лиц и ангажированных институтов, а на первичных данных экономических переписей России, которые у нас еще только предстоит организовать и провести. На их фоне проведенная у нас в конце 2010 года перепись населения с ее урезанной программой всего лишь частный случай.

Страна должна знать все целиком о себе, а не только то, что лежит на поверхности. Без таких знаний никакого гражданского общества мы не выстроим, от равнодушного общества не избавимся, занятость людей и производительность не повысим, миллионы алкоголиков и наркоманов не вылечим, численность бездомных не уменьшим, детей и их родителей не поднимем с колен. И поэтому те крохи ресурсов и денег, которые имеем, как и прежде, будем распределять вслепую и тратить во многом впустую. А мои цифры показывают, что деньги и уцелевшие у нас ресурсы надо вкладывать в здоровую физическую экономику, отдача которой должна быть очевидной. А также в здоровых людей, способных создать такую экономику. В стране надо разработать здоровую и эффективную социальную программу.

секция 3

Демократия как средство консолидации общества и инструмент развития. **Что на очереди дня?**

Ю.А. Красин

К новой парадигме политического правления.

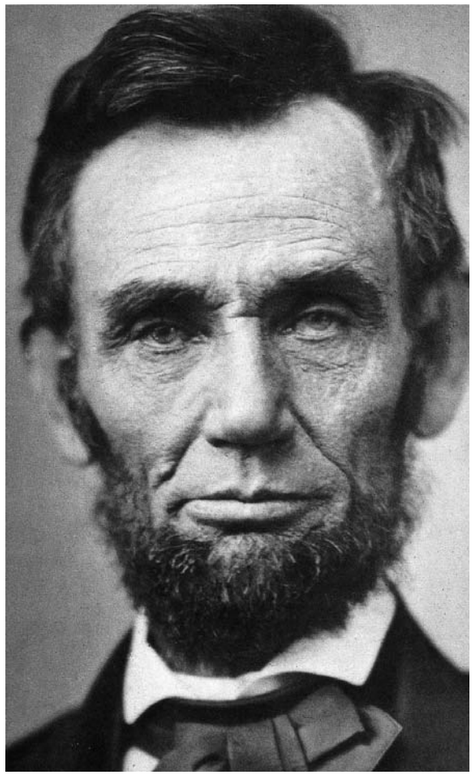
Демократия, автократия или «неократия»?

Экономика и политика – их взаимосвязь и взаимовлияние более органичны, чем во взаимодействии любых других сфер общественной жизни. Потребности и тенденции экономического развития выступают мощным фактором, определяющим содержание политических программ и действий. В свою очередь, эти потребности и тенденции не могут реализоваться, не обретая политическую форму. При этом на крутых поворотах истории, на рубежах смены экономических систем происходит инверсия в развитии социума: политика приобретает первенство над экономикой, становится решающим рычагом осуществления экономических преобразований. Исход этих преобразований, их объем, темпы, варианты, альтернативные возможности в решающей мере зависят от политической борьбы и тех форм политического правления, которые устанавливаются в результате всех этих коллизий. Именно в силу этих обстоятельств одним из ведущих направлений экономической науки является политическая экономия.

Естественно, проблема взаимовлияния экономики и форм политического правления, в первую очередь демократических, всегда привлекала исследователей. По этой проблеме написано

Красин Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, почетный доктор Института социологии РАН

немало книг, высказано много различных точек зрения. Но сегодня проблема усложняется в связи с тем, что сами формы политического правления, в том числе демократия, развиваются и видоизменяются вместе с развитием общества. Ныне ведущие политологи в своем большинстве согласны, что в современном быстро трансформирующемся и глобализирующемся мире демократия претерпевает существенные модификации. Изменения настолько глубоки, что порой возникают сомнения в способности демократии выжить. Не нарождается ли в стремительно развивающемся социуме какой-то иной тип политического правления,



ляются эффективные инструменты манипулирования людьми, что ставит под вопрос возможность самостоятельного участия граждан в политическом процессе, свободного выбора ими своих решений и линии поведения. Под влиянием происходящих перемен разрушаются устои общественной солидарности, общество фрагментируется, падает его способность влиять на политику, в которой усиливаются корпоративные и авторитарные тенденции.

Глобализация, в свою очередь, стимулирует информационные, культурные, финансовые, миграционные, криминогенные потоки планетарного масштаба, которые ускользают из-под контроля национальных государств – исторического анклавов демократии. Не лучшим образом обстоят дела и на мировой арене. Сохраняется угроза международных конфронтаций. Раскол мира на «золотой миллиард» и «зону бедности», симптомы конфликта цивилизаций, международный терроризм, начало нового витка гонки вооружений, ползучее распространение ядерного оружия, углубляющийся кризис ООН как инструмента мира и сотрудничества, рецидивы силовой гегемонистской политики – таковы нелицеприятные реалии, свидетельствующие об ослаблении нитей управляемости миром, о возрастании рисков крупномасштабных конфликтов.

Глобальное измерение приобрело возросшее значение с точки зрения перспектив демократии. Вторая половина прошлого века породила большие надежды на демократизацию международных отношений. Появились ростки нового политического мышления. Умами многих политиков овладела идея демократического мирового порядка, основанного на приоритете общечеловеческих интересов и ценностей. Были сделаны реальные шаги от силовой политики к политике доверия и кооперации. Казалось, лед тронулся. Однако вскоре обнаружилось, что национально-государственные и корпоративные интересы не укладываются в общечеловеческие рамки, да и само определение таковых остается предметом острого противоборства. Партикуляризм, а часто – и откровенный эгоизм этих интересов имеет глубокие социокультурные корни и обладает громадной силой исторической инерции. Чтобы преодолеть ее, нужны глубокие сдвиги в общественном сознании, для чего необходима длительная кропотливая работа многих поколений. Пока же приходится констатировать, что ситуация не благоприятствует продвижению к демократическому мироустройству. В мировой политике по-прежнему доминируют не демократические, а силовые и авторитарные походы. Такое положение вещей не только отодвигает перспективу утверждения демократии в международных отношениях на долгие времена, но и оказывает негативное влияние на внутреннюю жизнь национальных государств, создавая благоприятную почву для развития милитаризма, ксенофобии и авторитаризма.

Авраам Линкольн:
«Власть народа, от народа и для народа».
Этот смысл демократии хорошо передает русское слово «народовластие».

своего рода «неократия», который отличается от классических представлений о демократии и автократии? Вопрос нуждается в осмыслении. Перед политической наукой встает задача адекватного современным условиям анализа теории и практики демократии.

Не нарождается ли в стремительно развивающемся социуме какой-то иной тип политического правления, своего рода «неократия», который отличается от классических представлений о демократии и автократии?

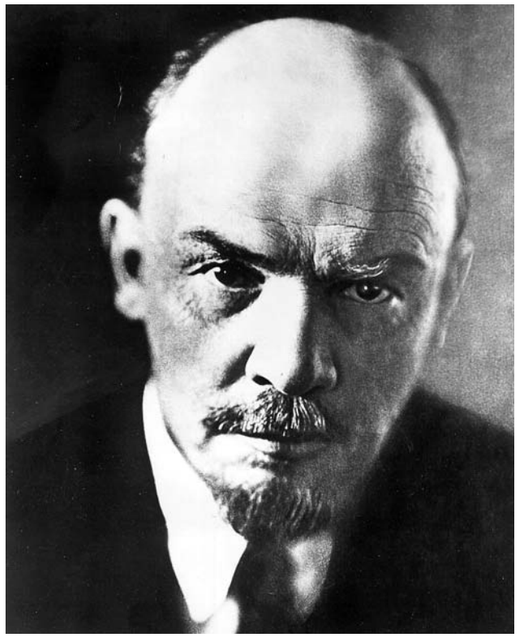
■

Человеческий социум сталкивается сегодня с беспрецедентными вызовами, в основе которых лежат взаимосвязанные процессы технологического переворота и глобализация. Первый процесс приводит к внедрению инновационных технологий и распространению электронных средств коммуникации. В распоряжении политических элит появ-

■

В политической науке под демократией понимается форма правления, суть которой лаконично определена А. Линкольном в геттисбергской речи 1863 г.: власть народа, от народа и для народа[1]. Этот смысл демократии хорошо передает русское слово «народовластие». Коренной вопрос демократии: как совместить свободу индивида, необходимую для раскрытия заложенных в нем способностей, с устройством социума, обеспечивающим эту свободу для всех и приводящим в движение великую силу общественной солидарности. Этот вопрос ставился еще Ж.-Ж. Руссо. Основную задачу Общественного договора он видел именно в том, чтобы «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде»[2]. Это – вопрос о соотношении **публичного** и **частного** в жизни общества. Его с полным правом можно определить как основной вопрос философии политики, вокруг которого вращаются как вся политическая практика, так и вся политическая наука. Преимущество демократии по сравнению с другими моделями политического правления состоит в том, что она открывает обнадеживающую перспективу поиска решений «теоремы Руссо». Но варианты ответов и доказательств, предлагавшиеся до сих пор в рамках как либеральной, так и социалистической традиции, выглядят пока недостаточно убедительными. Более того, есть основания считать, что исчерпывающего ответа просто не существует.

Не только потому, что полная гармония между свободой индивида и демократической организацией социума (народовластием), по-видимому, в принципе недостижима. Гораздо важнее, что оптимальные пути приближения к идеалу на каждом конкретном этапе истории разные. Всякий раз проблема частного и публичного, свободы индивида и правил общественного устройства возникает как бы заново, и ее нельзя решить по единожды выработанному трафарету. Как справедливо подчеркивал русский мыслитель правовед П.И. Новгородцев, демократия «не путь, а только распутье», она сама «создает проблемы» и «сама оказывается задачей»; поэтому «осуществление демократической идеи всегда остается очень приблизительным и неточным»[3].



Владимир Ленин:
«Власть народу!»

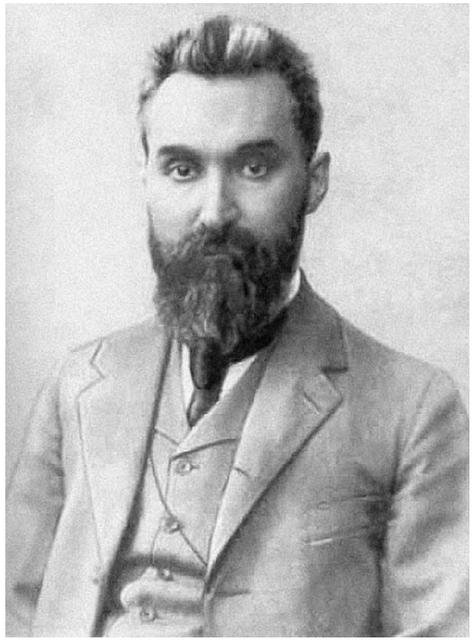
доминируют сомнения и неопределенность[4].

Раскол мира на «золотой миллиард» и «зону бедности», симптомы конфликта цивилизаций, международный терроризм, начало нового витка гонки вооружений, ползучее распространение ядерного оружия, углубляющийся кризис ООН как инструмента мира и сотрудничества, рецидивы силовой гегемонистской политики – таковы нелицеприятные реалии, свидетельствующие об ослаблении нитей управляемости миром, о возрастании рисков крупномасштабных конфликтов.

Какими могут быть способы доказательства «теоремы Руссо» для нашего времени, пока сказать трудно. В теоретических представлениях о современной демократии сегодня

Понятно, что ни в одном сколько-нибудь сложном обществе управление общими делами не может быть уделом всех; оно требует высокого уровня квалификации и профессионализма. Вместе с тем все граждане объективно заинтересованы в том, чтобы участвовать в управлении, и они вправе добиваться этого.

[1] *Lincoln A.* 1989. Speeches and Writings, 1859 - 1865. N.Y., p. 536.
[2] *Руссо, Ж.Ж.* 1998. Об общественном договоре. Трактаты. М., стр. 207.
[3] *Новгородцев П.И.* Соч., М., 1995, С. 389, 400, 402.
[4] *Красин Ю.А.* Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М.,Институт социологии РАН, 2009,. Раздел 3, С. 140-190.



Павел Новгородцев:
«Демократия не путь, а только распутье, она сама создает проблемы и сама оказывается задачей».

Несмотря на многие недостатки, модель представительной демократии долгое время эффективно работала, обеспечивая выявление народной воли в политике. Однако сегодня – все больше признаков глубокого кризиса института представительства. Правящие элиты, получившие в свои руки мощные средства манипуляции мнением избирателей, выходят из-под контроля общества, но при этом сами оказываются в плотной сети зависимостей от неподконтрольных им сил глобализации.

Для того чтобы сохранить демократию как систему народовластия, необходимо выйти за рамки либеральной представительной модели, равно как и более демократичной модели участия. Демократия как форма политического правления должна покоиться на более широком основании демократии как «образа жизни» граждан. Такое понимание демократии было предложено в прошлом веке американским философом Джоном Дьюи, видевшем в ней «социальную идею», которая гораздо шире системы политического правления. «Ясное осознание совместной (communal) жизни во всех ее проявлениях составляет идею демократии», – подчеркивал он[5]. И еще более четко: «Демократия есть нечто большее, чем форма правления; в первую очередь это способ ассоциативной жизни, коммуникативно закрепленный совместный (conjoint) опыт»[6].

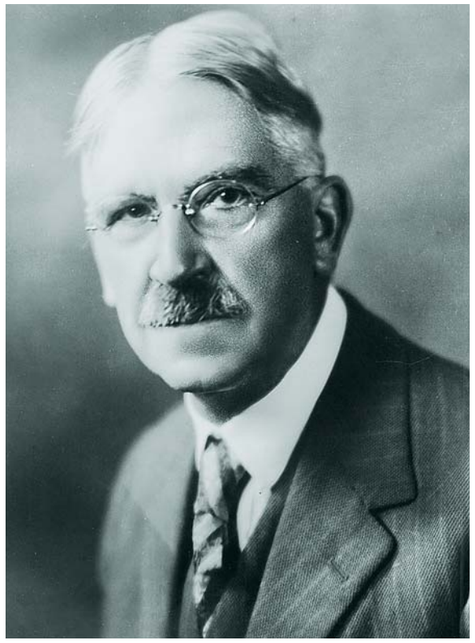
Превращаясь в «образ жизни», демократия проникает во все поры социума и становится «питательной средой» и основой всеобщей гражданственности, которая, в свою очередь, влияет на политическое сознание и поведение людей, на институты власти и ее персональных носителей. Политики, выполняющие властные функции по профессии или по призванию, находясь постоянно в этой «среде обитания», воспринимают через нее каждодневно, а не только на выборах, запросы, стремления, оценки и волю граждан (народа).

Ключевым звеном механизма демократии и формирования общего интереса и общей воли становится публичная сфера – постоянно действующий форум общенациональных дискуссий и обсуждений, арена совместной деятельности граждан, направленной на достижение общих целей. В публичной сфере артикулируется многообразие частных интересов и мнений, из сопоставления, согласования и сопряжения которых вырастают общие интересы и цели, определяющие содержание публичной политики.

Эту разветвленную и вместе с тем целостную систему коммуникативных связей можно трактовать как зарождение по преимуществу сетевой системы политических взаимодействий. Не служит ли это симптомом исчерпания традиционной демократии, ее качественной модификации, смены самой парадигмы политического правления? В каком-то смысле возрождается возможность прямой демократии, прямого влияния постоянно размышляющего общества на процессы принятия и исполнения политических решений; происходит становление более высокой формы народовластия, при которой политическое правление погружено в широкий контекст публичной рефлексии.

Мировая практика однозначно свидетельствует о том, что единого стандарта демократии нет и не может быть в принципе. В разных культурах соотношение элементов связки «индивид-социум» оценивается по-разному: в либеральной западной традиции акцент делается на свободе личности, тогда как в большинстве восточных стран приоритет отдается социуму. Диапазон критериев демократического образа жизни слишком широк и зависит от конкретно-исторической среды. Американский политолог Б. Барбер в этой связи пишет: «Целью тех, кто стремится к демократическому миру, должна быть не ‘демократия’ в единственном числе по американской или какой-либо другой модели, а множество ‘демократий’». Он подчеркивает, что на том же Западе существуют различные демократические практики. Если в США во главу угла ставятся индивиды и их права, то в Швейцарии «свобода коммуны всегда была превыше прав частной собственности», и «швейцарские коммунитарные политические институты... разительно отличаются от радикально индивидуалистических американских»[7].

В конце концов, решающим критерием демократии является не устройство политических институтов, а то, в состоянии ли они найти и применить адекватные национальным традициям и культуре способы аккумуляции и выражения многообразия интересов и устремлений общества. А по институциональной структуре, методам деятельности, системным связям «демократии», вырастающие в разных социокультурных средах, обязательно будут различаться.



Джон Дьюи:
«Ясное осознание совместной (communal) жизни во всех ее проявлениях составляет идею демократии».

■

Возможен ли в России демократический проект общественного устройства, который воплотился бы в жизнь, а не был бы наивной мечтой или циничным идеологическим прикрытием корыстных партийно-политических устремлений? После двадцати с лишним лет перипетий российской реформации, чередований этапов романтических надежд и горьких разочарований такой вопрос закономерен, и ответ на него подсказывается многовековой историей борьбы против тирании и деспотизма за свободу и демократию. Демократический проект для современной России возможен только как органический сплав идеалов демократии с далекими от этих идеалов реалиями российской истории и нынешней общественной практики.

В моменты крутых исторических поворотов – а Россия уже на протяжении четверти века, несомненно, переживает такой поворот, – политикам, оказавшимся на гребне волны, нередко кажется, что все возможно. Надо только разработать идеальный проект преобразований и проявить волю к его реализации. Возникает видимость того, что на руинах старорежимных институтов и ритуалов решительными действиями

Всякий раз проблема частного и публичного, свободы индивида и правил общественного устройства возникает как бы заново, и ее нельзя решить по единожды выработанному трафарету.

Для того чтобы сохранить демократию как систему народовластия, необходимо выйти за рамки либеральной представительной модели, равно как и более демократичной модели участия. Демократия как форма политического правления должна покоиться на более широком основании демократии как «образа жизни» граждан.

Для решения этого имманентного политической жизни противоречия демократическая практика выработала институт представительства. Все граждане не могут профессионально заниматься политическим управлением. Но они могут выбирать своих представителей в органы власти, передавая им полномочия по управлению общими делами. В этом и состоит смысл представительной демократии, которая до сих пор лежит в основе всех демократических систем. Демократия принимает в них форму конкуренции профессиональных политических элит в борьбе за власть, а народ выступает в роли арбитра, который выносит свой вердикт на периодически проводимых выборах.

[5] *Dewey J.* 1991. The Public and its Problems. Athens, p. 149.
[6] *Dewey J.* 1966. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. N.Y., p. 87.
[7] *Barber B.* 2003. Fear's Empire. War, Terrorism, and Democracy. N.Y.. p. 176-177.

участников процесса формируются совсем иные институты и ритуалы. Однако вскоре дает о себе знать громадная сила исторической инерции. Казалось бы, канувшие в лету стереотипы политической культуры, соответствующие им институциональные структуры и социальные практики вновь прорастают сквозь оболочку демократических нововведений. Все это побуждает задуматься о таком демократическом проекте для России, который строился бы на основе анализа глубинных социокультурных процессов развития российского общества.

Российская демократия все еще находится в начальной стадии формирования. Однако наша страна втянута в процессы глобализации, и специфические проблемы становления отечественной демократии не могут быть решены в логике старых представлений. Их надлежит осмысливать в складывающейся системе координат современного понимания демократии. При этом новые идеи и опыт должны восприниматься через призму социокультурных особенностей России, четко выраженной антиномичности ее общественно-политической жизни.

Оказавшись у власти в начале 1990-х годов, радикал-либералы попытались воспроизвести на российской почве западную версию этой модели. Эксперимент не удался, дискредитировав и либерализм, и саму идею демократии. Едва возникнув, демократии институты оказались заложниками государственно-бюрократических, олигархических, криминальных структур. За демократическим фасадом скрывались клановые интересы правящей элиты, радеющей не столько о благе общества, сколько о собственном благополучии и наживе. Еще не вставшая на ноги молодая российская демократия стала задыхаться под прессом государственно-бюрократического и финансово-олигархического корпоративизма.

Авторитарный «откат» 1990-х годов поставил Россию на грань распада. Альтернативой дезинтеграции мог стать и стал курс на административное укрепление государственности и централизованных рычагов управления. Учитывая глубоко укоренившиеся в российском обществе автократические традиции, едва ли приходится удивляться тому, что этот курс привел к усилению авторитарных тенденций. В результате в России сложился властный режим, по сути дела представляющий собой разновидность «мягкого авторитаризма». Описывая данный феномен, политологи обычно отмечают, что для него характерна концентрация властных полномочий в руках узкого круга правящей элиты в сочетании с относительной свободой деятельности для граждан, которые не ставят под сомнение монополию власти на принятие политических решений[8].

Модель «мягкого авторитаризма» очерчивает тот коридор возможностей, по которому движется и, скорее всего, еще долго будет двигаться российское общество. Эта модель отвечает отечественным традициям и историческому опыту.

Режим «мягкого авторитаризма» – это не «конец демократии», как оценивают ситуацию в России американские политологи М. Макфол и К. Стоунер-Вайсс, в интерпретации которых «путинский режим» – это «политический термидор» после реформ 1990-х годов, изображаемых чуть ли не образцом демократизма[9].

Между тем феномен «мягкого авторитаризма» в России стал логическим следствием разрушительных процессов 1990-х годов и своего рода императивным ответом на происшедший тогда подрыв государственности и потерю управляемости страной. Меры по укреплению вертикали власти, даже будучи формальным нарушением норм демократии, по существу, ограничили всевластие местных кланов, остановили «феодальное» дробление государства, сохранили его целостность и суверенитет.

Однако, не опираясь на широкое демократическое основание, вертикаль власти не может служить надежной базой стабильности и неминуемо порождает авторитарно-бюрократические тенденции.

Нестандартная политическая реальность нынешней России – пусть и значимый, но, все же эпизод далеко не завершившейся трансформации общества. Чередование демократических «прорывов» и авторитарных «откатов» неизбежно в эпохальном процессе реформации, освобождающей страну от многовекового автократического наследия.

Модель «мягкого авторитаризма» очерчивает тот коридор возможностей, по которому движется и, скорее всего, еще долго будет двигаться российское общество. Эта модель отвечает отечественным традициям и историческому опыту, Общество, уставшее от анархии и беспорядка, готово принять эту форму правления. Она способствует консолидации политической элиты и создает условия для возрождения государственности, столь необходимой для выживания и развития России. Попытки выйти за пределы коридора реальных возможностей и волевым усилием утвердить в России модель демократии, имитирующую западные образцы, могут обернуться еще большими потерями для демократического развития общества, чем «откат» ельцинского периода. Как справедливо отмечает сотрудник Фонда Карнеги А. Ливен, за дверьми кабинета Путина своей очереди ожидает отнюдь не Т. Джефферсон, а человек, представляющий движение «столь же авторитарное, но в то же время – более националистическое, более антизападное, более популистское и менее приверженное рыночным реформам»[10].

Нынешний политический режим в России подвижен и внутренне противоречив. Он способен эволюционировать как в направлении постепенной демократизации, так и в направлении «жесткого авторитаризма». Вероятность последнего сценария представляется не очень высокой: уж слишком он расходится с потребностями российского общества и стремлениями людей, уже ощутивших вкус свободы и самостоятельности. «Откатные» тенденции в политическом развитии наталкиваются сегодня на целый ряд серьезных препятствий.

Во-первых, в современном глобализирующемся мире никакая власть не в состоянии осуществлять тотальный контроль над информационными и культурными потоками, что лишает автократию ее главного козыря – «монополии на истину». Во-вторых, процесс перехода к инновационному типу развития, в который втягивается и Россия, порождает потребность в работнике с широким кругозором, тяготеющем к демократическим порядкам и либеральным ценностям. В-третьих, несмотря на общую слабость российского гражданского общества, в нем сохранились очаги устойчивого влияния, которые могут стать базой для мобилизации демократических сил, их активного участия в политической жизни. В-четвертых, со времен перестройки в России, вопреки всем авторитарным препонам, существует публичная сфера, а значит – и условия для того, чтобы общество размышляло о своем политическом развитии. И, наконец, в-пятых, авторитарный дрейф России встречает противодействие со стороны демократической общественности на международном уровне.

В России сложилась своего рода «реформационная ситуация», когда объективно назрела и перезрела модернизация всей общественной системы. Альтернатива – процессы общественной деградации, уже захватывающие целые регионы страны и сферы социума, о чем свидетельствуют масштабы коррупции и преступности, наркомании и алкоголизма, падения трудовой этики, роста жестокости и отчуждения, депопуляции обширных территорий. Власть бессильна остановить и даже сдержать эти губительные процессы.

Конечно, не следует закрывать глаза и на противоположные факторы. После радикальных экспериментов 1990-х годов, обесточивших российскую государственность, значительная часть наших сограждан склонна рассматривать ужесточение властной вертикали как необходимую компенсацию за разгул анархии и вседозволенности. По данным аналитического центра Ю. Левады, 70% россиян, будучи поставлены перед альтернативой – порядок или демократия, отдают предпочтение порядку, и только чуть больше четверти – демократии[11].

Поэтому выбор направления движения от «мягкого авторитаризма» далеко не предопределен и будет осуществляться в остром противоборстве разнонаправленных тенденций и стоящих за ними общественных сил. И все же при взвешивании аргументов pro и contra можно заключить, что шансы на постепенный переход от «мягкого авторитаризма» к более демократичному режиму достаточно высоки. Многое при этом зависит от способности правящей элиты осознать масштабы происходящей трансформации и необходимость вовлечения в нее всего общества.

Намерения и действия верховной власти определяются не только логикой групповых интересов наиболее мощных слоев правящей элиты, но и давлением объективных обстоятельств, нередко вынуждающим власть вступать в противоречие с этой логикой. Так, экономический кризис и его последствия поставили высшие властные круги в та-

[8] *Darendorf R.* 1995. Can We Combine Economic Opportunity with Civil Society and Political Liberty? – The Responsive Community, vol. 5, № 3; Bell D. 1997. A Communitarian Critique of Authoritarianism: The Case of Singapore. – Political Theory, vol. 25, № 1.

[9] *McFaul M. And Stoner-Weiss K.*, The Myth of the Authoritarian Model. How Putin's Crackdown Holds Russia Back, «Foreign Affairs», January-February 2008

[10] *Lieven A.* 2005. The Essential Vladimir Putin: a Semiauthoritarian Present is Russia's Best Hope for a Liberal Future. – Foreign Policy, Jan.-Febr., p. 72.

[11] Вестник общественного мнения. 2005. № 6, стр. 57.

кое положение, при котором они оказались не способны управлять по-старому. Сейчас в России сложилась своего рода «реформационная ситуация», когда объективно назрела и перезрела модернизация всей общественной системы. Альтернатива – процессы общественной деградации, уже захватывающие целые регионы страны и сферы социума, о чем свидетельствуют масштабы коррупции и преступности, наркомании и алкоголизма, падения трудовой этики, роста жестокости и отчуждения, депопуляции обширных территорий. Власть бессильна остановить и даже сдержать эти губительные процессы.

«Реформационная ситуация» все сильнее побуждает правящую элиту думать об изменении способов правления. Экономический кризис для нее тревожный звонок. Успешный выход из кризиса требует гибких творческих решений, подрывающих жесткость административной вертикали; требует гражданской инициативы и массового энтузиазма, что противоречит авторитарным методам правления. Механизмы ручного управления все чаще дают сбои, порождая у правящей верхушки неуверенность в своей способности справиться с последствиями кризиса. Все ее поведение представляет собой смесь растерянности, робкого поиска иных подходов и страха за свое будущее.

Авторитарный режим под давлением невозможности справляться с лавиной вызовов и угроз автократическими методами вынужден проявлять некоторую «гибкость», расширять круг участников политического процесса, вести диалог с умеренными оппонентами. В политической системе образуются трещины, расширяющие публичную сферу, арену общественной рефлексии вокруг проблем развития российского социума. Эти пока еще слабо наметившиеся тенденции сулят некоторую надежду – можно сказать, содержат «намек» – на постепенную демократическую эволюцию политической системы, на поэтапную консолидацию политической оппозиции и появление новых демократических альтернатив, способных изменить авторитарный вектор государственной политики.

■

Радикально-элитарная либерализация расколола российское общество и обернулась противостоянием богатых и бедных, преуспевающих и обездоленных, а в конечном счете – отчуждением общества от власти и ростом авторитарных тенденций. Либеральный проект в подобной его интерпретации не решил и не может решить задач реформирования российского общества. России нужна не радикально-элитарная, а демократическая модель либерализации, ограничивающая рост социального неравенства и устраняющая те его формы, которые воспринимаются обществом как явно несправедливые. Вся практика российской реформации доказывает, что либеральный принцип частной инициативы и предприимчивости нуждается в эффективном противовесе – коммунитарном принципе общего блага, социальной справедливости и общественной солидарности.

Острая потребность в сбалансированном сочетании частных и публичных начал ощущается сегодня не только в трансформирующемся российском обществе, но и в развитых либеральных демократиях. Быстрый рост удельного веса социального капитала в современном инновационном развитии обнаруживает исторические границы либеральной модели общественного устройства. По словам испанского социолога М. Кастельса, интересы, ценности, институты, системы представлений, базирующиеся на либеральных принципах, «ограничивают коллективную креативность, конфискуют плоды информационной технологии и отклоняют нашу энергию в русло самоуничтожающей конфронтации»[12].

Начавшийся переход человеческого социума к инновационному типу развития создает потребность в такой модели политического устройства, которая позволит максимально раскрыть гигантский потенциал «коллективной креативности». В этих исторических условиях перед российской властью остро встает дилемма: продолжать ли либеральные реформы в социальной сфере прежними методами или перейти к социальной политике, отвечающей требованиям современности, т.е. уравновешивающей публичные и частные начала?

Социальная политика государства, нарушающая разумные пропорции принципа равенства/неравенства в пользу богатство и власть имущих, явно отторгается обществом. Поэтому власть прибегает к тактическим маневрам, делает определенные шаги к социальному либерализму демократического толка, ориентированному на интересы большинства граждан. Об этом свидетельствуют выдвинутые властью национальные проекты, учитывающие положение и запросы массовых слоев общества и идущие вразрез с радикально либеральной матрицей социальных реформ. Но подобные шаги носят скорее выборочный, нежели системный характер. Складывается впечатление, что власть не готова к стратегической коррекции курса социальной политики, опирающейся на продуманную концепцию не элитарной, а демократической либерализации. Именно потому инициируемые сверху новации постоянно наталкиваются на непредвиденные трудности и не дают ожидаемых результатов. Возникают сомнения, готова ли власть к стратегическому повороту? Похоже, что, несмотря на популистскую риторику, концептуально она по-прежнему привержена либеральной модели социальной политики, поддерживающей застойный дисбаланс в распределении богатства и власти и не уделяющей должного внимания публичным началам, ограничивающим рост социального неравенства и стимулирующим демократическое развитие общества.

На встрече с политологами в рамках мирового политического форума в Ярославле Президент РФ Д. Медведев говорил о демократизации политической системы в России как неотъемлемой составной части модернизации российского общества. Достаточно обоснованными кажутся его доводы об осторожном и пошаговом (step by step) характере изменений в политической сфере во избежание нарушения достигнутого хрупкого равновесия при наличии огромного числа серьезных вызовов. «Конечно, можно ускориться, но тогда в условиях России велик риск того, что наш транспорт, наш автомобиль может занести, как это иногда бывало в нашей истории, и часть людей окажутся отброшенными, просто выброшенными в другом направлении. Все-таки здесь лучше ехать в более спокойном темпе»[13].

Настораживает только одно: предпринимаемые властью пошаговые изменения политической системы настолько осторожны, что напоминают больше имитацию изменений. Во всяком случае, эти «шаги» никак не соответствуют размаху и целям провозглашаемой программы. В результате эта программа повисает в воздухе, и в практической повестке дня остается лишь «анклавная модернизация», весьма напоминающая искусственное выращивание заморскими специалистами экзотического цветка в специально сооруженном для этого парниковом инкубаторе.

Инновационная модернизация экономики и общества может успешно развертываться не в удушающей атмосфере сословно-разделенного общества, а лишь в атмосфере свободы и творчества, которые рождаются в процессе пусть «пошаговых», но реальных демократических реформ политической системы. Если этого нет, то у модернизаторов будет постоянно возникать искушение совершить «инновационный прорыв» авторитарно-мобилизационным способом.

Устоит ли власть перед «авторитарным соблазном» осуществить инновационную модернизацию России сверху либерально-автократическими методами? По сути дела, речь идет о выборе направления движения в нынешнем коридоре возможностей: пойдет ли оно вспять, к ужесточению авторитаризма, чреватому очередным застоем и утратой шансов на прорыв к постиндустриализму, или вперед – к инновационному типу развития и демократии как образу жизни.

■

Пока что нельзя с уверенностью сказать, какой будет демократия в XXI веке и в более отдаленной перспективе. Произойдет ли демократическая конвергенция политических типов и форм власти, или они диверсифицируются в многомерном «мире миров»? Адаптируется ли либеральная модель демократии к реалиям трансформирующегося социума, образовав креативную среду для инновационной модернизации, или сменится сама парадигма политического правления, поставив российское общество перед неведомыми рисками и неопределенностями? Окончательные ответы на эти вопросы даст только будущее, но мы можем приблизиться к ним через более глубокий анализ острой потребности и наметившихся тенденций креативной модернизации социума, через творческий поиск и дискуссии вокруг этой жизненно важной проблематики.

Инновационная модернизация экономики и общества может успешно развертываться не в удушающей атмосфере сословно-разделенного общества, а лишь в атмосфере свободы и творчества, которые рождаются в процессе пусть «пошаговых», но реальных демократических реформ политической системы.

[10] *Lieven A.* 2005. The Essential Vladimir Putin: a Semiauthoritarian Present is Russia's Best Hope for a Liberal Future. – Foreign Policy, Jan.-Febr., p. 72.
[11] Вестник общественного мнения. 2005. № 6, стр. 57.
[12] *Кастельс М.* 2000. Информационная эпоха. М., стр. 513.
[13] Встреча с ведущими российскими и зарубежными политологами в рамках мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности», Ярославль, 10 сентября 2010 года, http://news.kremlin.ru/news/8882

А.В. Коврига

Проблемы развития в условиях глобальной политэкономии знания

Коврига Александр Васильевич – заместитель главного редактора научного журнала «Социальная экономика» Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина

Когда я готовился к этому мероприятию, я вспомнил философию Уйэна Гретцки и Валерия Харламова. Почему они такие успешные хоккеисты? Потому что они бегут не туда, где шайба сейчас, а туда, где она будет в следующий момент.

Вот для того, чтобы быть практичными, как Олег Тимофеевич Богомолов призывает, чтобы какие-то действия продумать и выработать, нужно попробовать представить, куда шайба полетит в следующий момент. Потому что корректировать те процессы, которые сейчас развертываются, уже невозможно, это уже инерция истории. Поэтому нужно попробовать представить, что будет завтра и какой тренд будет определять развитие и всю общественную систему.

О.Т. Богомолов: Что значит завтра? После выборов? До выборов? Или через десять лет? Это завтра вы нам тоже определите?

А.В. Коврига: Очень хорошо, это очень важно. Нужно выделять те объекты, циклы жизни, которые выходят в 10, 20, 100 лет. Временные горизонты должны быть разными, потому что и возможности воздействовать тоже будут разными, и нужны разные средства.

Я пробую это как-то наметить. Смысл и статус доклада – это наметка такой исследовательской программы, которая была бы направлена на выработку оснований для построения политик развития в условиях формирования глобальных режимов знаний.

Тезис мой заключается в том, что в современной ситуации формируется новый режим знания. То есть новый режим выработки, распространения, употребления и циркуляции знаний в мире. То, что произошло с наукой, с нашей советской, постсоветской, и то, что сейчас происходит со статистикой, это все лишь отдельные фрагменты вот этой гигантской трансформации.

Трансформация такого уровня и такого масштаба после эпохи Просвещения происходит впервые, то есть это смена вообще парадигмы, и в определенной мере она контрпросвещенческая. Вообще, здесь было бы важно учитывать, что по этой проблематике, по этой линии, по общественной связи неэкономического с экономическим достаточно много работ. Про Карла Поляни здесь уже говорила Валентина Гавриловна. Есть достаточно сильная Ланкастерская школа политической социологии и критической политэкономии, есть Амстердамская школа глобальной политической экономии, и есть Французская школа регуляционистов.

Та драма, которую Василий Михайлович Симчера представил, эти ужасные цифры, – это чрезвычайно важный контекст, и я попробую двигаться в том же духе и в том русле, в котором он говорил. Это драма, но пока еще не трагедия.

Мне кажется, что для того, чтобы обсуждать вопрос о взаимодействии общества и экономики, прежде всего нужно представить себе ту динамику, где мы можем это «взаимодействие» обнаружить, ту стихию, где эти вещи могут быть прописаны, и по отношению к чему мы можем выстраивать стратегии и как-то действовать. Это ключевой вопрос.

Итак, с какой стихией мы имеем дело?

Кризисная ситуация с экономическим знанием, которая сейчас наблюдается в России, прежде всего связана с тем, что мы не смогли и не приняли различения немецкой или германской традиции наук о народном хозяйстве, французской традиции экономического знания, и не отличили их от англосаксонской версии.

Корнелиус Касториадис:
«Никто не может сказать, кому служит экономическая система, если ее функционирование непостижимо».

Та кризисная ситуация с экономическим знанием, которая сейчас наблюдается в России, прежде всего связана с тем, что мы не смогли и не приняли различения немецкой или германской традиции наук о народном хозяйстве, французской традиции экономического знания, и не отличили их от англосаксонской версии. И у нас англосаксонская версия, которая всегда претендовала на универсализм и всеобщность, сегодня принята как единственная, и мы ее просто пытаемся «внедрить». А она направлена на элиминирование всего социокультурного, общественного, того, что является помехой для реализации той картины мира, которая в ней сформирована. Это результат и продолжение длительной борьбы англосаксонского мира с остальным миром. Те способы порождения знания об экономике и обществе и хозяйственных системах, которые формировались в континентальной Европе, совершенно отличаются от того, что делалось в англосаксонской империи и культивируется сейчас (глобально).

Здесь важно учесть три момента. Мне кажется, что тот дух современности, который мы наблюдаем, похож на то, о чем Уинстон Черчилль говорил еще в 1943 году, когда утверждал, что «империи будущего – это империи разума». И вот задача, которая перед англосаксонской цивилизацией была поставлена, заключалась в том, как управлять мировым разумом, какими средствами и как это делать. В то же время еще ранее, в начале XX века у Розы Люксембург был такой тезис, что «если бы весь народ знал, то капитализм не продержался бы и 24 часа». То есть капитализм держится на незнании народа. И это есть принцип.

И еще один тезис Корнелиуса Касториадиса о том, что «... никто не может сказать, кому служит экономическая система, если ее функционирование непостижимо». Поэтому вот эта работа над тем, чтобы функционирование экономической системы было непостижимо, является важнейшей задачей, и она систематически реализуется. Потому что мир делится на тех, которые могли бы или могут постигать, и тех, которые не должны знать и оберегаются от возможности подлинного знания.

Что важно, если мы обсуждаем эту проблематику развития? Что все процессы развития неминуемо связаны с развитием знания. Если актов и процессов развития знания нет, то о развитии говорить невозможно. Поэтому стратегия выработки и использования знаний и стратегия развития человеческого сообщества и содержания его экономики и экономическая организация взаимоопределяют друг друга. То есть то, как мы знаем, и то, как мы хозяйствуем, – это взаимосвязанные вещи. При этом мы из истории знаем, что основой индустриальной революции XVIII века стал предшествовавший долгосрочный период научного индустриального (массового) образования и распространения знания, распространения ноу-хау, создания соответствующих мультипликативных эффектов от свободного обращения знания. Сегодня мы находимся в ситуации, когда происходит радикальная смена всей этой инфраструктуры, то есть для нового промышленного технологического рывка XXI столетия необходимо создать новую эпистемическую базу. Без этого никакое изменение не произойдет, и, соответственно, изменение, которое формируется в тени кризиса, связано как раз с этим.

С.Н. Белкин: Что такое эпистемическая база?

Все процессы развития неминуемо связаны с развитием знания. Если актов и процессов развития знания нет, то о развитии говорить невозможно.

А.В. Коврига: Если коротко и упрощенно – это то, каким образом в обществе знание порождается, как оно (воспроизводство познающей способности) организовано институционально, и как знание «распространяется». Это публичная библиотека, сфера образования, институты науки, это также все, что связано с общественным поощрением процессов познания, с культивированием поведения,

которая могла быть здесь учреждена как периодическое собрание, то нужно было бы ставить вопрос о расширении круга и включении других школ, представителей других народов, которые озабочены похожей повесткой дня и похожей проблематикой. То есть сеть должна быть транснациональной, иначе мы не схватим эту ситуацию.

Все вещи, все, что существует, существует только по отношению к мировому рынку. И сегодня этот императив действует. Что наиболее важно и фундаментально? Исключительно мировой рынок. Если коротко, мировой рынок – это категорический императив политической экономии капитала. Поэтому в этом плане процесс

Уинстон Черчилль:
«Империи будущего – это империи разума».

когда знание и познание становятся ценностью. Люди, все население и народы движутся к этому. И что здесь важно? Глобальная политэкономия знания и является этой стихией. Национальная ситуация детерминируется прежде всего тем, что происходит со знанием на глобальном уровне. Вот хорошая книжка у Рэндела Коллинза была по социологии философии, где он показал, что, если мы не включены в глобальные сети и международное сообщество, мы не можем знать. То есть знание, возможности понимать, что происходит с нами и в мире, возможности построить эффективное действие, обязательно связаны с тем, включены мы или нет.

Поэтому если говорить об этом круглом столе и о той традиции или о той практике, перехода к экономике знаний и всемерное усиление действия вот этой экономики, основанной на знании, которое в конце XX века стали рассматривать как основное содержание современного общественного развития во всем мире, подчинен капиталу. И капитал, соответственно, заинтересован и трансформирует все, что было связано со знанием и с процессами выработки знания, в своих интересах. Создается новый глобальный порядок знания.

Капитал, соответственно, заинтересован и трансформирует все, что было связано со знанием и с процессами выработки знания, в своих интересах. Создается новый глобальный порядок знания.

Здесь, в отличие от предыдущей мировой истории, важнейшими игроками становятся корпорации. То есть корпорации по мощности становятся настолько сильными, что они могут быть субъектами выработки знаний, то есть они и по ресурсному потенциалу и по возможности материального развертывания становятся даже более сильными, чем некоторые государства. И начинается процесс корпоративного захвата всех процессов знания и приватизация этих вещей. А перед отдельными народами стоят вопросы о выработке стратегии порождения знаний. Если терминологически точно говорить, это национальная эпистемологическая стратегия. Если такой стратегии нет или она не сформирована, то оснований для существования народов в XXI веке не может быть. В этом заключается тезис. Именно характер трансформации и установления нового порядка знаний определит судьбу человечества, перспективы и возможности научно-технологического развития всего мира, архитектуру будущей глобальной посткризисной экономики.

И вторая линия. Инициатива могла бы заключаться в том, что основания для такой национальной стратегии были бы сформированы, и она могла быть выражена как практическое действие.

С другой стороны, я солидарен с итальянским исследователем Уго Пагано, который сформулировал очень важную, с моей точки зрения, инициативу и тезис о том, что действующие глобальные институты, которые регулируют мировую рыночную ситуацию, необходимо дополнить – наряду с Всемирной торговой организацией создать Мировую исследовательскую организацию (World Research Organisation). Такая организация могла бы стать противовесом и противодействием транснациональным корпорациям и процессам тотальной монопольной приватизации знания и обеспечивала бы возможность циркуляции знаний для развития человечества в целом.

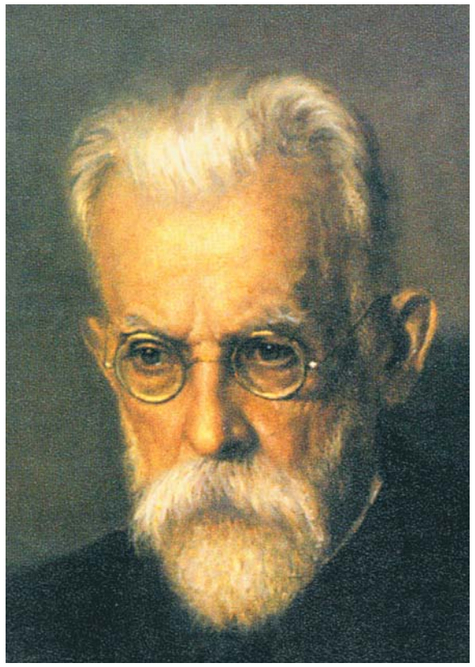
О.Т. Богомолов: А почему вы не пользуетесь нашими отечественными авторами? У нас ведь есть замечательные, мирового значения идеи В.И. Вернадского о ноосфере и пр.?

А.В. Коврига: Прекрасно. В том-то и заключается парадокс нашей ситуации, что эта концепция ноосферы уже давно взята на вооружение и масштабно используется, прежде всего в политике США. Распространение идеологии экономики знаний осуществляется именно в рамках этой глобальной ноополитики. А что такое «ноополитика»? Ноополитика – это внешнеполитическая стратегия в условиях современной информационной эпохи. Он опирается на формирование в глобальном масштабе идей, ценностей, норм права и этики благодаря использованию «мягкой силы». Эта программа действует уже много веков, но как открытый стратегический императив опубликована RAND Corporation в конце XX века. Программа ноополитики выстраивается в рамках школы «социального конструктивизма». Проектная компонента стала главной. Весь Міръ перепроектируется. В отличие от старых школ – «реальной (силовой) политики» и «либерального интернационализма», – главное внимание теперь уделяется идеальным «факторам» – социальным идентичностям, идеалам и ценностям, культурным нормам – они формируют мир и экономику более глубоко, нежели традиционные, «материальные» факторы.

И глобальная политэкономия знаний, все мировое научное производство как раз и работают на эксплуатации «глобальных ресурсов». Одна из целей, поставленных в уже упоминавшемся Валентиной Гавриловной последнем Докладе национального стратегического совета США, предполагает, что к 2025 году университеты США должны стать образцами, задающими нормы и стандарты высшего образования для всего мира и глобальными «хабами» (hub), регулирующими потоки наиболее знающих и талантливых людей всего мира, направляя их в приоритетные для США области. В рамках глобальной политэкономии знания экономика и образование США системно зависят от работы сферы высшего образования и построения режимов «экономик знания» во всем мире. Высшее образование США не справляется с задачей воспроизводства кадров для научной, инженерной и технологической сферы: иностранцами являются 42% всех действующих в стране инженеров магистерского уровня и 60% инженеров докторского (PhD) уровня. Более 25% всех высокотехнологичных предприятий в США также создают иммигранты и иностранцы.

Ж.Т. Тощенко: В последнее время было много критики в адрес социологии знания, поскольку она мало что дает для практики. Эта концепция переживает кризис?

А.В. Коврига: Безусловно. Вся эта область (социологии, антропологии, экономики знания и т.д.) является недоисследованной. При всем обилии публикаций, поддерживающих пафос идеологии экономики знания, современной концепции так и не построено. В то же время, расширение коммерческой эксплуатации человеческого стремления к мысли, творчеству и знанию



Владимир Вернадский

сегодня – один из самых драматических моментов в истории. И вся возможность суверенного развития связана с созданием Национальных эпистемологических стратегий. Для построения таких стратегий и необходимо инициировать исследовательскую программу, которая создаст возможность понимать, как в современном мире устроены динамика знаний, процессы производства знаний, возможности инженерии и политики развития знаний и т.д.

Поиск миссии России и выработка стратегий ее развития напрямую связаны с ее участием в развитии глобальной политэкономии знаний в формировании новой институциональной организации мирового процесса знания и мироэкономики.

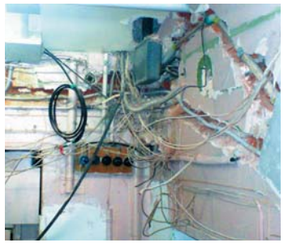
Поиск миссии России и выработка стратегий ее развития напрямую связаны с ее участием в развитии глобальной политэкономии знаний в формировании новой институциональной организации мирового процесса знания и мироэкономики.

З.А. Кучкаров

Свобода компетентности: ответ на проблему потери управляемости в больших иерархических системах управления

Кучкаров Захирджан Анварович – директор Аналитического центра «Концепт».

Мой доклад посвящен важному аспекту – административной компоненте. Мы это называем организационным управлением, и наш центр занимается исследованием систем государственного управления, регионального управления, субъектового, муниципального, корпоративного и так далее, и концептуальным проектированием и внедрением сложных и сверхсложных систем управления. Сложившиеся на данный момент организации представляют собой наслоение разных эпох, разных реформ, разных попыток улучшения и так далее. Когда мы проводим новую проводку, поверх нее проводим еще новую проводку и так далее. Это реальное помещение нашего института, которое я сфотографировал несколько лет назад. Это образ сложившихся организаций, в том числе, естественно, российских, нашего государственного и корпоративного управления. То, чем мы занимаемся. Что мы пытаемся улучшить, реформировать, реорганизовать? Ответ на проблему потери управляемости вырабатывается уже достаточно давно, сорок лет нашему новому концептуальному направлению. Основной феномен, который был открыт и исследуется, это феномен потери управляемости в организации. Мы исследовали около 300 корпораций, более 100 систем государственного управления (министерств и ведомств), поэтому



накоплена огромная симптоматика этого явления. Для того чтобы начать от фактуры, я на нескольких слайдах покажу симптоматику, которая вполне всеми узнаваема. Хотели одного, получилось другое.

В современной ситуации, как правило, даже результаты деятельности прямо противоположны благим намерениям. Происходит утеря цели и разрушение механизмов целеполагания, способности к самоорганизации. Это явление проявляется в обилии бессмысленных многочасовых совещаний у директора, срывах сроков, потере документов, процедурном кретинизме, как мы называем в сердцах систематические перегрузки наверху, незагруженность отделов внизу или наоборот. Очень редко проекты укладываются в сметную стоимость – это тоже потеря управляемости. Превышены нормы управляемости, неясны ответственность и полномочия персонала, несоответствие должностным инструкциям, неясность функциональных обязанностей и так далее. Неуправляемость в отношении с внешней средой. Конфликты, структура задолженности перед бюджетом, перед кредиторами и так далее. Огромный пласт – это противоречия и пробелы в нормативно-правовой и нормативно-методической базе.

Неэффективное функционирование организации в нашем видении является огромным пластом, явлением. У менеджера сфера ответственности и объем полномочий, как правило, не соотносится. То есть либо у него нет прав, чтобы отвечать за то, за что его наказывают, либо наоборот: имея право, он не несет ответственности. Иногда за очень крупные и важные решения назначается минимальная ответственность, а за мелкие просту-

Симптомы сверхбольшой организации

- **Большое число уровней организационной структуры (10–17).**
- **Число организационных единиц достигает сотен и тысяч.**
- **Число прямых подчиненных единиц – десятки.**
- **Численность управленческого аппарата – тысячи человек.**
- **Управленческая нагрузка неравномерна и может отличаться в разы и даже десятки раз.**
- **Большое число внутренних НПА (10000–1000000 НОРМ/год).**
- **Большое число ведущихся «проектов».**
- **Общее число функций управления на верхнем уровне – несколько тысяч.**
- **Функциональная структура представляет собой конгломерат из разных оснований.**

Министерства, ведомства, администрации субъектов федерации, муниципальные органы власти, РАО, госкорпорации, ОАО – это СверхБольшие «организации»

НЕАДЕКВАТНОСТЬ ПОДХОДОВ

- Недостаточность подходов к управлению реальными сложными социально-экономическими структурами
- Несоответствие управленческого аппарата современным задачам на всех уровнях управления - все возрастающая численность чиновников и управленцев
- «Кризисы реформ», когда попытка провести изменения сложившейся структуры социальных и экономических отношений наталкиваются на неприятие и бессилие, а порой – на достижение «результатов», прямо противоположных целям реформы
  - монетизация льгот, административная реформа с передачами функций и полномочий «сверху-вниз» и обратно, перевод отраслей и региональных органов власти на бюджетирование, ориентированное на результат.
- Попытки реорганизации существующей организационно-штатной структуры с целью ее сокращения, не приводят к результату

  Волевые решения типа «укрупнить отделы до численности не менее 5 человек» не выполняются.

Сложившиеся сверхбольшие организации

- **Процесс складывания или естественной эволюции организационных форм.**
- **Наслоение разных реформ разных лет, в том числе не доведенных до конца.**
- **Противоречия разных подходов.**
- **Конфликты разных поколений руководителей.**
- **Несвоевременная ликвидация устаревших организационных форм.**
- **Предпочтение локального совершенствования организации целевому целостному современному проектированию.**

тки – очень большая. Как я сказал, это происходит и происходило уже несколько десятков лет, поэтому мы сформулировали это явление – потеря управляемости в больших организациях.

Теперь немножко теоретико-популярных фраз по поводу организации. Дело в том, что после классической бюрократической организации мир организации в 20 веке перешел в качественно иное состояние. Это гигантские масштабы организаций, масштабы административного персонала, чиновничества и так далее, вплоть до того, что попытки улучшить ее эффективность мы путаем с борьбой с бюрократией, которая нам всем мешает жить, начиная от нашей институтской бюрократии и закачивания налоговыми, милициями, полициями, здравоохранением и так далее. Эта ситуация не имеет адекватного концептуального ответа, подхода к нему. Система управления, система выработки решений не совершенствуется существующими методами. Почему? Вот симптомы сверхбольшой организации, с которыми реально, как с объектом исследования и проектирования, надо иметь дело. В Алросе или в «Ухта-нефтепереработке» (Лукойловском заводе) число прямых подчиненных генеральному директору достигало 18–25 единиц. Число уровней оргструктуры в Лукойле от нефтяной компании до распреда на месторождении дошло до 17. В компаниях, организациях число отделов и департаментов обычно десятки или сотни. Скажем, областная администрация воронежской области состоит из 70 департаментов, в них еще есть отделы и так далее – это около двух тысяч человек. Если раньше обком занимал здание

Классические методы управления и сверхбольшая организация

- Project management ? – нет целей – не применим.
- TQM? – нет критериев эффективности – не применим.
- Ситуационные центры? – нет субъекта – не применим.
- Творческие, неформальные подходы к управлению? Сильные личности? – Слишком велик масштаб для охвата неформальным методом – не применим.
- Ожидания от сетевых организаций являются лишь гипотезой. Сети тоже могут достичь больших размеров.
- Итак, как же управлять БОС?

Ни одна система государственного и корпоративного управления в России не управляема классическими методами.

в центре на площади Ленина, там же размещался облисполком, обком ВЛКСМ и еще что-то, то сейчас администрация области занимает шесть зданий, и им не хватает места. Каждая мало-мальски значимая практическая сфера деятельности регулируется десятками тысяч норм, федеральных законов, областных законов, подзаконных актов, постановлений правительства, распоряжений Минфина, писем налоговой инспекции и так далее. Например, в Федеральной таможенной службе существует 30 тысяч писем. С таким количеством никакой, даже очень честный и гениальный таможенник операционно иметь дело не в состоянии. Общее число функций государственного управления оказалось больше 4 тысяч на укрупненном уровне. При декомпозиции и доведении до министерств, подразделений и так далее это десятки, сотни функций. Вот с чем мы реально имеем дело и по поводу чего можно сетовать, можно революцию устраивать, но с этим еще можно и нужно иметь научное дело.

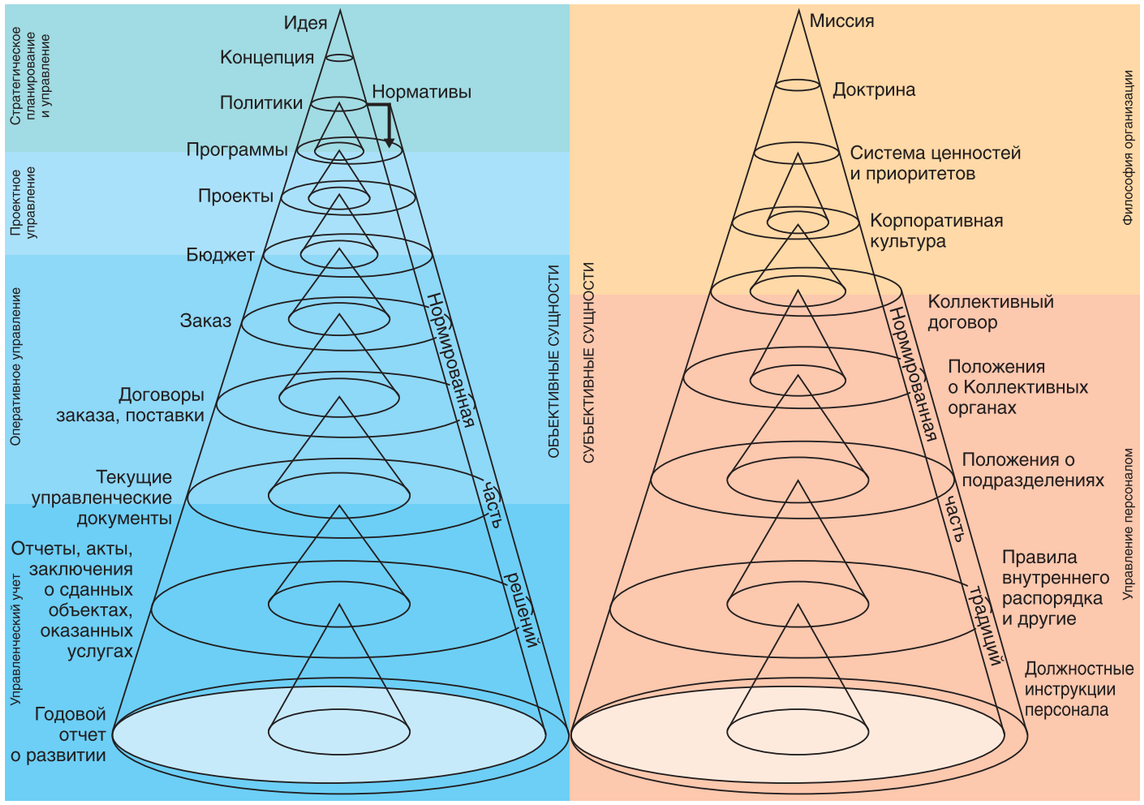
Наши министерства, ведомства, агентства, службы, областные правительства, корпорации, РАО ЕС и все что угодно – это сверхбольшие организации, они складывались годами. Здесь очень уместна аналогия с археологией или геологией, когда в организации имеются многолетние и многослойные пласты разных эпох. Один генеральный директор вводил управление качеством, другой все это забыл и вводит проектное управление, третий еще что-то и так складывается не то, что замышлялось, и не то, что будет достигать вашего руководителя, цели. Эти подходы противоречат друг другу, смена подходов и смена поколений и менеджеров несинхронные, поэтому возникают конфликты, своевременно устаревшие организационные формы не устраняются практически нигде, кроме так называемого банкротства, которое тут совершенно не причем. И повсеместно распространена рефлекторная реакция локального улучшения чего-нибудь, в противовес нормальному целостному современному проектированию.

Следующее явление – это обособление, которое я покажу на примере финансов. Впервые об этом я прочел в письме Карла Маркса Конраду Шмидту, где он говорит об обособлении. Это то, что создано как некая целевая функция, отделяется от создателя и начинает существовать как самостоятельная сущность, придумывать себе задачу и так далее. Например, товарный эквивалент – обменные деньги, обособливающиеся от материального обмена, обособляются и становятся сокровищами. Оборотные деньги обособляются от цикла материального производства, например, депозиты. Ростовщические деньги обособляются от оборотных и так далее. Вот этот слайд был сделан во время мирового кризиса.

Так называемые деривативы – это многократно, многорангово обособленные от материальных активов, от низовых материальных процессов деньги. Существующие подходы не адекватны, проджект-менеджмент, total quality менеджмент, ситуационные центры по-разному не применимы. Ни одна система этими классическими подходами не достигается. В противовес к классическому концепту организации необходимо пользоваться концептуальной схемой сверхбольшой организации, которая характеризуется полисубъектностью – отсутствием единой цели в большой корпорации, отсутствием вообще целей достижения, неизмеримостью показателей, отсутствием четких границ, фрагментарностью и, в конечном итоге, неуправляемостью. Это качественно иное, чем большая организация.

Обособление – то, что создано как функция и начинает существовать как самостоятельная сущность

- Обменные деньги (товарный эквивалент) обособляются от материального обмена, который они обслуживают (например, сокровища).
- Обменные деньги обособляются от цикла материального производства (например, депозиты).
- Ростовщические деньги обособляются от оборотных (например, кредитование).
- Деривативы многократно, многорангово обособлены от «низовых», материальных процессов.
- Управление и даже мониторинг, аудит, оценка таких «денег» становятся недоступными ни для кого.



Используя эти слайды, я хочу рассказать о методе. В нашей конструкции организация создается, начиная с идеи, которая положена в его основу. Затем идет концепция, разрабатываются политики – техническая политика, научная политика, ценовая программа, потом идут проекты, потом только возникают деньги, заказы, договоры, текущее управленческое административное управление и, наконец, годовой отчет о развитии компании. И параллельно идет такая же вещь для ментального мира. Здесь уже присутствует миссия, концепция, доктрина, система ценностей, корпоративная культура. Метод преподается сейчас на кафедре МФТИ. Я – заведующий кафедрой концептуального анализа и проектирования на факультете инноваций и высоких технологий, который два года назад был создан.

Ю.Г. Павленко

Межэтнические факторы и экономические аспекты

Павленко Юрий Григорьевич – доктор экономических наук, заведующий Центром изучения институтов гражданского общества Института экономики РАН

Я хотел бы коротко обрисовать, во-первых, ситуацию, которую я наблюдаю по работе в Институте экономики. Я участвую в двух таких минипроектах. Первый проект – это застой времен СССР. Его финансирует фонд Эберта. И второй маленький проект – анализ прогноза на 2020 год, а также анализ и прогнозы на три года, осуществляемый при поддержке Минэкономразвития. Работая в этих проектах, я стал таким пессимистом и, цитируя одного из руководителей, могу сказать, что, анализируя этот прогноз на три года, создается впечатление, что его авторы сами не верят в то, что они прогнозируют. Потому что прогноз на 2020 год говорит о том, что к этому времени мы выйдем на уровень развития европейских стран с точки зрения уровня жизни и экономического развития, а прогноз на эти три года говорит о том, что мы выйдем из кризиса.

Мы не заходим и не выходим из кризиса, а находимся уже двадцать лет в перманентном системном кризисе.

Я позволю себе высказать точку зрения, что мы не заходим и не выходим из кризиса, а находимся уже двадцать лет в перманентном системном кризисе. Он проявляется в том, что мы встали на уровень стран третьего мира. 40% ВВП мы производим за счет внешнеэкономических операций, то есть мы чрезвычайно зависимы. Такой уровень доли внешнеэкономических операций в валовом внутреннем продукте имеют только такие страны, как Венгрия, Голландия, то есть небольшие страны.

О.Т. Богомолов: Но эту цифра не очень верная. Не 30%, а 15% или 16%.

Ю.Г. Павленко: Верно. Но в корне это ситуацию не меняет.

Второе – наша вот эта сырьевая зависимость, то есть мы целиком зависим от цен на сырье. В результате никаких факторов и действий по выходу из системного кризиса не наблюдается. С моей точки зрения, когда мы говорим о модернизации, это примерно то же самое, что и волюнтаризм при снятии Хрущева. То есть все понимали при Хрущеве, что это плохо, но никто не знал, что это такое. И то же самое с модернизацией: все понимают, что это хорошо, но что это такое? Поэтому я не буду оперировать этим термином. Мне хотелось бы оперировать понятием экономического успеха, о котором мы забыли. Экономический успех – с моей точки зрения, это такое состояние экономики, которое обеспечивает ей стабильный экономический рост и при котором плодами этого экономического роста пользуется все население страны. У нас был, действительно, экономический рост, но экономический рост без развития, и потому он не был стабильным. Достаточно было некоторых изменений внешнеэкономической конъюнктуры, и этого экономического роста не стало, потому что стабильный экономический рост предполагает структурные изменения. У нас они есть, но со знаком «минус». То есть наша структура не улучшается и даже не стабилизируется, а ухудшается. И те параметры и наметки, которые заложены в прогнозе, по существу, как бы стабилизируют (внешне) положение, а на самом деле оно только ухудшается – как относительно, так и абсолютно. С нашей точки зрения, здесь, конечно, нужна мобилизационная экономика. Я знаю, что некоторые, в том числе и вполне разумные государственники, как-то настороженно относятся к такой формулировке, но мне кажется, что здесь нет ничего общего ни с лагерями, ни с насилием, – это просто нормальная терминология. С моей точки зрения, китайская экономика является мобилизационной. Они мобилизуют свои ресурсы как во времени, так и в пространстве, на определенные точки роста, и они знают, что будут иметь через пять, через двадцать лет и так далее.

Поэтому что здесь можно было бы предложить? Например, инвентаризацию наших ресурсов. Ресурсов как материально-технической базы, так и человеческого и социального капитала, и, наконец, ресурсов идеологии. Позволю остановиться на этом важном, на мой взгляд, факторе. Дело в том, что проблема нашей страны, как сегодня уже говорилось, заключается в падении рождаемости. Кроме того, мы так и не определились с системой ценностей, которых придерживаемся. И когда мы говорим о застое, в чем проблема? Я внимательно наблюдал, почему у нас произошел первый застой, а в Китае, например, происходит бурный экономический рост. Дело в том, что в Китае после Мао Цзе Дуна сразу пришла новая команда, и не было вот этого периода первого застоя. У нас, к сожалению, этот период сделал нашу элиту неспособной, по существу, к дальнейшему развитию. То есть мы получили в результате первого, брежневского застоя, элиту, которая по своим качествам – профессиональным, моральным и так далее, – не может делать то, что делают китайцы. Если бы после Сталина сразу начались реформы такого типа, как китайские, я думаю, результат был бы другой.

Второе, что мне очень не нравится, это антикоммунизм, десталинизация. Понимаете, можно быть некоммунистом, но совсем не обязательно быть антикоммунистом. Потому что, когда мы стоим на антикоммунистических позициях, мы подрываем идеологический ресурс нашего развития. Я занимаюсь Польшей и наблюдаю: мы извиняемся за Катынь. Я, например, не собираюсь извиняться за Катынь. Почему? Потому что Катынь не могла бы состояться, если бы не было 1920 года, уничтожения десятков тысяч наших военнопленных. Пусть и поляки тоже извинятся. И когда я им это спокойно на польском языке говорю, они спокойно либо соглашаются, либо нет. Почему мы сдаем эти наши идеологические позиции? Мы перед всеми извиняемся, мы виноваты. Это очень важно. Потому что у народа нет уверенности в себе, в своем прошлом и, соответственно, в будущем.

Экономический успех - с моей точки зрения, это такое состояние экономики, которое обеспечивает ей стабильный экономический рост и при котором плодами этого экономического роста пользуется все население страны.

И последний момент. Что касается распределения растущего ВВП среди населения. Понимаете, дифференциация доходов, о которой здесь уже говорилось, это уже не морально-этическая категория, это категория воспроизводственная. При той дифференциации доходов, которую мы имеем, мы не можем воспроизводить нормальный человеческий капитал и, соответственно, не можем развиваться. Дифференциация доходов архаична. Средний класс считается классом собственников. В США 90% населения не собственники. Они средний класс, но они не собственники.

О.Т. Богомолов: Там же 40% населения акции имеет.

Ю.Г.Павленко: Акции – это одно. Важно то, какие у человека источники доходов. Надо понимать, что те процессы, которые у нас происходят, в гипертрофированной форме отражают мировые процессы. Крубмен в книге «Кредо либерала» очень хорошо показал, что Америка 60-70-х годов и Америка нынешняя – это две различные системы. Америка 60-х годов – это страна с доминированием среднего класса. Нынешняя Америка – это страна с тенденцией к расслоению. Китайский народ спокойно воспринимает у себя подобную тенденцию. Только мы, нация с поголовным высшим и средним образованием, индустриально развитая страна, не можем терпеть такую дифференциацию. Вот в этом-то и состоит противоречие.

Завершая, мне хочется сказать, что на данный момент сложилась очень непростая ситуация. И я лично уповаю на то, что мы не можем предсказать будущее. Будущее непредсказуемо, и надеюсь, что появятся какие-то факторы, дополнительные субъекты, которые выведут ситуацию в нужное русло.

секция 4

Культура и экономика:
конфликт, компромисс или содружество?

К.Э. Разлогов

Глобализация культуры – миф или реальность?

Разлогов Кирилл Эмильевич – доктор искусствоведения, директор Института культурологии РАН

В мире сосуществуют различные представления о культуре. Публицисты вспоминают о том, что только определений культуры насчитывается несколько сотен. Однако я не могу согласиться с тем, что в этой совокупности мнений нельзя обнаружить признаков системности. Скорее наоборот. Силовых полей в этой сфере не так уж много.

Большая часть распространенных воззрений вписывается в представления о так называемой «культурной вертикали». Хрестоматийное определение в этом контексте: «Культура – это все лучшее, что создано человечеством». В соответствии с этим постулатом выстраиваются различные иерархии: и произведений искусства – по художественному качеству, и людей – по уровню культурного развития. В воображаемой вершине всех этих иерархий оказывается точка, где сливаются воедино истина, добро и красота, иными словами – Господь Бог, а точнее – христианская Троица, коль скоро речь идет о европоцентристской концепции, господствовавшей вплоть до рубежа 19–20 веков. Отсюда и идеи Просвещения, согласно которым два-три процента населения земного шара, грамотные настолько, чтобы одолеть многостраничный роман, прилагают все усилия для того, чтобы просветить некультурное человечество. Отсюда и привилегированное положение в сфере культуры литературного и художественного творчества, призванного в новое время (эпоху модерна по Хабермасу) «открывать новое» и способствовать его распространению.

Здесь мы подходим ко второму – инструментальному представлению о культуре, в соответствии с которым формируется государственное управление в промышленно развитых странах, где к ведению министерств культуры относятся, как правило, культурное наследие во всех его формах и текущее художественное творчество.

Иная линия представлений о культуре восходит к этнографии и этнологии и политически оформляется в середине 20 века в результате распада колониальных империй. Самые разные народы, традиции которых ранее интересовали только специалистов, добились независимости и не хотели больше считаться «некультурными». В результате возникло представление о множественности культур и их принципиальном равноправии вне зависимости от числа носителей той или иной культуры. Эти идеи получили воплощение в международной практике, в частности, в рамках ЮНЕСКО. Параллельно под воздействием рыночной экономики и глобализации формировалась новая – компенсаторно-развлекательная – парадигма культурного развития на планете.

В оценке этих явлений я, конечно, буду расходиться в определениях и представлениях с тем, что здесь говорилось о культуре. Иногда даже радикально. Потому что с точки зрения современной культурологии, культура – это система нравов, обычаев и традиций, которые объединяют разные группы людей, разные культурные сообщества. По определению, данному на Конгрессе ЮНЕСКО в Мексике еще в 1983 году, эти традиции и ценности находят выражение не только в произведениях литературы и искусства, но и в образе жизни, обычаях и ритуалах, в повседневной жизни и вообще в правилах общежития и поведения. Соответственно, и культур множество, и культуры определяются на разных уровнях. Скажем, если говорить о культуре правящей элиты в нашей стране, то основным элементом этой культуры оказывается, как ни странно, лагерное прошлое. Одни сидели в лагерях, другие, наоборот, охраняли их.

О.Т. Богомолов: А третьи будут сидеть.

К.Э. Разлогов: Мышление по понятиям, формулировки, которыми пользуются власть предержащие в нашей стране, имеют лагерные истоки, как популярность радио «Шансон». Доказательство тому – разговоры о «беспределе» в устах самых крупных наших политических деятелей. Тут нельзя не упомянуть, конечно, крылатую формулировку «мочить в сортире». С одной стороны, это устанавливает некие общие законы взаимодействия между властью и народом, которые говорят на одном языке и в одних понятиях, но, с другой стороны, свидетельствует о том, что жизнь по понятиям в этом кругу, конечно, значительно более действенный механизм, чем какие бы то ни было механизмы модернизации, предполагающие совершенно другие вещи.

Поэтому особенно интересно наблюдать за тем, каким образом эти понятия трансформируются в ходе нашего политического и культурного процесса, каким образом люди понимают или не понимают друг друга.

Вот один пример. Заместитель министра культуры (не буду его называть – кто именно, не имеет значения) в тот момент, когда был объявлен курс на инновации, сказал на официальном форуме приблизительно следующее: «Вот теперь все понятно, у нас культура будет инновационной». С точки зрения современных научных представлений, культура не может быть инновационной, потому что культура по своей природе консервативна. Культура базируется на том, что связи, обычаи и традиции, объединяющие людей, должны по возможности быть стабильными, иначе все будет сломано. Взаимопонимание будет разрушено. Поэтому культура, с этой точки зрения, – враг этих изменений, этой модернизации, даже если бы они делались на какой-то более разумной основе, нежели та, на которой они делаются здесь. Поэтому, когда мои коллеги, деятели культуры, обвиняют наши власти, Путина и Медведева, что в их посланиях Федеральному собранию не упоминается слово «культура», я думаю, что оно не упоминается не случайно. Потому что у них умные советники: они понимают, что культура – чуть ли не главный враг того, что они пытаются сделать. И что поэтому культуру и упоминать нечего.

Когда у Медведева появился термин «культура», он сказал о чем? Он сказал, что надо терпимее относиться к авангардистским тенденциям в творчестве. Да, действительно, в культуре есть маленький, тоненький инновационный слой, который на русском языке принято называть актуальным искусством. Это не просто современное искусство, создаваемое живущими художниками, а именно актуальное искусство, которое отвечает на тот вопрос, который здесь прозвучал: а что будет в будущем? И это актуальное искусство, как правило, нарушает культурные нормы, обычаи, традиции, ломает наши представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, разрушает нравственные устои и так далее. Поэтому за организацию выставки «Осторожно, религия!» люди идут под суд, поэтому художник, приковавший себя к забору

нашего института и написавший на спине «Я не сын божий», вызывает глобальный скандал, хотя мы не разрешали эту акцию. Но, с точки зрения искусствоведа, это нормальная провокационная акция современного художника. Лающий художник Кулик или целующиеся милиционеры, которых со скандалом министр культуры отказывается отпустить за рубеж. Вот это – инновация в культуре, и против этой инновации вся культура объединяется и начинает бороться, в том числе и судебными мерами.

О.Т. Богомолов: Исключая Швыдкого.

К.Э. Разлогов: Швыдкой – человек более гибкий, я бы так сказал.

Вторая вещь, которую нужно с этой точки зрения иметь в виду, – в этой, казалось бы, чисто художественной борьбе иногда схлестываются непримиримые интересы. Вот недавно смотрю по каналу «Россия – Культура» обсуждение пермского эксперимента. Галерист Марат Гельман привез актуальное искусство в Пермь. Пермь – традиционный русский город со своими культурными традициями, с писателем Алексеем Ивановым, которого я считаю одним из самых крупных современных писателей. Именно с ним во главе вся пермская интеллигенция и восстала против Гельмана и варягов, которые привезли это актуальное искусство с благословения местного министра культуры. То есть культура как традиция абсолютно противостоит инновациям сначала в культуре, а затем и в обществе. Есть ли в искусстве какие-то тенденции, которые следуют в одном направлении с культурой в целом? Есть. Это та самая ненавидимая, я думаю, подавляющим большинством людей за этим столом массовая культура, которая уже больше века развивается по принципу развлекательности. Развлекательность стала главным вектором культурного развития уже в конце 19 века. В начале 20 века она победила, и в течение ста с лишним лет победно шествовала по миру. Бороться против массовой культуры, как говорит мой друг, польский режиссер Кшиштоф Занусси, это все равно, что бороться против плохой погоды. Да, можно побороться, но толку от этого не будет никакого, потому что вся современная культура завязана на принципе удовольствия и, соответственно, развлекательности и базируется на той самой рыночной экономике, которую мы всячески пропагандируем.

Что получается в результате? В результате те перестройки, которые строились у нас в самом начале горбачевских реформ, были основаны на элементарной шизофрении. То есть мы говорили: что такое «перестройка»? С одной стороны, это рыночная экономика, демократия, правовое государство, либерализм и так далее. С другой стороны, это восстановление русской православной церкви, средневековья, древних обычаев и традиций. Это вещи диаметрально противоположные, они абсолютно друг с другом не сочетаются.

Когда уважаемые люди говорят и пишут, что только на основе наших национальных традиций, нравственности и русской православной церкви мы добьемся, наконец, ускоренного инновационного развития и достойного места в современной цивилизации, это просто бессмыслица. То, что это бессмыслица – понятно, понятно, и по каким причинам это говорится.

Сейчас принимается закон о возвращении церкви в том числе того, что ей не принадлежало или что было отобрано еще Петром Первым. И здесь опять есть своя логика, с которой я начал. А именно: поскольку цивилизация, в которой мы живем, к сожалению, в известной мере цивилизация воровская, то все воруют. А для того, чтобы вы дали нам воровать, мы тоже должны дать вам воровать. Вот какой культурный синдром реально стоит за законодательным актом, в трех чтениях обсуждавшимся в Думе. Вот почему вся музейная общественность восстала против этого законопроекта, и почему ни одному музейщику не дают сказать ни слова на всех официальных обсуждениях. Вот почему на телевидении организуется пропагандистская кампания, что все в музеях воруют, что в музеях сидят жулики. Потому что без этого нельзя провести вот эту маленькую операцию, которая родственна принципам торговли индульгенциями в Средние века.

А что действительно есть, и что будет? В отличие от политики, где предсказать будущее трудно, в культуре все проще. 30–40 лет тому назад я говорил, а затем и писал, что в первую очередь будут развиваться экранные формы культуры, благодаря новым технологиям будет расширяться аудитория искусства и возможности творчества, будут расширяться границы допустимого. Все это действительно происходит, и ничего страшного в этом нет, как бы просвещенные элиты ни пугались.

Что такое глобализация культуры? Это обычаи, традиции, привычки, нормы, ценности, которые объединяют все население земного шара. Появится общий язык, общий набор понятий, терминов, представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Соответственно, что такое глобализация культуры? Это значит, что появляются тексты, обычаи, традиции, привычки, нормы, ценности, которые объединяют все население земного шара. Конечно, это абстракция, реально всегда есть исключения. Существуют где-то в джунглях пигмеи, есть отшельники, старцы, которых русская традиция культивирует и обожествляет, которые будут находиться вне этой глобальной массовой культуры. Но это единицы. А все остальные будут жить в этой культуре. И благодаря тому, что они будут жить в этой культуре, у них будет общий язык, общий набор понятий, терминов, представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо. Мы можем с этим не соглашаться, спорить и даже вливаться в ряды антиглобалистов, но общая тенденция от этого не изменится.

О.Т. Богомолов: А общий язык будет английский?

К.Э. Разлогов: Общий язык будет английский. Хотя может быть и китайский, кстати. Во всяком случае, думаю, в Сибири китайский даже более вероятен, чем английский. И получается, что эта глобализация культуры – чуть ли не единственное спасение от той разобщенности человечества, которая есть на самом деле. У всех разные интересы, но есть общие ценности, которые сохраняются. Что это за общие ценности, и чему служит, к примеру, общераспространенная чудовищная телевизионная продукция? Если не фиксироваться на количестве выстрелов и безобразий, которые действительно появляются на экранах, то в основе популярной кино– и телепродукции остаются семейные ценности, отношения детей и родителей, похищенные дети, которые возвращаются к родителям, наказание тех, кто поддается искушению супружеской неверности, возвращение супругов в лоно семьи. То есть в течение телевизионного дня повсеместно распространяются какие-то очень простые истины в основном в вариациях, которые были придуманы в Латинской Америке и переведены потом на русский язык нашим отечественным телевидением.

Поэтому взгляд, с точки зрения культуры, на то, что происходит, в том числе и в экономике, несколько специфичен. И этот иной взгляд позволяет понять, где, в каких точках культуры можно воздействовать на массы людей, а в каких нет. Культура заимствования никуда не денется. Культура стяжательства, которая кормит религиозные организации во всем мире на протяжении многих веков, тоже никуда не денется. Культура коррупции, которая есть часть нашей национальной традиции, никуда не денется. Идея того, что от нелепых законов мы спасаемся тем, что они не выполняются, тоже никуда не денется. Но в этих пределах можно что-то придумать, что с помощью очень тонкого механизма социального и культурного регулирования, используя наши культурные традиции, будет все-таки приводить к каким-то позитивным результатам не только в социополитическом, но и в социокультурном плане. Весь вопрос в том, как это сделать?

Культура и культуры в эпоху интернета

Когда мы рассматриваем современную ситуацию в культуре, которая во многом развивается под воздействием новых электронных средств коммуникации, мы видим, что наше представление о культуре перестает соответствовать этой новой ситуации. Традиционное представление о культуре представляет культуру в форме своеобразной пирамиды, на вершине которой находятся в идеале Господь Бог, далее священники, пишущие священные тексты, далее группа университетских профессоров, которые интерпретируют эти тексты и передают их следующим поколениям, и так далее до основания пирамиды, где находится наименее культурная часть аудитории. За пределами пирамиды находится наибольшая часть населения Земли, которая с этой точки зрения культурной не является. Точкой отсчета для парадигмы, где культура может существовать только в единственном числе, является представление о том, что универсальной точкой отсчета является Господь Бог, но в XVIII-XIX вв. под воздействием идей Просвещения такой точкой отсчета стали нация и государство, национальная культура. И вот сейчас очень много говорят об основаниях российской национальной культуры,

Рассматривая современную ситуацию в культуре, которая во многом развивается под воздействием новых электронных средств коммуникации, мы видим, что наше представление о культуре перестает соответствовать этой новой ситуации.

о том, что нужна национальная идея, нужно каким-то образом объединить тот регион, который пока еще находится в сфере политического влияния города Москвы. Еще одна точка отсчета для этой вертикали культуры – объединить сословие жрецов с сословием университетских профессоров. И в результате в XIX в. в России появляется формулировка «читающая и пишущая публика» – это, как правило, одни и те же люди. Если мы вспомним, что в середине XIX в. процент грамотных на земном шаре был около 5%, а из них могли прочесть длинный роман, наверное, всего 1%, то вот этот 1% населения находился у вершины и у основания этой пирамиды, в том числе среди читающей и пишущей публики были те, кто считался гением, и те, кто считался значительно менее весомым в культуре. Но продолжало существовать то самое вертикальное представление о культуре, когда культура одна, поэтому она наша, а те, кто не разделяет наших ценностей, идей и убеждений, являются людьми некультурными, туземцами, аборигенами, которых нужно подвергнуть то насильственной христианизации, то наоборот насильственному обращению в новую светскую религию.

Современная ситуация в культуре в этом плане радикально отличается от этого. На смену вертикальным представлениям о культуре в реальной жизни (я не говорю о головах университетских профессоров) пришло представление о культуре как сфере, своеобразном шаре, который представляется то плавильным котлом, то неким бурлящим, безумным морем, и в этой сфере господствует новая точка отсчета, которая связана не с читающей и пишущей публикой, а с ее антиподом – с не читающей и не пишущей публикой, с публикой, которая делает телевизионные шоу и смотрит телевидение. Эта публика в основном воспитана на новом типе культуры, в частности культуре электронной, ибо телевидение есть одна из главных платформ электронной культуры помимо интернета, и она руководствуется совершенно иными принципами, нежели культура классическая. Я об этом уже говорил неоднократно. Мы ничего не поймем в электронной культуре, если не поймем, каким образом структурировано это новое культурное пространство.

Электроника здесь играет решающую роль. Электроника – это современная фаза того, что Вальтер Беньямин в свое время называл технической воспроизводимостью произведения искусства, которая лишает их ауры неповторимости, в результате чего они превращаются в потребительский товар. Электроника изменила всю ситуацию с момента изобретения кинематографа и фотографии. Она также влияет естественно на глобальное распространение процессов творчества. Сегодня с помощью самой простой электроники, широко распространенной (хотя мы не будем преувеличивать ее общее распространение), любой может приобщиться к творчеству. В то время как даже в сфере экранной культуры ранее поставить фильм, проявить фильм на пленку и сделать так, чтобы этот фильм можно было показывать, было уделом немногих, которые обладали средствами производства этого типа произведений.

В этом смысле электроника облегчает процессы творчества, даже по сравнению с письменным словом. Ранее надо было не только пользоваться естественным языком, но еще это записывать, т.е. быть грамотным, уметь читать и писать как минимум, что далеко не сразу, только в XX в., стало достаточно широко распространенным состоянием человечества. Сегодня ситуация становится принципиально иной. В связи с увеличением количества владельцев электронных средств коммуникации и разного рода редакторов текстов, которые распространены в электронных технологиях, количество неграмотных резко возрастает. Т.е. сегодня не нужно быть грамотным, т.к. есть редактор текстов, который скажет тебе, что ты неправильно написал. Человек сегодня не должен уметь считать, поскольку есть счетные машинки, которые считают вместо него. Это не есть критика современного человека, это описание той реальной ситуации, в которой находимся все мы и в еще большей степени наши дети.

Глобальное распространение процессов творчества, естественно, привело к возрождению эпистолярного жанра, который сегодня развивается в двух основных видах: первый вид – это электронная почта, второй – SMS-сообщения, которые, естественно, пишутся не так как писались письма в эпоху Жорж Санд. Стремительное распространение электронной телефонии привело к тому, что общение с помощью электронных SMS-сообщений становится почти всеобщим достоянием. Мобильная телефония наряду с телевидением становится некой глобальной системой общения. Изменяется сам принцип общения, согласно которому вместо традиционного типа телефонии и традиционного телеграфа, когда звонишь по стационарному телефону в определенное место, с появлением мобильных телефонов ты звонишь не в определенное место, а человеку, который может находиться в любой точке планеты. Это в корне меняет сам процесс коммуникации, уменьшает количество промежуточных звеньев, через которые ты должен проходить.

Наиболее очевидно электроника способствовала глобальному распространению продуктов творчества по самым разным каналам, начиная от того самого телевидения, но продолжая уже в сети интернет, которая все больше и больше охватывает продукты творчества в самых разных видах как традиционных, так и новейших экранных искусств, вплоть до виртуальной реальности.

Поэтому трудно переоценить роль телевидения и радиовещания в глобализации культуры. Есть общение, есть мелодии, есть тексты, есть сюжеты, которые становятся глобальным достоянием и которые составляют тот общий язык, тот общий словарь, с помощью которого люди могут общаться друг с другом независимо от того, где они находятся и даже независимо от того, на каком языке они говорят. Благодаря этому они везде существуют и охватывают в тех или иных вариантах все население земного шара, становясь частью общей глобальной массовой культуры.

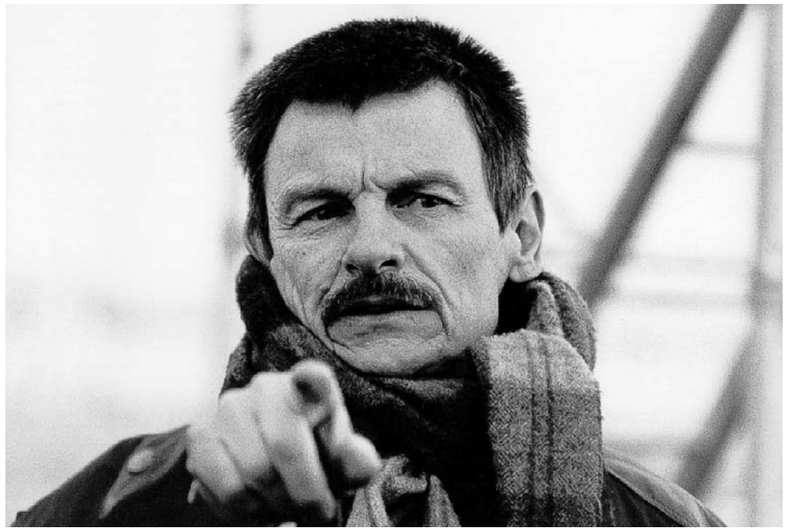
Помимо глобализации культуры в западной социологии и стилистике появился своеобразный термин «глокализация», который представляет собой синтез или симбиоз с одной стороны – глобальности, а с другой стороны – локальности. «Глокальность», если ее рассматривать с позитивной точки зрения, породила англоязычный лозунг «Мыслить глобально – действовать локально», который, как многое из того, что сегодня существует в такой политизированной культурологии, создает иллюзию бесконфликтности, там где, наоборот, конфликт разрастается до невиданных масштабов.

Вальтер Беньямин

Поэтому в этой сфере, опять-таки под воздействием электронной культуры, радикально меняется соотношение между тем самым центром современного культурного развития и глобальной массовой культуры и ее периферии, т.е. всеми типами субкультур. Если традиционный взгляд на вещи продолжает сохранять представление о том, что точкой отсчета является национальная культура, по отношению к которой культуры меньшинств, проживающих в данном государстве, и есть субкультуры, и эти меньшинства в основном трактуются как меньшинства этнические, то на самом деле меньшинство и большинство в равной мере являются субкультурами по отношению к глобальной массовой культуре, и ни одно сообщество не глобально, кроме той самой глобальной массовой культуры, которая охватывает все население земного шара и является планетарной по определению.

В современном обществе сформировалось новое представление о культуре как о сфере, в которой господствует новая точка отсчета, связанная не с читающей и пишущей публикой, а с ее антиподом – публикой, отдающей предпочтение телевидению и шоу.

Когда мы сегодня говорим «субкультура», мы определяем эту субкультуру не по отношению к национальной культуре и даже не по отноше-



Андрей Тарковский

нию к культуре просвещенной части человечества, мы определяем эту субкультуру по отношению к культуре массовой, в идеале стремящейся к глобализации. Национальная культура, как и этнические субкультуры, которые являются одним из источников современных социально-политических конфликтов, становится субкультурой по отношению к глобальной культуре.

У меня было несколько любопытных столкновений с представителями наших бывших сограждан, в частности из Прибалтики, когда я, развивая идею о различных субкультурных общностях, использовал термин «русскоязычная субкультура». Меня обвиняли в том, что я все политизирую, тяну одеяло на себя. И приходилось объяснять, что на самом деле этническая культура, национальная культура, языковая культура – это три разных типа сообществ. Есть сообщества людей, говорящих по-русски, которые распространены по всему земному шару. Есть сообщества этнических русских, которые проживают тоже не только в России. Есть гражданское сообщество граждан Российской Федерации, которое определяется гражданством. Есть территориальное сообщество людей, проживающих на территории России, где далеко не все являются гражданами Российской Федерации либо не все обязательно говорят по-русски, и далеко не для всех русский язык является основным.

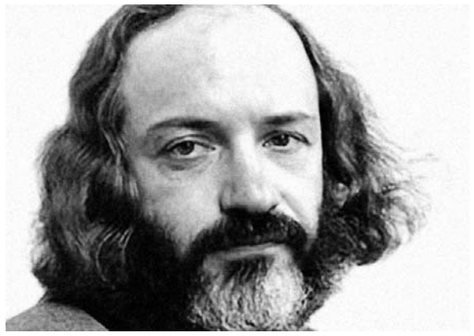
Вслед за языковыми культурными общностями (естественно, язык накладывает отпечаток на культурное творчество, и на культурную идентичность, и на культурное самоопределение) существуют территориальные культурные общности, и здесь возникает то самое определение локальности. А территориальные культурные общности есть самые разные. Есть территориальные культурные общности, объединенные по региональному принципу в смысле ЮНЕСКО, где регионы большие (скажем, Ближний Восток, Восточная Азия, Европа, Африка и т.д., где есть свои общие черты), а есть общности религиозные, объединяющиеся по принципу вероисповедания (мусульманское сообщество, христианское сообщество). Внутри религиозных общностей тоже есть деление: есть протестанты, есть католицизм, есть православие, есть огромное количество разного рода христианских сект. Таким образом, религиозные общности тоже делятся на самые разные подразделения.

И по территориальному признаку есть нации и государства, которые обладают своей территорией, есть регионы внутри этих наций и государств, которые у нас на глазах меняются по самым разным причинам. Они становятся то больше, то меньше, их складывают так и эдак, избирают, не избирают и так далее, при этом территория определенного региона остается. Но остается территория как административное деление и одновременно остается территория как культурный ареал. И вот история нашей страны в этом плане дает показательные примеры: страна делилась на территориальные образования таким образом, что между территориями с единой культурной базой проходили границы, не дававшие территориям объединиться. В результате они попадали в разные военные округа, а сейчас попали в разные большие административные деления, хотя с точки зрения культуры многие территории определяются трансгранично.

Есть, естественно, социальные культурные общности, есть профессиональные культурные общности, есть демографические культурные общности, в которые, например, входят дети до 7 лет, дети от 7 до 14 лет и подростки, тинэйджеры от 13 до 20 лет, есть люди старшего возраста (старше 60 или старше 50 лет). Есть общности, объединенные по признаку сексуальной ориентации. И самое интересное – общества, которые я бы назвал транслокальными, – это общности по интересам. Об этом сказал уже Филипп Тео, но он сказал это с критической точки зрения, говоря о виртуальных сообществах.

Мне же кажется, что виртуальные сообщества, которые формируются в первую очередь благодаря интернету, имеют возможность объединиться, найти друг друга благодаря интернету, и превращаются в сообщества благодаря интернету. Без интернета люди, объединенные общими интересами, но проживающие в разных странах, не могли бы установить связь друг с другом, не могли бы найти друг друга, и традиционная переписка им в этом плане ничего бы не дала. Это одно из наиболее показательных явлений в современной культурной жизни, которое в данный момент меня так интересует. Эти сообщества я бы предложил назвать транслокальными: они не являются территориально определенными, их представители могут жить в совершенно разных регионах, но при этом они не охватывают все эти регионы, они точечные – вроде представителей поклонников Мэрилин Монро или собирателей спичечных коробков, которые становятся сообществом благодаря тому, что они устанавливают контакты.

В заключение я могу сказать, что сейчас ведется довольно обширная дискуссия как в международных организациях, так и среди культурологов, по поводу того, что же из себя представляет культурное многообразие, хорошо это или плохо. В Европе культурное многообразие является одной из священных коров, подобно Карлу Марксу и В.И. Ленину в советский период у нас. Европейцы разве что не молятся на культурное многообразие, культурное разнообразие становится предметом разного рода исследований, публикаций и т.д. И появляется термин «мультикультурализм», который обозначает множественность культур в пределах одного государства, и является, на мой взгляд, уже архаичным, устаревшим представлением о том, каким образом функционирует современная культура. Тем более, если культурное многообразие в этом аспекте понимается в основном как многообразие этническое, и тот факт, что в Германии появились турки, во Франции алжирцы, а в Голландии индонезийцы, рассматривается как разрушение традиционного представления о нации и государстве. Франция до последнего держалась за идею, что все проживающие на территории Франции граждане Франции являются французами. И мы с удивлением читали в сносках, что Андрей Тарковский стал французом по национальности с момента своего поселения в Париже, а в нашей терминологии, естественно, французом по национальности он не стал: он принял французское гражданство. Чтобы как-то преодолеть эту однозначную трактовку мультикультурализма, появился термин «интеркультурализм», который обозначает взаимодействие между различными нациями. Этот термин тоже уже отходит в прошлое, а на его место приходит придуманный Михаилом Эпштейном – гением в изобретении новых слов – термин «транскультурализм», где именно взаимодействие разных культур, способность человека существовать в разных культурах, самому внутри себя устанавливать мосты между различными культурами, становится тем авангардом, вокруг которого должна, с его точки зрения, строиться современная культура. И это приводит к проблеме того, что называют, переводя калькой с зарубежных языков, идентичностью, или самобытностью, или индивидуальностью, или самоосознанием человека. Здесь водораздел в исследованиях и даже между исследователями на практике проходит между теми, кто считает, что исследователь должен быть представителем только одного культурного сообщества и не имеет права в той же категории переходить в другое, и теми людьми, которые считают, что ты можешь выбирать любое культурное сообщество, и молодое поколение в этом плане демонстрирует завидную последовательность, обгоняя профессоров и академиков, поскольку в последней переписи населения (о чем я узнал с удовольствием) какое-то количество молодых людей записало себя по национальности эльфами и хоббитами. Тем самым они продемонстрировали, что человек выбирает свою национальность, а вовсе не получает ее в наследство от своих родителей, от крови и почвы или от своего местожительства. И вот на этой сюрреалистической ноте я хотел бы закончить анализ электронной культуры и экранной культуры, в данном случае восходящей из книжной культуры, поскольку первоначально книга Толкиена – это все-таки книга, и лишь потом фильм, и лишь потом он был показан по телевидению и превратился в видеоигру, но, тем не менее, это единый процесс восхождения, который приводит к существенным трансформациям в культуре, которые, к сожалению, мы усматриваем уже тогда, когда они захватили культуру в целом.



Михаил Эпштейн

Н.Н. Федотова

Экономический процесс и изменение идентичности

Федотова Наталья Николаевна – кандидат социологических наук, доцент МГИМО (У)

Когда я узнала тему, которая была заявлена как неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды, больше всего меня заинтересовало слово «неосознанное». И сейчас я объясню, почему. Сразу возник вопрос: для кого «неосознанное»? Поскольку я являюсь социологом, для меня взаимовлияние экономики и общественной среды – это глубоко осознанная ситуация, осознанная социологами. Метафора неосознанности возникла из-за того, что многие экономисты не признавали подобного взаимовлияния, фокусируясь на вопросах экономического роста, эффективности, пригодности, игнорировали именно влияние социальной среды на другие сферы общественной жизни, включая экономику.

И у нас уже был сегодня доклад А.В. Ковриги, который выделял разные направления, одни из которых больше фокусировались на выявлении этих взаимодействий, другие – меньше, но, тем не менее, что касается социологов, это было всегда. Огромное количество исследований рынка – рынка как социальных сетей, рынка с точки зрения социальных институтов, рынка как культуры – подчеркивают взаимосвязь экономики и общества. Исследование денег как социокультурного феномена – тоже не сегодня возникшее направление. Изучение социального, культурного, человеческого, символического и прочих видов капитала – это то, что социологи открывали и с чем они работают уже достаточно давно. Теория макдональдизации как проникновения упрощенной экономической рациональности во все сферы общества также была открыта социологами.

Как говорит М. Доган, мосты между дисциплинами для социологии всегда были очень важны. Социологи цитируют идеи представителей разных направлений, а экономисты преимущественно себя. Доган говорит, что самая открытая дисциплина, согласно наукометрическим исследованиям, – социология, а самая закрытая – экономика. Он пишет, что экономика расколота меньше, чем другие социальные науки, но за это она платит высокую цену – постоянное сжатие своих границ.

Проблема воздействия внеэкономических факторов на экономику состоит в том, что слишком сильно было расчленение общества на сферы экономики, политики и социальную сферу, каждая из которых изучалась отдельными науками, отвечающими одна за экономику (экономическая наука), другая за государство (политология), третья за общество (социология). Это разделение – XIX века, сформулированное в русле либеральной идеологии. Но после 1945 года процесс развития науки привел к тому, что стали возникать множественные междисциплинарные исследования, и большинство открытий осуществлялось уже на стыке наук, в том числе на стыке экономики и социологии.

Но иногда, действительно, обращаешь внимание на то, что вот лауреат Нобелевской премии 2001 года как новичок говорит о том, что понятия идентичности, понятия, связанные с культурной реальностью, вкусами, ценностями, человеческими пристрастиями, должны стать частью экономической теории. И это позволит избежать исходного противостояния двух абстракций так называемого человека экономического: ориентированного на максимальную прибыль с минимизацией издержек, эгоистичного, агрессивного, жадного, нацеленного на успех, индивидуалистического, на которого всегда и опиралась экономическая теория, и человека социологического, с противоположными характеристиками: коллективист, не склонный к инновациям, стремящийся к поддержанию традиционного образа жизни, не агрессивный, сверхсоциализированный. Реальность гораздо богаче. И на самом деле эти полюса обозначают крайние точки континуума, на котором расположены разные типажи, разные виды человеческого поведения. И людей надо искать где-то посередине, а не на этих полюсах.

Быстрые экономические изменения, конечно, приводят к кризису идентичности, кризису того, кто я, куда я иду, где находится народ, на каком этапе. Поэтому любые моменты быстрых трансформаций очень сильно начинают обострять связь экономических и социальных параметров. Сегодня уже Олег Тимофеевич поднимал вопрос о том, что Маркс считал экономику базисом, а все остальное надстройкой, соответственно, чуть менее значимой с точки зрения и экономического успеха, и развития. Но если мы возьмем с вами, например, социолога, которого зовут Т. Парсонс, то о чем он говорит? Он выделяет ряд подсистем общества, каждая из которых выполняет свою особую функцию. Эти функции вносят вклад в целостную жизнь общества, и все они важны. Но схема у него немного другая. Внизу находится экономика. Экономика за что отвечает? Какую функцию она выполняет? Функцию адаптации. Чего? Общества. К чему? К окружающей среде. Чтобы у нас было, что есть, что пить, и прочее. Следующая подсистема носит название «политическая». За что она отвечает? Она отвечает за целедостижение, за постановку цели, мобилизацию ресурсов и движение в эту сторону. Две верхние подсистемы – это подсистемы социально-культурные, которые выполняют функции интеграции общества и воспроизводства образцов, обеспечение устойчивости, стабильности, предсказуемости общества. Наличие как раз общих ценностей, общей идентичности – это все наверху. Логика Парсонса сводилась к тому, что если при кризисе неправильно работает экономическая функция, но нормально работают функция целедостижения и верхние две функции (интеграции и формирования культурного образа), то общество выдержит. Потому что оно целостно, оно способно мобилизоваться, у него есть консенсус по поводу базовых ценностей.

Если добавляется кризис в сфере политики, ситуация усложняется – уже целые две системы охвачены кризисом. Но опять же, если имеется определенный консенсус в отношении ценностей и норм, то можно из него выйти. Но если кризис уходит в верхнюю часть (социальной интеграции и воспроизведения культурного образца), то экономика и политика вряд ли вытащат общество из этого состояния. Это схема, противоположная Марксу. Это первый момент, на который я хотела обратить внимание.

Взаимовлияние экономики и общественной среды – это ситуация, глубоко осознанная социологами. Метафора неосознанности возникла из-за того, что многие экономисты не признавали подобного взаимовлияния.

Следующий момент – когда мы начинаем говорить о важности понятия идентичности, есть опасность уйти в другую крайность. И воспевать отсталость, какие-то элементы, которые будут называть себя традиционными, на самом деле являясь элементами уже чужого прошлого. Чтобы избежать подобных вещей, хотелось бы обратиться к понятию мягкой мощи, разработанному Дж. Наем, так называемой soft power. Что это такое? Мягкая мощь – это некоторая культурная сила, не экономическая, не военная, а именно культурная сила, которая потому и мощь, что может оказывать воздействие, равноценное в некоторых случаях экономическому и военному. Как это осуществляется? В советское время, у СССР, – он говорит, – была огромная мягкая мощь. В чем она заключалась? Именно в культуре. Балет: кто лидер? СССР. Это же касается великой русской литературы. В космической сфере: кто полетел первый в космос? Все это дало нам много очков. Образование: там были свои недостатки, но, тем не менее, огромное количество вьетнамцев и прочих людей считали за счастье приехать к нам и, соответственно, учиться у нас. Наши специалисты имели глубокие фундаментальные знания. Знание языка – это фактически элемент влияния, элемент убеждения, элемент приобщения, привлечения другого человека на свою сторону. И это очень важный аспект, который нельзя игнорировать.

У нас, к сожалению, не было достижений в области массовой культуры в советский период, – считает Най. Таких достижений, которые бы в сочетании с экономическими успехами делали бы нашу страну, или диаспору, или любую группу людей более привлекательной для других. Важно, чтобы кроме экономического роста осуществлялись процессы, связанные с идентичностью людей, с учетом их культурных особенностей, чтобы наши власть предержащие понимали, что мягкая мощь – это имидж. А имидж – это очень важная вещь. То есть мягкая мощь – это возможность влиять, не принуждая, а привлекая кого-то. В сочетании с экономическими достижениями она дает подъем и привлекательности, и желания следовать ценностям, и желания присоединиться к успеху. Хотелось бы, чтобы мы опять стали привлекательны. Привлекательны с точки зрения интеграции в обществе и в усилении междисциплинарного синтеза наук.

И.В. Соболева

Экономика и образование

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, заведующая лабораторией социально-трудовых отношений Института экономики РАН

В своем докладе я затрону вопрос о взаимовлиянии экономики и образования. Сегодня влияние происходит в основном со стороны экономики, и оно в большей степени негативное – это печальная реальность, проявляющаяся все более отчетливо. Но я все-таки рискну предположить, что изначально существовала неолиберальная мейнстримовская идея о всесилии рынка. При этом стоит отметить, что рынок совершенно не приспособлен для того, чтобы регулировать сферу образования. В этой сфере опора на рынок недопустима не только по соображениям социальной справедливости, но и по соображениям чисто экономическим – рынок экономически не эффективен. Поэтому в данном случае противоречия между социальной справедливостью, обеспечением равных шансов, равенством возможностей и экономической эффективностью нет. Ни то, ни другое недостижимо с помощью рынка. Внедрение рынка в сферу образования ведет к дифференциации возможностей, которая страшнее дифференциации доходов. С одной стороны, она имеет чисто гуманистические отрицательные последствия, с другой стороны, она же снижает и экономическую эффективность, препятствует экономическому успеху, снижает конкурентоспособность страны.

Рассматривая взаимовлияние экономики и образования, можно отметить, что влияние происходит в основном со стороны экономики, и оно в большей степени негативное – это печальная реальность, проявляющаяся все более отчетливо.

В сфере образования удовлетворяется достаточно сложный набор потребностей, часть которых берет на себя рынок, а часть – нет. К общественным потребностям, таким как социализация, усвоение принятых в обществе норм, передача культурного наследия из поколения в поколение, рынок полностью глух, он этого не замечает. Потребность экономики в кадрах является общественной. Если система образования формируется, ориентируясь на платежеспособный спрос со стороны населения, ее рынок тоже не замечает. Отсюда возникает некий социально-экономический дисбаланс. Другую сторону – индивидуальные потребности – рынок воспринимает. Имеются в виду не только потребность в знаниях, в наращивании человеческого капитала, а в первую очередь потребности, связанные с социальным капиталом – в установлении социальных связей, в нахождении своего места в социальной структуре, в приобретении друзей и так далее. Есть потребность в символическом капитале, в повышении статуса, общественном признании. В нормальной системе потребности находятся ровно в этой иерархии. То есть изначально человек стремиться получить образование, потому что нуждается в знаниях, параллельно он подбирает команду, связи, место в жизни, и, наконец, третий кирпичик – символический – получение диплома, за которым, естественно, что-то стоит.

В той системе, которая незаметно выстроилась по мере перехода образования на рыночные рельсы, эта пирамида перевернулась: формальный статус – символический капитал – выходит на новое место. В условиях рынка образование стало возможно получить каждому. Создалась иллюзия равенства возможностей, потому что даже совсем небогатые люди, заплатив очень небольшие деньги, могут получить диплом какого-нибудь квазиуниверситета, который совершенно не отличается от того диплома, за которым стоят реальные знания, который стоит дорого и который им недоступен. Но внешне они одинаковые.

Таким образом, запускается некий механизм эрозии качества образования, который одновременно является механизмом эрозии моральных норм в обществе. Отнюдь не каждый человек, который идет получать образование, заинтересован в том, чтобы его учили хорошо, глубоко, серьезно. Почему? Хорошее образование требует не только больших финансовых затрат, но и огромных затрат труда. А символ – диплом – можно получить со значительно меньшими затратами. Есть очень большой стимул, чтобы здесь сэкономить. И появляется потребитель, который заинтересован в достаточно низком качестве товара, т.е. во второсортном образовании, и поставщик образовательных услуг, который заинтересован ровно в том же самом. Отсюда возникает то, что я называю мягкими формами коррупции. Преподаватель знает, что его материальное благополучие зависит от того, соответствует ли его поведение запросам студентов, которые приносят в вуз деньги и хотят без особых проблем получить диплом, поэтому ему нужно соответствующим образом относиться к этим студентам.

О.Т. Богомолов: Чему вы нас тут учите? Мягкой коррупции?

И.В. Соболева: Нет. Я обрисовываю ситуацию, которая сложилась у нас в системе образования. Есть очень маленький, элитарный сегмент хорошего образования, которое большинство студентов, попадающих в этот сегмент, пока получает бесплатно и очень мало кто получает за деньги, а дальше все идет ровно к тому, о чем я только что говорила. Внешний, статусный результат очень похожий – одинаковый диплом государственного образца.

О.Т. Богомолов: Вы говорите очень правильно, и все присутствующие примерно это представляют. А вот что это означает для экономики? Как это идентифицировать? Если эта взаимосвязь уже установлена, и взаимовлияние уже познано, то в чем оно познано? Какие цифры? Какой урон это несет экономике?

И.В. Соболева: Конкретные цифры потерь привести не могу. Человеческий капитал вообще измеряется достаточно сложно. Но понятно, что урон – огромный. На квазиобразование впустую растрачиваются ресурсы, в то время как необходимых профессиональных компетенций оно не дает. Сегодня уже прозвучало мнение о том, что для лиц, стоящих у власти, важны два качества: компетентность и честность. На самом деле, на любом рабочем месте важны компетентность и честность. И ровно эти два качества наша система образования с успехом губит. Но в стране, живущей за счет нефти, пока идет «бум», проблема приглушена. Ровно для этих людей с квазиобразованием на доходы от нефти создавались «представительские» рабочие места, росла офисная занятость. Как только грянул кризис, подскочила молодежная безработица и безработица среди лиц с высшим образованием. За счет чего? За счет того, что работодатели в полном соответствии с экономической логикой начали избавляться в первую очередь от тех, без кого легко можно обойтись. Прежде всего, они могут обойтись вот без этого контингента. Резкий рост безработицы среди сравнительно молодых людей с хорошим, казалось бы, уровнем образования, показывает баланс фиктивного человеческого капитала.

И еще, если мы посмотрим на нарастающее число техногенных катастроф, на то, сколько у нас гибнет народу на дорогах из-за поддельных водительских прав, – это тоже часть системы образования. Вот этот ущерб можно посчитать.

О.Т. Богомолов: Какая взаимосвязь между качеством водителей и количеством катастроф на дорогах?

И.В. Соболева: Думаю, связь есть. Между прочим, водительские курсы – тоже часть системы образования, на которую распространяются общие коррупционные нормы. А общий вывод: рыночные механизмы в системе образования надо резко ограничить. Конечно, с преподавателями можно строить отношения на рыночной основе, можно дифференцировать зарплату по каким-то критериям. Хотя тут тоже есть нюансы. Но ни в коем случае, нельзя на рыночной основе строить отношения со студентами. Конкурс на приемных экзаменах должен быть един для всех. Не должно быть деления студентов на коммерческих и бюджетных. Должно быть изначально четко заявлено, что образование нельзя купить.

Рынок совершенно не приспособлен для того, чтобы регулировать сферу образования. Опора на рынок недопустима не только по соображениям социальной справедливости, но и по соображениям чисто экономическим – он экономически не эффективен.

С.Н. Белкин

К вопросу о **нравственном** измерении экономики

Белкин Сергей Николаевич – Исполнительный директор Постоянно действующего Форума «Запад-Восток: интеграция и развитие»

Рассуждения о нравственной экономике не прекращались со времен Аристотеля до наших дней. Накоплено множество блистательных и доказательных рассуждений, наставлений и рекомендаций [1-8]. Известна также попытка построения нравственной экономики на базисе марксизма в СССР и некоторых других странах, не приведшая, однако, к устойчивому результату.

Рассуждения о нравственной экономике не прекращались со времен Аристотеля до наших дней. К сожалению, весь этот дискурс продолжает оставаться приятным или неприятным теоретизированием, а его результаты пока никто всерьез не пытается сделать практикой реального управления.

К сожалению, весь этот дискурс продолжает оставаться приятным или неприятным теоретизированием, а его результаты пока никто всерьез не пытается сделать практикой реального управления экономическими процессами. В реальной жизни ни бизнесмены, ни промышленники, ни политики не располагают четкими практичными критериями и, соответственно, рычагами управления «экономической нравственностью», предпочитая действовать «по наитию», «по наущению» и «по понятиям».

В настоящей краткой заметке предлагаются возможные критерии, позволяющие давать оценку экономической деятельности с социально-нравственной точки зрения. Для выявления «нравственного измерения» экономики мы предлагаем рассматривать деятельность с точки зрения следующих категорий.

Прежде всего – собственно «нравственность» деятельности, имея в виду ее законность и соответствие принятым в обществе моральным нормам. Это рассмотрение означает как очевидное: к «неправедным» видам экономической деятельности относятся все способы криминального обогащения (воровство, наркоторговля, мошенничество и т.д.), так и менее очевидное: например, религиозно-нравственное осуждение взимания ссудного процента в исламских странах. Таким образом, может быть введена шкала или ось «праведности», которая, разумеется, носит специфический для каждого общества характер, поскольку само понятие нравственности столь же специфично.

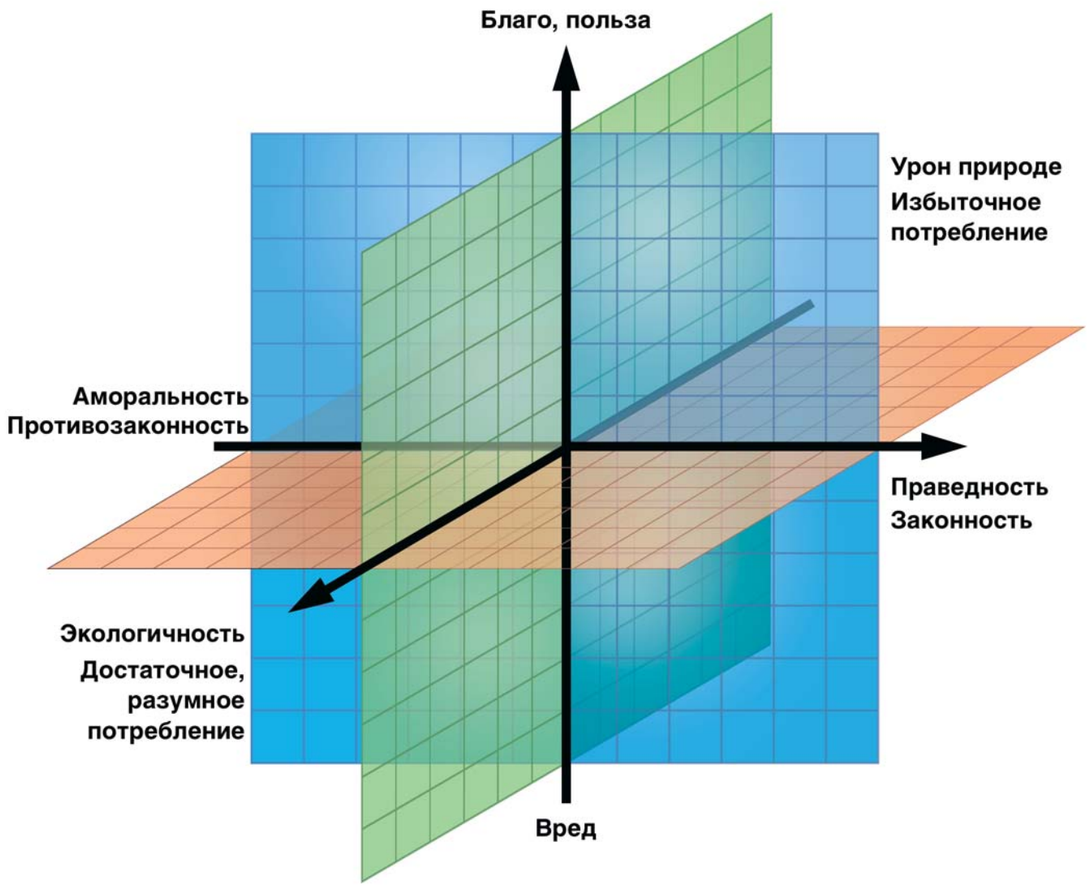


Рис. 1
Ось X: «Мера праведности», то есть соответствие нравственным (и правовым) нормам.
Ось Y: Мера отдачи обществу («нужность», «общественное благо», «вред» и пр.).
Ось Z: Мера нанесения вреда экологии своей деятельностью или своим потреблением.

Второй критерий экономической деятельности – «общественное благо». Эта характеристика изменяется между полюсами «вред» и «польза». Ясно, что выработка объективной меры «общественного блага» представляет собой отдельную задачу. Общественная оценка «вреда» и «блага» зависит от множества обстоятельств места и времени, и к тому же подвержена воздействию манипулятивных технологий. Тем не менее, задача выработки методов оценки и измерения средствами современной социологии не представляется неразрешимой. Во всяком случае, деятельность, приводящая или способствующая разложению нравов, распространению или оправданию вредных привычек и т.д., может учитываться в комплексной оценке «нравственности» той или иной экономической деятельности уже сегодня.

Третьим критерием является мера нанесения вреда (или пользы) экологии в процессе оцениваемой экономической деятельности. Категория «экологичности» в определенных аспектах уже сегодня достаточно хорошо разработана и может быть введена в комплексную оценку «нравственности» экономических процессов. Ясно, например, что деятельность, приводящая к уменьшению невозобновляемых природных ресурсов – безнравственна. Понятно и

направление дальнейшего развития, углубления и совершенствования измерения экологических последствий экономической деятельности.

Четвертым критерием нравственности может и должна быть мера потребления. Этот параметр, при всей простоте и надежности его измерения, нуждается в дополнительном совершенствовании. Речь идет об объективизации неких критериев «достаточного», «разумного», «избыточного» и т.д. потребления, которые в неявном виде существуют в любом обществе. Приведенные критерии могут характеризовать как экономическую деятельность компании, отрасли, государства в целом, так и отдельной личности.

Для наглядности эти критерии могут быть изображены в виде осей координат, формируя тем самым «пространство нравственности» экономических процессов. Учитывая сложности в графической интерпретации четырехмерного пространства, можно, несколько упрощая картину, совместить на одной оси две переменные: «экологичность» и «потребление», тем более что между этими величинами имеется определенная корреляция.

В качестве иллюстрации дадим оценки некоторым видам экономической деятельности в этих координатах и определим их положение в «пространстве нравственности». Начнем с очевидных и предельных явлений.

Ясно, что наихудшей из возможных является деятельность, ведущаяся с нарушением законов как юридических, так и моральных, наносящая непоправимый вред природе и к тому же потребляющая несоразмерно много всех видов ресурсов. Видимо, всем этим критериям соответствует ведение войн, которое в нашей трехмерной сетке координат окажется в «левом нижнем заднем квадранте». (*см. рис.1.*)

Соответственно, в «правом верхнем ближнем квадранте» окажутся те виды деятельности, которые при низком уровне потребления ресурсов не наносят вреда природе или даже способствуют ее регенерации, имеют высокое общественное реноме и являются законными со всех точек зрения. К таким видам деятельности, видимо, можно отнести рождение и воспитание детей, учительство, врачебную помощь, занятия искусствами, некоторыми направлениями науки, простыми ремеслами, щадящим земледелием и т.п.

Посмотрим, куда могут быть отнесены некоторые отрасли экономики. Например, нефте– и газодобыча.

С точки зрения законодательства, эти виды не всегда являются, но могут быть законными. С точки зрения морали, положительная оценка не столь очевидна: о том, как и когда допустимо «брать у природы ее богатства», еще стоит подумать. С учетом этих оговорок мы все-таки поставим точку на положительной части оси «праведность», но не предельно высокую.

На оси «общественное благо» для нефтегазодобычи тоже, видимо, найдется невысокая, но положительная оценка, в силу того, что мы построили общество, которое сегодня не может обойтись без использования этих энергоносителей. Но человечество не забыло, что тысячелетиями обходилось без них и при этом способно было и к высокому творчеству, и к счастью, и к развитию. Равно как и жива надежда на переход к возобновляемым источникам энергии.

На оси «экологичность» этот вид деятельности заслуживает одной из самых низких оценок, уходящих далеко в область отрицательных значений: использование невозобновляемых ресурсов не есть нравственное дело.

Оценка «меры потребления» в данном случае практически может совпадать с «мерой экологичности». Если же оценить меру потребления в этой отрасли по уровню потребления ее хозяев – нефтяников, то картина только ухудшится.

Таким образом, эта отрасль экономики не попадет в «нравственный квадрант», но все-таки окажется не в одном поле с ворами и наркоторговцами.

Аналогичным образом могут быть рассмотрены иные виды деятельности, отдельные производства и даже деятельность индивида.

Литература:
[1]. *Аристотель.* Никомахова этика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997
[2]. *В.С. Соловьев.* Оправдание добра (1895). Глава шестнадцатая: Экономический вопрос с нравственной точки зрения. / Сочинения в двух томах. – Т.1. – М.: Мысль, 1988.
[3]. *С.Г. Кара-Мурза.* Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм. – 2002.
[4]. *В. Ефимов.* Экономическая азбука. М.: Экономическая азбука. – 2003.
[5]. *Д.С. Львов.* Нравственная экономика. // «Свободная мысль-XXI», №9, 2004.
[6]. *В.М. Симчера.* Как возродить экономику России. – Кн. 3. Нравственная экономика. – М.: ТЕИС, 2006.
[7]. *О. Богомолов.* Нравственный фактор социально-экономического прогресса. Вопросы экономики, 2007, № 11
[8]. «Государственная экономическая политика и экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике». Авторский совет: Якунин В.И., Макаров В.Л., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Лексин В.Н., Симонов В.В., Роик В.Д. В 5 т. М.: Научный эксперт, 2008.

О.Т. Богомолов, М.Ю. Байдаков

Заключительная дискуссия

М.Ю. Байдаков:
Я предлагаю всем участникам мероприятия перейти к общей дискуссии. Сегодня было сказано много важного, сложившаяся ситуация была представлена во множестве аспектов, рассмотрена с разных сторон.

По сути, прозвучал вывод, что европейско-американская цивилизация подошла к той точке, когда главный вектор жизни общества, а следовательно, и экономики, перестал быть ориентированным на развитие, а ориентирован на потребление в тех или иных видах.

Достигнутый обществом уровень развития производственных отношений и сил позволил перейти к обществу потребления.

Это породило все то, что сейчас происходит в области производства, а следовательно – кредитования, а следовательно – финансов. И экономический кризис (или как хотят еще проще представить – финансовый) кризис – это не итог происходящего. Это только начальное проявление кризиса в слабейшем и наиболее «лежащем на поверхности» с точки зрения общечеловеческого развития и истории звене.

Более важны и болезненны демографический кризис, кризис семейных ценностей, образования, социальных отношений.

Наша страна, наше общество являются не только частным случаем: мы – хорошая модель для понимания того, что сегодня происходит в мире, в мировой экономике.

Обсужденное на нашем Круглом столе, высказанное его участниками показывает, что необходимо рассматривать как общемировые проблемы, так и проблемы нашей страны со всех сторон, с точек зрения различных наук.

Завершением нашей работы должно стать объединение группы лиц – представителей разных дисциплин, готовых приложить усилия для комплексного изучения проблемы, а значит – создания возможностей воздействия на сложившуюся ситуацию. Спасибо.

Академик О.Т. Богомолов:
В ходе нашей работы у меня возникло несколько соображений. Прежде всего, я с интересом слушал многие выступления. Каждый докладчик говорил о проблемах, о которых он может сказать что-то новое. С чем-то я соглашался, с чем-то не соглашался, но в любом случае я получил широкое представление о состоянии отдельных направлений науки. С другой стороны, меня всегда заботит, как организовать работу так, чтобы от нее была явная польза. Выбранная для данного мероприятия тема довольно сложная, потому что она является междисциплинарной. В каждой дисциплине есть свои взгляды на некоторые общие вопросы, и свести это воедино бывает сложно. Могу поделиться своим опытом в этом отношении. Мы в течение ряда лет работаем над темой взаимодействия экономики и неэкономических сфер общественной среды. При подборе исполнителей, к сожалению, возникали трудности. Некоторым известным ученым просто не удавалось вписать свои исследования в междисциплинарный проект, показать взаимосвязи, взаимовлияния с другими дисциплинами. У меня создалось впечатление, что нет, например, достаточного понимания такой нравственной

категории, как справедливость, которая на протяжении всей истории человечества играла немалую экономическую роль. Несоблюдение социальной справедливости, нарушение ее и в оплате труда, и в решении экономических споров сказывается на экономике. Между тем, это часто недооценивается.

Общественное мнение и общественное сознание влияют на экономические процессы, на выработку экономической политики. Один из крупных российских специалистов в этой области написал статью, в которой рассуждения «веховцев» о состоянии умов российской дореволюционной интеллигенции перенес на сегодняшний день, что едва ли способно объяснить особенности нынешнего состояния общественного сознания. Спасибо Жану Терентьевичу Тощенко, который на основе экспериментального материала и результатов опросов достаточно интересно раскрыл сегодня эту тему.

В ходе работы над темой взаимодействия экономики и неэкономических сфер, которая длилась два с половиной года, очень трудно было свести все знания представителей разных наук воедино и подчинить общей логике, общему замыслу. Наблюдался большой разброс мнений, подходов, многие не могли от теории перейти к реальности, практическим рекомендациям. В этой связи у меня возникает серьезное опасение: собираться и обсуждать злободневные проблемы важно и необходимо, но этого мало. Необходимо выходить на какие-то предложения, которые могли бы повлиять на общественное мнение, а через общественное мнение, может быть, и на политику. Мы издали две книги с целью дать представление о самой проблематике. Естественно, в них не решены многие вопросы, но это только первый подход. А как быть нам дальше? Здесь очень многое зависит от того, кто берет на себя выработку общей линии, подбор отдельных авторов.

В связи с этим я обращаюсь к Михаилу Юрьевичу и к Сергею Николаевичу. Очень важно договориться об общем взгляде на взаимодействия неэкономических и экономических сфер, определить и подобрать тех авторов, которые могут ответить прямо на поставленные вопросы. Недостаточно просто делиться в ходе обсуждений своими соображениями по волнующим авторов вопросам, важно, чтобы они раскрывали выбранную тему. Эта сторона организации очень важна для получения результата. Как я понял, сегодняшний Круглый стол как раз предназначен для того, чтобы нащупать, в каком направлении нам двигаться дальше. В этом смысле задача выполнена. Ясно, что есть целый ряд тем, которые сегодня так или иначе были подняты, но они не совсем вписываются в ту общую задачу, которая поставлена: духовно-нравственные устои и модернизация общественного и экономического устройства. Хотелось бы в дальнейшем не отклоняться от стержневой темы так, чтобы каждое обсуждение представляло очередной этап в раскрытии этой темы и завершалось затем соответствующей публикацией обсужденных материалов.

Литература по нашей проблематике уже появилась: две книги, которые сегодня упоминались, статьи в научных журналах и в изданиях различных учебных заведений, в т.ч. региональных. Имеются публикации и в американской научной литературе, и в европейской. Хотелось бы, чтобы все заинтересованные участники с ней ознакомились, что поможет двинуться дальше.

Я хочу поддержать Михаила Юрьевича в том, как он видит цель нашего проекта: практика ставит перед нами новые задачи и требует на них ответить, мы не можем только витать в сугубо абстрактных теоретических категориях, надо разработки довести до практического использования. Можем мы это сделать? Можем. По крайней мере, донести до понимания тревогу относительно сложившейся ситуации. У нас получается так, что бедным слоям населения не доплачивают за их труд, и их покупательная способность ограничена, а, следовательно, ограничен и сбыт отраслей, работающих на внутренний рынок: легкой, пищевой и других отраслей, промышленности. Состоятельные люди, покупая преимущественно импортные товары, поддерживают зарубежного производителя. В таких условиях экономика вообще не может расти, и это доказано на конкретных расчетах и цифрах.

И еще одно соображение, касающееся демографии. Процесс депопуляции в России имеет экономические и социально-психологические причины, например, неуверенность в будущем дне. Попробуйте иметь семью в три человека в наших условиях, получая даже зарплату в двадцать тысяч рублей в месяц. О втором ребенке едва ли пойдет речь.

Вот говорилось, что социологи многое сделали для понимания связи социальных процессов с экономикой. Но есть темы, которые часто обходятся. Скажем, экономические последствия несовершенства государственного устройства и демократических институтов, что отрицательно сказывается на росте экономики. Выявление общественного мнения по этим вопросам требуется для выработки правильных решений и учета мнения оппозиции. Когда игнорируется точка зрения оппозиции, нет информации о несогласных с проводимым курсом. Нет и альтернативы ультралиберальной политике. Она будет продолжаться, не считаясь с ее провалами.

Кроме того, существует необходимость в отборе на всех уровнях наиболее компетентных и честных лидеров и управленцев. Для этого нужны соответствующие демократические механизмы, учет общественного мнения, в том числе через социологические опросы. Опасна охлократия, когда толпа приводит к власти случайных недостаточно ответственных и компетентных лиц. Как предотвратить такие результаты выборных процедур? Я думаю, что как раз этим-то социологи и не занимаются, а могли бы подсказать, как сделать демократию работающей и приносящей пользу, а не служащей трамплином для выхода наверх случайных людей, а иногда и просто проходимцев.

Вернусь к уже высказанной мысли о практической значимости нашей совместной работы. Обсуждения, в которых мы участвуем, призваны не столько удовлетворить наш научный интерес и свое любопытство, сколько повлиять в лучшую сторону на процесс принятия решений в отношении политического и экономического развития страны. А как мы можем это сделать? Через влияние на образованную часть нашего общества, на общественное мнение. В этом состоит воспитательная, просветительная роль этого проекта. Я думаю, что и на бизнес-элиту удастся повлиять, если мы представим хорошие соображения.

Теперь я хочу обратиться к Кириллу Эмильевичу Разлогову, так как он связан с телевидением и хорошо представляет его возможности. Мы имеем совершенно новую ситуацию: при помощи достижений технического прогресса и информационных технологий осуществляется мощное влияние на огромные массы людей. Это влияние может быть очень продуктивным, но может быть и контрпродуктивным. Телевидение, как и пресса, предпочитают, по понятным причинам, избегать острые вопросы. Сложно напечатать критическую статью или дать в эфире аналитическую программу, которая бы достаточно глубоко раскрывала реальное положение вещей. К сожалению, доступа к средствам массовой информации новые идеи и смелые материалы часто не имеют. Можно ли здесь надеяться на лучшее?

В.Г. Федотова: Они вроде открывают на «Культуре» новую рубрику «Просвещение». Может быть, вы бы лекцию могли прочитать там, как другие читают?

О.Т. Богомолов: Меня не приглашают, и боюсь, что не пригласят, а пригласят тех, которые будут более нейтральные вещи говорить.

К.Э. Разлогов: На программу «Академия» пригласят, потому что эта программа довольно широких взглядов.

М.Ю. Байдаков: Я хотел бы добавить еще несколько слов. Сейчас в Европе наша группа ведет активную работу с Клубом долгосрочных инвесторов. Что это такое? Это четыре главных европейских банка – итальянский, французский, немецкий и Европейский банк развития, – действующих при участии государства. Наше с ними общение началось после написания «Моденской декларации», в которой мы за два месяца до начала кризиса предсказали, что он

С.Н. Белкин, Ж.Т. Тощенко, З.А. Кучкаров

будет, и из-за чего он произойдет. Тогда нас много критиковали, но ровно до того момента, когда кризис действительно начался.

Клуб долгосрочных инвесторов четко поставил перед собой задачу перевода вложений не просто в реальную экономику, а в долгосрочные инфраструктурные проекты, которые несут в себе парадигму развития общества. Другой вопрос, как они пытаются это делать. Были долгие дискуссии, в том числе и у нас с ними. Они пошли по пути разработки новых финансовых стандартов и финансовых регуляторных правил.

Сегодня они четко понимают, что скоро наступит момент, когда нужно будет думать о технологии создания инвестпроектов. Они ждут от нашего общества определенных шагов. Почему? Потому что мы и как общество, и как страна имели опыт, наверное, единственный за всю историю человечества, когда было четкое планирование. Я имею в виду то планирование, когда существует некая социально-экономическая, культурная позиция, когда общество может как минимум спроектировать, в каком направлении ему дальше идти, чего оно хочет добиться. С одной стороны – это задача государства, с другой – обществу самому необходимо продумать инструменты, оказывающие содействие тем, кто движется в эту сторону, и, наверное, продумать инструменты противодействия тем, кто борется с этими идеями.

На одном из собраний Клуба долгосрочных инвесторов было сказано: «Мы должны признать, что европейский мир, европейская цивилизация является цивилизацией падающей. Нам навстречу идут цивилизации поднимающиеся. Мы должны четко сформулировать ответы на вопросы, как будут использоваться фонды, накопленные в этих странах, в отличие от Европы, и кто будет ими управлять, на какие валюты будет ориентироваться мировая экономика, куда развивающиеся страны будут вкладывать эти ресурсы». Это те вопросы, на которые мы с вами сегодня отвечаем.

Поэтому все, что сегодня обсуждалось, с моей точки зрения, будет иметь очень четкие практические результаты, пусть и не сразу. Что я предлагаю? Мне кажется, дискуссию на тему, которую мы сегодня затронули с разных сторон, нам надо перевести на постоянно действующую платформу. Осуществить это возможно в рамках форума «Запад-Восток: интеграция и развитие». Мы должны, как сказал Олег Тимофеевич Богомолов, подумать о механизмах доведения наших тревог до общественности. И я хочу отметить, что у нас уже есть заказчики, которые ждут ответов на затронутые сегодня вопросы.

М.Ю. Байдаков: Правильно. И, кстати говоря, именно эту новую модель, я считаю, очень важно сформулировать: какого типа общество мы получим в результате реформ? Потому что нельзя жить вообще без определенной перспективы, без образа. Даже если эта цель будет несколько расплывчата, но она все-таки должна существовать.

В.М. Симчера: Подобные форумы очень полезны, и они должны чем-то кончаться. Необходимо издание третьего тома на основе того, что мы сегодня наработали. Необходимо создать конкретные статьи, конкретные предложения. Также я хочу сказать несколько слов о нашей роли как деятелей, представляющих некоторые, еще не окончательно забытые экспертные сообщества. Есть вещи, которые возмущают каждого человека. В нашей стране социальных ценностей происходит не только дискриминация, но и некоторая форма унижения, сегрегации. Ведь оскорбительно, что основную массу (70%) налогов платят бедные. Если вы думаете, занимаетесь наукой, то этого нельзя не замечать, не обсуждать.

Должен существовать механизм обращения к общественности, должны быть найдены эффективные и ощутимые формулы, способные подействовать на власть, потому что, пока вы не сформулируете проблему, вы ничего в практическом плане не добьетесь.

М.Ю. Байдаков: Необходимо создать меморандум, подводящий итог нашей сегодняшней деятельности и призывающий к деятельности дальнейшей. Кроме того, у нас есть открытое обращение участников относительно совместной работы с представителями Абхазской Республики.

О.Н. Дамениа: Мне кажется, в документе, который мы с вами будем принимать, мы должны оценить проделанную сегодня работу, определить, к каким выводам мы сегодня с вами пришли, наметить развитие того, о чем сегодня говорилось на этом Круглом столе.

И задача науки в данной ситуации состоит в том, чтобы зафиксировать эту ситуацию и достаточно корректно обозначить для общественности, без всякого ажиотажа или политизирования самой этой идеи, мысли, в академическом духе.

С.Н. Белкин: Я хочу также высказаться по поводу заключительного документа. Наша организация, которая называется «Запад – Восток: интеграция и развитие», – это площадка, которая должна заботиться о своей судьбе и о том, чтобы продолжать идти по намеченному пути и в дальнейшем. Те из нас, кто из академической среды, должны подумать об этом вновь созданном сообществе, которое находится вне Академии наук. Оно не ставит перед собой исследовательскую задачу, а является площадкой, инструментом, с помощью которого мы должны иметь возможность поддерживать контакт с обществом, с правительством и со всеми остальными. Поэтому нужно подумать об адресате итогового документа. Если мы хотим чего-то добиться от правительства, от парламента, изменить закон, создать организацию, открыть финансирование или закрыть его, если у нас есть какие-то требования, и они обоснованы экспертами высокого класса, которые собираются регулярно, и так далее, тогда мы определяем соответствующих адресатов: президенты, премьер-министры, главы парламентов.

Для того, чтобы быть услышанным в обществе, существуют специальные технологии. Мы вправе для себя решить, какими технологиями пользоваться. Но, если мы упустим общественную цель, не определим адресата и желательный отклик, если мы останемся на уровне целей академического обсуждения, тогда мы – не площадка «Запад – Восток», а академическое совещание, после которого будет еще одно такое, потом еще одно. Действующая площадка умрет.

О.Т. Богомолов: Академические технологии немножко иные. Мы проводим презентации, мы выступаем в прессе, на радио и так далее с определенными взвешенными выводами на основе длительной исследовательской работы.

С.Н. Белкин: Вот это и нам необходимо делать.

О.Т. Богомолов: Я считаю, что здесь работает другая технология: если вы можете на основе проделанной работы, неважно, это в рамках Академии или нет, найти какие-то технологии, чтобы те выводы, с которыми вы согласны, довести до более широкой общественности, то у вас получится хорошее взаимодействие.

С.Н. Белкин: Я абсолютно с вами согласен. И сегодня была проделана колоссальная работа. Это даже не стартовая точка, это уже очень высокая вершина, с которой мы начинаем действовать. И необходимо двигаться дальше.

З.А. Кучкаров: Философы различным образом объясняли строение мира, хотя их задача состояла в том, чтобы его изменить. Из любых знаний может вытекать действие, знания могут порождать действия, действия можно основывать на знаниях. Если действия из знания не вытекают, то это чистые знания. Тем не менее, мы обсуждали и обсуждаем, смею все-таки обобщить, мир действий вокруг нас: экономики, организации, планирования, управления, влияния культуры на экономику, экономики на финансы и так далее.

Вопрос: из этого обсуждения нашими участниками, каждым в отдельности или всеми вместе, какие действия будут предприняты? Первое. Если мы не предпринимаем никаких действий по применению этих знаний или по изменению той реальности, которую мы блестяще изучили здесь сегодня, то это надо констатировать. Второе. Никто из присутствующих не знает больше, чем мы все вместе взятые. Каждый продемонстрировал огромную накопленную компетентность, завоевания, достижения в самых разных проблемных областях. Мы – носители некоторых компетентностей, но эти компетентности не организованы и не интегрированы. И, следовательно, даже если власть широко распахнет в нашу сторону свои объятия, нам нечего будет ей предъявить. Компетенция требует организации, следовательно, нам, если это сообщество и площадка и так далее, нужно придумать, институциализировать эту интеграцию компетентностей.

Как только мы все, вместе взятые, складываемся в какую-нибудь организацию, оказы-

Премьер-министр Абхазии С.М. Шамба; спикер парламента Абхазии Н.Н. Ашуба; Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Абхазия С.В. Григорьев

вается, что мы действуем неэффективно. Никто в этом не виноват. Такова природа больших организаций. Каждый по отдельности умный, а в сложившейся системе мы действуем так, как мы действуем. То ли нас обманывают, то ли мы не достучались и так далее. Нужны институты, и нужно, конечно, лучше всего независимое, негосударственное финансирование этой деятельности. Значит, собирать компетенцию, интегрировать ее и, самое главное, предлагать решения проблем без денег нельзя – это я вам заявляю как специалист по проектированию организаций. Знания вы сгенерируете, но деятельность вы без денег не измените. Потому что таковы законы этой деятельности: она требует изменения законодательства, она требует изменения нормативной базы, она требует не только ценностных изменений, но и изменений государственного устройства. Если вы с экологической проблемой идете в Министерство природных ресурсов, которое тратит ресурсы, то вы идете не по адресу. Поэтому у меня предложение подумать и организовать форму нашей содеятельности и кооперации компетенций.

В.Г. Федотова: Последний раз в Нью-Дели была конференция Ассоциации советов по социальным наукам азиатских стран, где все собравшиеся сделали один доклад на одну тему, и за неделю написали книгу о влиянии локальных трансформаций на глобальные.

Я все время предлагаю эту модель, и пока никто меня не поддержал. Если бы всем участникам сегодняшнего Круглого стола собраться всем вместе через некоторое время в Москве и сформулировать практические цели, в результате чего мы получим решение. Я считаю, что это очень эффективная форма взаимодействия.

Ж.Т. Тощенко: А хотел бы обратить ваше внимание на то, что во всех наших рассуждениях мы должны еще учитывать, каким языком разговаривает большинство населения. Недавно мы опубликовали в журнале статью, созданную на основе исследования в Иркутской области на тему представления о среднем классе, которое проводилось в районах, где закрыли лесхозы, совхозы и колхозы, и 60% сказали: мы – средний класс. Почему? Потому что люди рыбы наловят, шишек насобирают в тайге, картошки накопают – они не голодные, не бедные, они – средний класс. Вы представляете, какую характеристику можно написать: 60% в Иркутске – средний класс, и в Дании тоже 60% считает себя средним классом. Использование нами данного определения всегда должно сопоставляться с той реальностью, с которой мы сталкиваемся.

Также я хочу поддержать предложение Валентины Гавриловны продолжить эту работу, а также использовать сопоставление трех языков – языка науки, языка политики, управленцев и языка тех людей, за которых мы ратуем, чтобы они лучше жили и были обеспечены на соответствующем уровне благосостояния.

А.В. Коврига: Мне кажется, что более дисциплинарная проработка вопросов очень важна, но здесь возникает много «но», потому что наша проектная и научно-стратегическая культура внутри отдельных профессиональных сфер настолько, с моей точки зрения, упала, что мы в монопрофессиональном плане достаточно сложно организуемся в коллективную работу. То есть вопрос, как эту многодисциплинарную работу построить, специально должен быть рассмотрен. Второй момент: можно попробовать выделять темы. Но для того, чтобы работа могла продвигаться и была эффективной, эта проблемная повестка дня должна быть тоже сформулирована. Если она не сформулирована, то создавать такие группы будет проблематично. Как уже говорил господин Кучкаров, принципиальный момент – это ресурсное обеспечение. Сразу возникает вопрос: можем ли мы закрыть глаза на текущую рыночную, интеллектуально-рыночную конъюнктуру и сделать творческий оффшор, с тем, чтобы работа не подчинялась нынешнему спросу, потому что, если мы будем зависимы, мы ничего нового не породим. Но как сделать творческий оффшор, который произведет бросок вперед? Работа над ним должна быть отгорожена от нынешней конъюнктуры и нынешних опасностей, интересов и хитросплетений: у кого-то институциональная зависимость, у кого-то карьерные соображения. Если все это будет оказывать влияние, то мы никак не продвинемся.

Б.А. Камкия: Я хотел бы поблагодарить все докладчиков и озвучить свое впечатление в двух словах. То, что Абхазия была выбрана для решения столь серьезных, важных, фундаментальных, злободневных вопросов, делает ее местом или ареной деятельности мировых институтов.

Я хотел сказать также относительно тех изменений, которые происходят сейчас в России, в результате чего мы все пребываем в состоянии напряжения. Это напряжение не может не сказаться на тех формах, тех научных изысканиях, которые существуют. Здесь были высказаны крайне объективная и серьезная информация, цифры, факты. Я, конечно, сторонник того, чтобы это было популяризовано в различных формах.

Прежде, чем закончить, я хотел бы напомнить абхазскую пословицу: чужая веревка тебя из колодца не вытащит. Это означает, что для того чтобы решить серьезную проблему, надо иметь серьезное представление о средствах и способах ее разрешения. И я думаю, что мы в этом плане сегодня многое сделали.

М.Ю. Байдаков: Вы знаете, мне кажется, что все только что вами сказанное также является неким промежуточным итогом. Это сама простая констатация того факта, что сегодня собрались люди, профессионалы каждый в своем вопросе, готовые совместно продолжать работу над этой темой. Я считаю, что наших сил достаточно для того, чтобы мы заявили о себе. Не сразу, не на следующий день. У нас есть необходимый инструментарий, и мы должны правильно им воспользоваться.

Н.Н. Федотова: У меня есть практическое предложение: если сработает идея о следующей встрече, необходимо будет на финальную ее часть пригласить лиц, принимающих решения на уровне власти. Технически это, конечно, очень сложно, но если пишется письмо от серьезной организации, такой как Постоянно действующий форум «Запад-Восток: интеграция и развитие», то вероятность того, что они придут, возрастает.

М.Ю. Байдаков: Обычно мы так и поступаем. Как строится подобная работа: собираются круглые столы, и потом, в случае появления итога, обязательно определяются лица, которых мы приглашаем, лица, принимающие решения. И тогда ситуация озвучивается, и озвучивается иногда в достаточно серьезном ключе.

Я уже говорил о «Моденской декларации». Через год после ее принятия меня в Риме принимал итальянский министр по инфраструктурным проектам. Кроме нас двоих было еще несколько человек из прессы, и он заявил мне о том, что Италия гордится тем, что на ее территории был принят столь важный и по-своему уникальный документ. Поэтому сегодня мы обязательно должны сформулировать итоги нашей дискуссии и создать меморандум. И на основе прозвучавших сегодня докладов, а также докладов тех, кто готовился к мероприятию, но в силу различных причин не смог лично присутствовать, необходимо составить книгу.

Представления о среднем классе, которое проводилось в районах, где закрыли лесхозы, совхозы и колхозы, и 60% сказали: мы – средний класс. Почему? Потому что люди рыбы наловят, шишек насобирают в тайге, картошки накопают – они не голодные, не бедные, они – средний класс.

Я хочу сказать всем большое спасибо. Отдельное спасибо хозяевам этой прекрасной земли – Абхазской Республики. Мы проводили этот Форум здесь неслучайно. На этой земле необходимо думать о дальнейшем экономическом развитии, о людях, о желании работать. Здесь прекрасные люди, которые мечтают трудиться мирно на своей земле и делать смелые шаги в сторону дальнейшего развития. Это очень важно.

О.Н. Дамениа: Мы очень благодарны за то, что вы сочли возможным провести такого рода мероприятие именно в Абхазии. Мне было очень интересно и познавательно вас всех слушать. Каждый из вас сказал, что вы хотели бы работать в этом направлении, и это действительно хороший результат. Вы не отказались от этой идеи, от этой тематики.

М.Ю. Байдаков: Позвольте и вас, коллеги, пригласить к дальнейшей работе с нами.

Всем большое спасибо!

Открытое **обращение** участников Круглого стола

Участники Круглого стола «Неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды», организованного Постоянно действующим Форумом «Запад-Восток: интеграция и развитие», обращаются ко всем, кому одинаково дороги традиционные ценности, культура и развитие современной, эффективной и справедливой экономики.

К сожалению, современные политические тенденции часто сталкивают эти ценности друг с другом, нанося непоправимый ущерб гармоничному развитию стран и народов. Мы уверены, что эти противоречия преодолимы. Мы видим пути к установлению гармонии между прогрессом и традицией и призываем всех присоединиться к дальнейшему обсуждению проблемы.

На Круглом столе обсуждался круг проблем, имеющих общемировое значение. Выбор Абхазии как места проведения Круглого стола обусловлен глубокими причинами. Эта древняя, но вновь молодая страна переживает сложный период своей истории. Здесь в наиболее острой форме проявились противоречия взаимодействия различных культур, наложившиеся на мировую тенденцию трансформации мировой архитектуры, изменение роли и места многих стран в глобализированном мире.

Абхазия сегодня нуждается в моральной поддержке, абхазские ученые, специалисты, учащаяся молодежь должны иметь возможность участвовать в обсуждении проблем, имеющих не только региональное, но и мировое значение. Абхазии предстоит вновь раскрыть не только свой экономический, но и интеллектуальный потенциал. Но и мир нуждается в Абхазии, как месте, где пересекались и оставили свой след древние культуры и обычаи, где сохранилась народная мудрость и традиции, где быстрыми темпами формируется новая жизнь и современная экономика. Прошедший Круглый стол стремился способствовать этому взаимовыгодному процессу.

Нельзя не подчеркнуть, что, несмотря на трудный период, переживаемый Абхазией, уровень организации Круглого стола, условия, предоставленные для работы участников, оказались соответствующими самым высоким требованиям, предъявляемым к международным конференциям. Участники Круглого стола «Неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды» выражают уверенность, что и их труд окажет благотворное воздействие на общественную жизнь Республики, ее дальнейшее процветание.

Выражаем благодарность Президенту Республики, Кабинету министров и Парламенту Абхазии за гостеприимство и превосходный уровень организации мероприятия. Надеемся, что на абхазской земле будут проходить еще многие конференции и форумы, способствующие развитию региона, его культуры и экономики. Выражаем также благодарность организаторам Круглого стола: Постоянно действующему Форуму «Запад-Восток: интеграция и развитие» и Институту экономики РАН, а также Банку «Миллениум» за инициативу по организации и проведению Круглого стола.

Меморандум

Мы, участники Круглого стола «Неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды», организованного Постоянно действующим Форумом «Запад-Восток: интеграция и развитие»:

- принимая во внимание нарастание противоречий между процессами в сфере экономики, духовной и культурной жизни общества,
- учитывая глубокие трансформации современности, широкие протесты мировой общественности, связанные с глобализацией и мировым системным кризисом,
- обеспокоенные усилением негативного влияния политических и экономических преобразований на ценностный мир, духовную культуру, традиции и мораль,
- обращаем внимание на необходимость учета интересов всех слоев общества, возрастание ответственности государства при выборе стратегий реформирования и методов социально-экономических преобразований, которые должны учитывать культурно-историческое разнообразие, традиции и духовно-нравственные ценности,
- заявляем о неприемлемости принятых методов решения кризисных проблем за счет ухудшения условий и снижения уровня жизни широких масс,
- считаем недопустимым отсутствие названных проблем в актуальной повестке дня современных политиков, деловой и государственно-управленческой элиты,
- отмечаем принципиальную важность системной проработки цивилизационных оснований для социально-экономических преобразований с целью обеспечить гармоничное развитие духовно-культурной сферы и экономики,
- констатируем целесообразность в рамках нашего междисциплинарного сетевого научно-экспертного сообщества развертывание новых исследований и проектных разработок по актуальным направлениям развития эффективных интегрированных исследований в области экономики, культуры и образования.

С.Н. Белкин зачитывает Меморандум в правительстве Республики Абхазия

Мы, участники междисциплинарного сетевого сообщества «Запад-Восток: интеграция и развитие», открытого для дискуссий и сотрудничества со всеми заинтересованными лицами и организациями, обладая всеми необходимыми компетенциями для решения накопившихся проблем экономики, управления, демографии, культуры и образования,

- создаем постоянно действующий Круглый стол по обсуждению и решению возникающих проблем и использованию уникального комплекса экспертных знаний, достаточных для обеспечения эффективности реформ и динамичного и гармоничного развития общества.

29 ноября 2010 г. Пицунда, Республика Абхазия

Анкета-интервью «О развитии»

Ответы д.э.н., проф. **Захирджана Кучкарова**

Экономическое и общественное развитие

- **Что такое общественное развитие, каковы его признаки и критерии?**
  Общественное развитие – это возникновение и становление новых социальных и организационных форм жизнедеятельности, появление новых общественных функций и потребностей, изменения типологии и топологии социальных связей и сетей.
  Общественное развитие является благом **абсолютным**, равноценным развитию личности.
  Приоритеты или доминирование общественного и личного развития исторически сменяют друг друга, разрешая накопившиеся проблемы развития.
- **Что такое экономическое развитие? Является ли экономическое развитие безусловным благом?**
  Экономическое развитие – это становление новых форм собственности, возникновение новых объектов собственности, методов владения, управления и перераспределения собственности.
  Экономическое развитие является благом **относительным**, при нем обеспечивается выигрыш интересов тех или иных групп, форм, корпораций, вплоть до групп определенных квалификаций и профессий, чьи функции исторически разрешают актуальные проблемы.
- **Экономическое развитие и общественное развитие: в чем состоят их сходство, различие, противоборство?**
  Экономическое развитие вынуждает общественное развитие как средство собственного развития, но по мере удовлетворения потребностей само становится средством, уступая приоритет общественному, ценностному развитию.
- **Считаете ли вы общепринятые критерии экономического развития удовлетворительными/неудовлетворительными, и с какой точки зрения?**
  Не считаю. Они не только устарели, но и с каждым днем (с каждым кризисом) демонстрируют свою несостоятельность и искажение общественной рефлексии.
- **Может ли развитие экономики, оцениваемое по современным общепринятым критериям, способствовать замедлению, остановке развития народа и страны или даже их деградации?**
  Да, развитие по общепринятым критериям ведет ко все большему обособлению экономики и все большей потере прозрачности и управляемости.

Россия и развитие

- **Какой период сейчас переживает Россия: развитие, застой, деградация, угасание?**
  И то, и другое, и третье.
- **Укажите признаки успешного развития страны – на примере России или другого государства.**
  «Сущностно» точные признаки развития концептуально сложны и не могут быть раскрыты в жанре анкеты.
- **Назовите признаки остановки развития, деградации страны – на примере России или другого государства.**
  Старые формы разрушаются и/или входят в трофические цепи новых или внешних форм, но новые формы не интегрируют в себя все или большинство населения.
- **Какие страны способствуют развитию России, а какие препятствуют?**
  Все страны способствуют и все препятствуют – в разных аспектах и смыслах.
- **Какие мировые тенденции способствуют развитию России, а какие препятствуют?**
  Препятствует потребность в сырье.
- **Какие (мировые, региональные) проекты способствуют развитию России, а какие препятствуют?**
  Мировые Транспортные коридоры способствуют развитию России.
- **Существуют ли общие для всех стран и народов критерии и цели развития?**
  Да, они определяются принципом «Развитие каждого в интересах развития всех».
- **Существует ли общий для всех стран и народов образец, алгоритм, технология развития?**
  Существуют как модели развития, так и механизмы его обеспечения, но это снова не жанр анкеты.

Учредители

альманаха «Развитие и экономика»

Байдаков Михаил Юрьевич

родился в 1959 году в г. Москве. В 1982 г. окончил Московский институт электронного машиностроения, факультет прикладной математики по специальности инженер-математик. Трудовую деятельность начал в НПО «Взлет» Минрадиопрома СССР, пройдя путь от инженера до начальника сектора, где занимался проблемами моделирования управления сложными динамическими системами, что позволило ему впоследствии освоить профессию банкира: с 2003 года и по настоящее время М.Ю. Байдаков является Председателем Правления «Миллениум Банк» (ЗАО).

Важно отметить, что он никогда не замыкался в рамках профессиональной сферы. М.Ю. Байдаков является Вице-Президентом Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и Центра национальной славы России, а также руководителем Финансового комитета МОФ «Диалог цивилизаций», советником Президента ОАО «Российские железные дороги» В.И.Якунина, генеральным директором Постоянно действующего форума «Запад-Восток: интеграция и развитие».

М.Ю.Байдаков активно выступает в СМИ с аналитическими статьями, среди которых такие как «Малый банк – это не размер. Это способ управления» (2002), «Запад – Восток: интеграция и развитие» (2005), «Вызовы геоэкономики» (2006), «Лекарство для обезумевших финансов» (2008), «Защитить рынок от неолибералов» (2009), «Многоликий кризис» (в соавт. с С.Белкиным, 2010) и др.

М.Ю.Байдаков награжден медалями Г.К. Жукова и «300 лет российскому флоту», орденами Русской Православной Церкви: Сергия Радонежского, Даниила Московского и Серафима Саровского, Знаком ордена Международной Академии Общественных наук «Иван Калита», ведомственными наградами Министерства обороны РФ.

Белкин Сергей Николаевич

родился в 1950 г. в Ярославле. В 1958 году семья переехала в г. Кишинев. В 1974 г. окончил физический факультет Кишиневского Госуниверситета по специальности «теоретическая и математическая физика», а в 1981 стал кандидатом физико-математических наук. После возвращения в Россию в 1992 году стал одним из руководителей авиакомпании «Дако-но Эйр», в период 2001-2003 являлся советником Министра промышленности, науки и технологий РФ, в последующие годы возглавлял инвестиционную компанию «Биозащита». С 2008 года по настоящее время служит советником председателя Правления банка «Миллениум».

Разнообразные жизненные впечатления «вылились» в литературное творчество, приведшие к членству в Союзе писателей России. За 10 лет опубликовано несколько книг художественной прозы С.Н. Белкина: «Говорящая муха» (2000), «Корректор жизни» (2002), «Беглец-шоу» (2005), «Галактический еврей» (2010) и две книги в ином жанре: пособие по персональному финансовому планированию «Что делать с деньгами?» (2006) и наставление по психологии «Искусство жить, или как быть счастливым, несмотря ни на что» (2010).

С.Н. Белкин уделяет внимание и публицистике. Статьи: «Столкновение цивилизаций как внутренняя проблема России» (2007); «Общественная нравственность сегодня: куда и почему движутся нормы?» (2008); «Счастье как политическая и экономическая категория» (2009); «Многоликий кризис» (2010, в соавторстве с М. Байдаковым), «Четвертый ключ к будущему» (2010) и др. касаются вопросов современной политики, экономики, взаимодействия личности и общества, духа и материи.

Запад-Восток
интеграция и развитие

www.west-east.org

ОБЪЕДИНЕНИЕ РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Постоянно действующий Форум «Запад-Восток: интеграция и развитие» является площадкой для диалога с целью поиска моделей развития стран Востока и Запада

Генеральный партнер:

миллениум банк зао

Партнер:

WORLD PUBLIC FORUM
DIALOGUE
OF CIVILIZATIONS